

26.8Г
СЗ1 - 46

ТАЙНЫ ВЕКОВ

**В ПОИСКАХ
НЕВЕДОМЫХ ЗЕМЕЛЬ
СУДЬБЫ ВЕЛИКИХ
ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ**

Ю. СЕНКЕВИЧ, А. ШУМИЛОВ

ТАЙНЫ ВЕКОВ

В ПОИСКАХ
НЕВЕДОМЫХ
ЗЕМЕЛЬ

Ю. СЕНКЕВИЧ, А. ШУМИЛОВ

**В ПОИСКАХ
НЕВЕДОМЫХ
ЗЕМЕЛЬ**

**СУДЬБЫ ВЕЛИКИХ
ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ**

Москва
«Вече»
2005

К 26.8 |
С31

Вниманию оптовых покупателей!

Книги различных жанров
можно приобрести по адресу:
129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24.
Акционерное общество «Вече».
Телефоны: 188-88-02, 188-16-50, 182-40-74;
тел./факс: 188-89-59, 188-00-73.

E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>

Филиал в Нижнем Новгороде
«Вече—НН»
тел.: (8312) 64-93-67, 64-97-18.

Филиал в Новосибирске
ООО «Опткнига—Сибирь»
тел.: (3832) 10-18-70

Филиал в Казани
ООО «Вече—Казань»
тел.: (8432) 71-33-07

Филиал в Киеве
ООО «Вече—Украина»
тел.: (044) 537-29-20

71773

**Новошахтнская ЦБС
Ростовской области**

ИВН 5-9533-0461-7

© Сенкевич Ю.А., Шумилов А.В., 2005
© ООО «Издательский дом «Вече», 2005

ГЛАВА 1. АДМИРАЛ МОРЯ-ОКЕАНА

Редкая честь — сама фамилия его стала синонимом слова «первооткрыватель». Колумб! Владея при жизни многими титулами, он ценил больше всего один — Адмирал Моря-Океана. Конечно, значение открытия Америки трудно переоценить. Но не менее важно другое — он победил вековое притяжение берега, он проложил человечеству Дорогу в Неведомый Океан.

«Люди, — говорил философ древности, — бывают трех видов: те, кто живы, те, кто мертвы, и те, кто плавает в море».

Веками и тысячелетиями море было для человека враждебной стихией. Парус пришел на смену веслу, люди учились лавировать против ветра, учились ориентироваться по светилам. Но еще очень долгое время мореплавание оставалось исключительно прибрежным. Редкий смельчак отваживался потерять из виду спасительную землю.

Христофор Колумб. Родился между 25 августа и 31 октября 1451 года, умер 20 мая 1506 года

«Человеку не следует искушать Бога, стремясь в неведомые дали океана», — говорили в Средние века.

Обычно эпоху Великих географических открытий начинают именами Колумба и Магеллана. Все верно. Но их плаванья были подготовлены настойчивой и страстной деятельностью португальского принца Энрике. Он вошел в историю как Генрих Мореплаватель, хотя сам не участвовал ни в одном из многих десятков плаваний, которые организовал. На мысе Сан-Висенти — самом западном мысе Европы, открытом всем ветрам Атлантики, — Энрике воздвиг царственный дворец: школу космографии, астрономическую обсерваторию, морской арсенал. В 1416 году инфант* отправил первую экспедицию. И с той поры до самой смерти Генриха Мореплывателя год за годом уходили вдоль побережья Африки португальские корабли, — уходили, чтобы отыскать морской путь в Индию.

Слишком силен еще был страх перед открытым океаном: зачастую ничем не приметный мыс становился непреодолимой преградой.

Старинный документ: «Говорят, Геркулес встретился у этого мыса со столь сильным течением, что не смог продвинуться дальше и воздвиг здесь столп с греческой надписью, гласившей: кто проникнет за этот мыс, вряд ли вернется. Царило большое смятение по поводу того, кто же первым не побоится рискнуть своей жизнью. Как можем мы, говорили люди, перешагнуть границы, начертанные нашими предками, и много ли пользы инфанту от гибели наших душ и наших тел?

Это ошибочное представление стоило инфанту больших затрат, ибо он в течение 12 лет беспрестанно посылал туда свои корабли, но ни разу не нашлось человека, который рискнул бы обогнуть тот мыс...

Вам не грозят, — сказал инфант, — столь большие опасности, которые превозмогли бы надежду на возвращение. Упомянув на это, я весьма удивлен тому мнению, которое вы выска-

* Инфант — в Испании и Португалии титул принцев королевского дома.

зали, основываясь на столь недостоверных слухах. Если бы они заслуживали хоть малейшего доверия, я бы не стал вас порицать. Поэтому отправляйтесь туда и не тревожьтесь. Плывите так далеко, как сможете, и Божьей милостью обретете славу и выгоду!»

Генрих Мореплаватель пытался заставить преодолеть страх перед океаном; он, как пишет историк, «был тем человеком, который действительно показал своему народу и всему человечеству путь в Индию и в Америку». Но показать — далеко не все. Колумб первым рискнул оторваться от берега, первым использовал полупризнанную, отчасти даже еретическую, идею шарообразности Земли, первым повел свои каравеллы в океан...

Не так уж много знаем мы о жизни великого мореплавателя. Только после долгих споров историки установили год его рождения — 1451. Дата по-прежнему неизвестна: между 25 августа и 31 октября.

Родился Колумб в Генуе. Отец, Доменико Колombo, был ткачом и сыном ткача. Дочерью ткача была и его жена Суанна.

Не удивляйтесь разному написанию фамилии. Когда Колумб жил в Португалии, его называли Колом. В Испании — Колон. Англичане пишут его фамилию на латинский манер — Колумбус, французы — Колумб, в России исторически привилось Колумб. Кажется, только в Италии придерживаются истинного написания и произношения — Кристофоро Коломбо.

Мы не знаем, почему генуэзский ткач Доменико назвал своего сына Христофором (Кристофоро). Наверное, случайно выбрал это имя. Но сам Христофор Колумб думал иначе. И, как это ни странно, отчасти благодаря своему имени он стал первооткрывателем Нового Света.

По библейскому преданию, жил когда-то на берегу реки в Малой Азии могучий язычник, который зарабатывал себе хлеб, перетаскивая вброд уставших путников на другую сто-

В 1492 году Мартин Бехайм (6.10.1459—29.07.1507) изготовил «земное яблоко», не первый, вероятно, но самый старинный из дошедших до нашего времени глобусов

рону. Однажды к реке подошел маленький ребенок. Язычник посадил его на плечи и... чуть не уронил.

— Ну, малыш, — сказал язычник, перейдя рску, — мы оба могли погибнуть. Кажется, если бы я взвалил на плечи целый мир, так и то было бы легче!

— Не удивляйся, — ответил ребенок. — Ты нес на своих плечах весь мир и Того, Кто его создал.

Христофор — так стали звать язычника — переводится как «несущий Бога». С того дня Святой Христофор стал покровителем всех странствующих. Если же учесть, что слово «Колумбо» означает по-

итальянски «голубь», то полное имя великого мореплавателя можно перевести как «голубь, несущий Бога».

Имя действительно многое определило в жизни Колумба. Он был уверен, что самой судьбой ему предназначено перенести христианство через морс. Не случайно самая первая карта Нового Света, датируемая 1500 годом, украшена изображением Святого Христофора, который несет на плечах младенца Иисуса.

До двадцати пяти лет сын генуэзского ткача был вовсе неграмотен и только в Португалии научился читать и писать. Впрочем, это не помешало ему к концу жизни собрать прекрасную библиотеку, стать одним из образованнейших людей своего времени и, безусловно, величайшим мореплавателем.

В Португалию Колумб попал случайно. До этого, насколько можно судить по сохранившимся документам, он совершил несколько плаваний по Средиземному морю, а в основном помогал в ткацкой мастерской своему отцу. В мае 1476 года Генуя должна была выставить вооруженный конвой для сопровождения ценного груза в Северную Европу. Так Колумб оказался матросом на фламандском судне. В августе флотилия была атакована французами в районе Гибралтарского пролива. Судно, на котором находился Колумб, затонуло, а сам он, раненый, ухватившись за какой-то обломок весла, сумел доплыть до берега, преодолев шесть миль.

Колумб поселился в Лиссабоне у своего старшего брата Бартоломе (Варфоломея), который работал в мастерской, где изготовлялись морские карты. Здесь часто собирались старые португальские капитаны — капитаны принца Энрике. Они рассказывали об огненных потоках, изливающихся в море с Колесницы Богов, о волосатых людях-гориллах, о Земле Брендана, об острове Антилия, о таинственных землях в Атлантическом океане, которые мы называем мифическими, но в которые тогда верили.

На кораблях португальского флота — в то время лучшего в мире — Колумб прошел от полярного круга почти до экватора. Начав матросом, он стал капитаном. Он зачитывался книгами по географии и космографии. На Азорских островах он видел загадочные «конские бобы», выброшенные волнами на берег. Теперь мы знаем, что это плоды американской мимозы. У берегов Ирландии его поразила странного вида лодка, принесенная течением неведомо откуда. Плосколицы мертвецы, которые лежали в лодке, показались Колумбу похожими на китайцев.

Может быть, именно тогда, у берегов Ирландии, созрел у Колумба план: используя шарообразность Земли, отправиться в плавание на запад, чтоб достичь Востока — Индии.

Надо сказать, что Индиями тогда называли Индию, Бирму, Китай, Японию, Молуккские острова, Индонезию и даже

Эфиопию. Сам Колумб, говоря об Индиях, имел в виду в первую очередь таинственный остров Сипанго (то есть Японию), о котором впервые упомянул Марко Поло.

Идея шарообразности Земли в общем-то уже перестала быть еретической. Но оставался открытым вопрос о размерах земного шара. Деление окружности на 360 градусов было унаследовано еще от греков, однако никто не знал, как велик сам градус.

По мнению Птолемея, градус был равен 50 современным географическим милям (они же морские), по мнению Альфрагана — 66 милям. Книга Альфрагана (точнее Аль-Фергани, узбекского ученого IX века) «Начала астрономии» была переведена на латинский язык и издана в Италии в 1493 году. Колумб, видимо, знал о ней только понаслышке и неверно истолковал взгляды узбекского ученого. Колумб считал, что в градусе всего 45 миль. Таким образом, размеры земного шара он преуменьшил на четверть. А протяженность Европы и Азии по параллели он, наоборот, преувеличил чуть ли не в 2 раза, считая на основании рассказов Марко Поло, что от Португалии до Сипанго 280 градусов (на самом деле — 150).

В Библии сказано: «И ты высушил шесть частей». Опираясь на эту цитату, Колумб «убедительно» доказывал, что шесть седьмых земного шара составляет суша, и океан, следовательно, не может быть слишком широким. Колумб предполагал, что от Канарских островов до Сипанго всего 400 миль. Истинное же расстояние по прямой (теперь мы это знаем) составляет 10 600 миль...

В 1479 году Христофор Колумб женился в Лиссабоне на донне Филипе Периштреллу-и-Мониш. Ее отец Бартоломеу Периштреллу был губернатором Порто-Санту, одного из островов группы Мадейры, и это губернаторство унаследовал затем ее брат. По материнской линии донна Филипе была внучкой Жия Мониша — молочного брата принца Энрике, одного из наиболее прославленных капитанов инфанта. Таким образом безвестный генуэзец породнился с двумя знатнейши-

ми родами Португалии. Женильба и друзья открыли ему дорогу ко двору.

В 1484 году Колумб представил свой план португальскому королю Жуану II. Современник пишет: «Король, поскольку он смотрел на этого Кристофана Колона как на хвастуна и бахвала, помешанного на своем острове Сипанго, не поверил ему».

Жуан II был вовсе не заинтересован в плане генуэзца, поскольку к этому времени португальцы уже почти достигли оконечности Африки, а чуть позже, в 1488 году, Бартоломеу Диаш обогнул мыс Бурь (мыс Доброй Надежды) и фактически проложил путь на Восток к Индиям.

Еще много раз проект Колумба будут отвергать как «сомнительный и невероятный для любого образованного человека». После кончины своей жены (1485) Колумб переберется в Испанию, будет принят королевой Изабеллой и... опять получит отказ. Потом вновь обратится к Жуану II, потом к английскому королю Генриху VII, к сестре короля Франции Карла VIII. И везде получит отказ.

Сын Колумба, дон Диего, рисует портрет отца: «Он был высок ростом, строен, силен и имел благородную и величавую осанку. Лицо его было продолговато, ни полно, ни сухо, с живым, даже несколько красноватым цветом и покрыто небольшими веснушками; нос орлиный; кости на щеках несколько выдающиеся; глаза светло-серые, легко воспаляющиеся; и вся наружность его, казалось, внушала повинование. Волосы в молодости были у него светлые, но беспокойства и заботы скоро изменили этот цвет, и в тридцать лет жизни он был уже совершенно сед».

Богатое творческое воображение сочеталось в нем с фанатической убежденностью в своей правоте. Колумб и не думал скрывать свое презрение к инакомыслящим. Отсюда постоянные насмешки придворных. Большинство считало его безумцем, все — человеком тяжелым и надоедливым.

Нужно, пожалуй, отметить, что те, кто отвергал план Колумба, имели зачастую более реальные представления о размерах земного шара и о продолжительности плавания к берегам Сипанго. Десять тысяч миль не смог бы, конечно, преодолеть ни один корабль того времени. Противники Колумба были совершенно правы, вернее были бы совершенно правы, если бы... не существовало Америки. Величайшая ошибка привела Колумба к величайшему открытию!..

В январе 1492 года испанские монархи Изабелла и Фердинанд окончательно отказали Колумбу. Сомнения в осуществимости проекта оставались, и, кроме того, слишком уж непомерные требования выдвигал генуэзец. Кроме денег на снаряжение кораблей он требовал невиданных почестей. Он хотел получить дворянский титул, звание Адмирала Моря-Океана и Вице-короля всех земель, которые будут открыты. Он хотел, чтобы эти титулы и звания наследовали его потомки, чтобы он и потомки получали десятую часть доходов от торговли с вновь открытыми землями. И так далее.

— Все или ничего! — требовал Колумб.

Рассказывают, что, получив отказ, он оседлал мула, сложил во вьюки карты и отправился из Гранады в Севилью, чтобы плыть во Францию, на поклон к Карлу VIII. Рассказывают, что в тот же день к Изабелле явился королевский хранитель казны, убеждая ее, что их королевские высочества ничем не рискуют. Пусть его тешится — «Вице-король неоткрытых земель». Если же земли будут открыты, то королевская казна может, несомненно, получить значительные выгоды.

Рассказывают, что специально посланный королевой гононец нагнал и вернул Колумба. Мул, к счастью, неторопливое животное...

3 августа 1492 года Колумб подал сигнал к отплытию...

В любом портовом городке Испании, да и не только Испании, можно купить модель «Санта-Марии» — флагманского корабля флотилии Колумба. Но в действительности мы не знаем, как она выглядела. И еще одно уточнение. Каравеллы вошли в

историю под именами «Санта-Мария», «Пинта», «Нинья», но в то время кораблям кроме официального названия (обычно по имени святого-покровителя) часто давали еще и прозвища. «Санта-Марий» могло быть и много; каравелла Колумба была известна по прозвищу «Ла-Гальега» — «Галисийка». А «Нинья» и «Пинта» — это как раз прозвища. На борту «Ниньи» было написано: «Санта-Клара», прозвище свое — «Дстка» — она получила не потому, что была самой маленькой во флотилии, а потому, что принадлежала семейству торговцев Ниньо. Прозвище «Пинта» («Кружка») тоже произошло от фамилии владельца — Пинто; официальное название этой каравеллы осталось неизвестным.

Выйдя из Палоса, Колумб взял курс на юг. Он предполагал, что остров Сипанго и остров Антилия (вовсе, как мы знаем, не существующий) лежал на двадцать восьмом градусе северной широты. В то время широту определяли по высоте Полярной звезды либо по высоте Солнца в полдень. Но навигационные инструменты — квадрант и астролябия — были столь несовершенны, что более-менее точно определить можно было только в штиль или, еще лучше, на берегу. Хронометры войдут в морскую практику только столетия спустя; во времена Колумба и после Колумба мореплаватели пользовались песочными часами. Определение долготы было потому нелегкой задачей. Моряки предпочитали плавать по параллелям; они выходили на нужную широту, а потом прямо на запад (или на восток).

Каждые полчаса юнга был обязан проверять песочные часы-склянку, а вахтенный штурман делать отметку на грифельной доске.

Лишь в склянке кончится песок
И время вахты минет,
Мы доплывем, хоть путь далек,
Господь нас не покинет...

Лаг (прибор для определения скорости судна и пройденного им расстояния) еще не был изобретен, и скорость оце-

нивалась на глазок. Колумб, не желая пугать своих спутников, старался ежедневно преуменьшать пройденное за сутки расстояние. Но уже с 9 сентября, когда скрылась на горизонте земля, на кораблях начался ропот.

— Куда ведет нас этот проклятый сумасшедший генуэзец? Или мы повернем назад, или мы выбросим его за борт!

Колумб, как пишет историк, «ободрял матросов изо всех своих сил... жаловаться бесполезно... он должен дойти до Индии, должен продолжать плавание, пока не найдет их с помощью нашего Господа Бога».

Впервые увидели европейцы огромные поля плавающих саргассовых водорослей. Близко земля? Нет, уже пройдена долгота мифической Антилии, а лот даже на двухстах морских саженьях не достигает дна.

Однажды вечером, когда каравеллы, как обычно, сошлись поближе для переговоров, с «Пинты» раздался голос: «Земля!» Все видели ее в лучах заходящего солнца. По приказу Колумба все пропели благодарение Богу, и каравеллы повернули к острову... Но это был лишь мираж, гряда облаков на горизонте.

Надо сказать, что еще до Колумба несколько португальских экспедиций уходили в океан на запад от мыса Сан-Висенти, но, встретив противные ветры, вынуждены были вскоре вернуться.

Колумб начал плавание от Канарских островов, его каравеллы подгоняли попутные пассаты. Но главное все-таки не в этом. Как справедливо пишет историк, «из всех мореходов только у него достало упорства, знаний и отваги, чтобы плыть на тысячи миль в открытый океан, плыть, пока не открылась суша».

Тридцать три дня продолжалось плавание. Несколько раз за это время назревал бунт, но убежденность Колумба победила.

«Tierra! Tierra!» — с этим возгласом Родриго Триана, вахтенный матрос «Пинты», навсегда вошел в историю.

Да, это была земля — маленький островок из группы Багамских. 12 октября 1492 года — дата открытия Нового Света. Колумб дал островку название Сан-Сальвадор (Святой Спаситель). Сами жители называли его Гуанахани.

Наверное, не только счастье, но и некоторое разочарование испытал Колумб. Где здесь чудесные пагоды? Где пряности? Где золото, наконец?

Туземцы жестами пояснили, что есть и другие острова, где золота много, очень много. И каравеллы продолжали плавание.

Жителей Гуанахани Колумб конечно же считал индейцами. Открыв остров Кубу, он решил, что это китайская провинция Манзи, восточная оконечность Азии. Внутреннюю часть острова туземцы называли Кубанакан — Средняя Куба. Но адмиралу слышалось Гран Кан — «великий хан», и он отправил послов, чтобы вручить верительную грамоту китайскому императору. Увы, дворцов и пагод послы не нашли; только небольшое селение: полсотни хижин, крытых пальмовыми листьями. Впрочем, очередное разочарование не поколебало убежденности Колумба, тем более что вскоре был открыт остров Эспаньола (Гаити). Туземцы острова носили множество золотых украшений, они говорили, что золото добывают в центральной части страны. Сипао — называли ее туземцы. Колумб слышал — Сипанго.

В ночь на Рождество у берегов Эспаньолы погибла флагманская «Санта-Мария». По вине вахтенного матроса каравелла, медленно дрейфуя в полный штиль, наскочила ночью на коралловый риф. Испанцы и индейцы — подданные касика (короля) Гуаканагари — сумели спасти только запасы продовольствия и товары для обмена. Как записал сам адмирал, туземцы при этом не похитили ни одного крючка.

Колумб и в гибели каравеллы увидел высокое предзнаменование. На берегу был построен Навидад — Город Рождества, первое поселение европейцев в Новом Свете. Здесь осталось

тридцать девять моряков, причем желающих было значительно больше. Испанцы уже подержали золото в руках, а туземцы были так добродушны, услужливы...

Нет, пожалуй, нужды описывать обратный путь. Жестокие зимние штормы терзали каравеллы; на «Нинье», которая стала флагманом, остался один-единственный парус. Даже Колумб, кажется, потерял надежду на спасение. Он завернул в вошеную ткань пергамент с выписками из вахтенного журнала, заложил сверток в тщательно просмоленный бочонок и выбросил его за борт.

Имеются сведения, что «секретный судовой журнал Колумба» был несколько раз продан на аукционах доверчивым коллекционерам. Но это фальсификации. Бочонок до сих пор не найден.

Возвращение было триумфальным. В Барселоне встречать моряков вышел на улицы весь город. Во главе процессии шел Колумб, одетый соответственно своему рангу вице-короля, Адмирала Моря-Океана. Его сопровождали офицеры, слуги. Шесть индейцев, украшенных перьями, золотыми подвесками, несли клетки с попугаями.

Вскоре состоялся торжественный обряд крещения индейцев, причем крестными были король, королева и инфант. Самый знатный из новых христиан — родственник Гуаканагари — получил «королевское» имя — Фердинанд Арагонский.

Вообще испанские монархи славились своим «благочестием». За покорение Гранады — последнего оплота «неверных мавров» в Европе — они даже получили от папы особый титул: «Весьма-Католические-Высочества». Весьма необычный титул, не правда ли? Теперь, когда в их новых владениях обнаружили тысячи несчастных язычников, они немедленно повелели отправить туда шесть миссионеров для обращения индейцев в христианскую веру.

Впрочем, кроме шести миссионеров в Новый Свет со второй экспедицией Колумба отправились и полторы тысячи мирян. Жажда золота, уверенность в мгновенном обогащении

пересилили в умах испанских идалъго* вековечный страх перед океаном.

Уже 25 сентября 1493 года огромная флотилия в 17 кораблей вышла в плавание. 3 ноября на горизонте открылся гористый остров, который получил название Доминика. Адмирал спешил к Эспаньоле, и, пройдя вдоль дуги Малых Антильских островов, корабли флотилии уже 27 ноября бросили якоря неподалеку от Навидада. Поздним вечером к борту флагмана подошла пирога с индейцами, которые привезли Колумбу подарки от Гуаканагари. Никто из колонистов, к удивлению Колумба, не прибыл, а индейцы на все вопросы отвечали уклончиво. И только на следующий день удалось узнать, что же произошло в Навидаде...

Тридцать девять испанцев, оставленных Колумбом на Эспаньоле, не испытывали ни в чем нужды. Индейцы — подданные касика Гуаканагари — снабжали их свежими продуктами, охотно меняли свои золотые украшения на испанские безделушки. Но колонисты хотели иметь много золота и много женщин. И то и другое они все чаще брали силой. К тому же и среди них начались раздоры. Десять человек отправились в глубь острова, в ту самую страну Сибео, где добывалось золото. Но здешний касик Каонабо оказался более решительным, чем Гуаканагари. На насилие он ответил насилием. Вначале были перебиты колонисты, ушедшие в леса, затем Каонабо поджег и разгромил Навидад. Все испанцы были уничтожены.

Гуаканагари, по его словам, пытался защитить христиан, но сам был тяжело ранен в бою с Каонабо.

Испанцы требовали, чтобы Адмирал примерно наказал индейцев. Но Колумб, как утверждает очевидец, сказал, что это «все равно не позволит ни воскресить покойников, ни препроводить их в рай, если только они не попали туда прежде».

Новое поселение Изабелла было заложено на южном берегу острова. Испанцы по-прежнему жаждали мщения, и Ко-

* Идалъго — дворянин в средневековой Испании.

лумб был вынужден уступить. Алонсо де Охеда выступил в поход против Каонабо и захватил его в плен. По свидетельствам очевидцев, Охеда вначале известил касика, что он идет к нему с миром и хочет подарить ему колокол. Надо сказать, что звуки колокола, не столь мелодичные, сколь громкие, ежедневно собирали христиан на молитву. Многие индейцы мечтали обладать этой драгоценностью, и Каонабо не мог устоять. Подарив колокол, Охеда показал касику блестящие бронзовые наручники и уверил его, что знатные испанцы надевают эти «украшения» в особо торжественных случаях. Доверчивый Каонабо сам защелкнул наручники, после чего Охеда посадил его на коня позади себя и пустился вскачь... Пленник был прикован к стене в подвале адмиральского дома.

Год назад, открыв первый остров в Индиях, Колумб писал о туземцах: «Они приглашали нас разделить с ними все, что у них было, и выказывали нам столько любви, словно хотели отдать все свое сердце».

Полгода назад Изабелла в инструкции Адмиралу благочестиво повелела, чтобы с индейцами обходились «как можно лучше и с любовью». Слова, слова...

Конкиста означает «завоевание». Пленение касика на Эспаньоле стало только началом ужасающей испанской «политики» в Новом Свете. И отнюдь не слова «христианская любовь» будут написаны на знаменах конкистадоров.

Всего через несколько месяцев Колумб откроет Ямайку, и участник плавания капеллан Бернальдес запишет: «Адмирал вошел в бухту и бросил там якорь. На берегах ее наши люди увидели столько индейцев, что казалось, будто вся земля покрыта ими... Они оглашали воздух криками... и кидали дроты... Адмирал решил, что было бы неразумным оставить безнаказанной дерзость... Наши люди на лодках подошли вплотную к берегу и выстрелили в них из арбалетов. И когда им хорошенько задали, их обуял страх. А люди наши высадились, и индейцы... обратились в бегство... и вслед им выпустили с корабля собаку, которая кусала их и причиняла

большой урон, ибо против индейцев один пес стоит десяти человек».

Огромных, специально обученных для травли людей псов испанцы вывезли с Канарских островов, где португальцы готовили их для охоты за рабами в Африке. Впоследствии специальные питомники будут организованы испанцами на Эспаньоле, Кубе, на острове Пуэрто-Рико. Насколько широко применялось это «устрашающее оружие», можно судить хотя бы по тому, что имена наиболее «отличившихся» собак-людоедов знала вся Испанская Америка. Знаменитый Лас Касас в своей «Истории Индий» рассказывает, например, про пса Бессерильо, который загрыз десятки индейцев.

Эпоха конкисты — эпоха завоевания Южной и Центральной Америки еще впереди. Удивительное дело, в отряде Кортеса, например, было (в разное время) всего от четырехсот до тысячи шестисот конкистадоров. И тем не менее испанцы полностью разграбили главный город ацтеков Теночтитлан (современный Мехико), где жило до трехсот тысяч (!) человек.

В чем же причина фантастических побед конкистадоров? Конечно, сыграли свою роль и наивность индейцев, и их разобщенность, и межплеменная борьба, и превосходство завоевателей в вооружении, в организации войска. И еще одно «превосходство» — в жестоком вероломстве.

Лас Касас свидетельствует: «Вступая в селение, они не оставляли в живых никого, участи этой подвергался и стар и млад. Христиане бились об заклад о том, кто из них одним ударом меча разрубит человека надвое, или отсечет ему голову, или вскрыет внутренности. Иных обертывали сухой соломой, привязывая ее к телу, а затем, подпалив солому, сжигали их. Другим отсекали обе руки, и руки эти подвешивали к телу, говоря этим индейцам: «Идите с этими письмами, распространяйте вести среди беглецов, укрывшихся в лесах». А так как иногда при этом — мало, и редко, и по справедливой причине — индейцы убивали кого-нибудь из

Епископ Бартоломе де Лас Касас (1474—1566), автор многотомной «Истории Индии», писал о конкистадорах: «Они шли с крестом в руке и с ненасытной жаждой золота в сердце»

христиан, то последние сговаривались между собой, что за одного христианина, которого убьют индейцы, христиане должны убивать сто индейцев».

Коренное население уничтожалось с беспрецедентной в истории человечества быстротой. Лас Касас утверждал, что за три первых года население Эспаньолы уменьшилось в три раза. Но и тогда, в 1495 году, Колумб обложил податью один миллион сто тысяч индейцев. По данным ревизии 1510 года, всего через пятнадцать лет, на острове осталось только сорок шесть тысяч индейцев. К сороковым годам XVI столетия коренное население Эспаньолы было уничтожено почти полностью.

тожено почти полностью.

На Кубе, Ямайке, Антильских островах — везде, где ступала нога конкистадора, дело обстояло точно так же.

Открыв Индии, Колумб предлагал вывозить отсюда рабов: «Пусть даже умирают рабы в пути — все же не всем им грозит такая участь».

Гуманистом его назвать нельзя, но и считать жестоким человеком вряд ли есть основания. Правильнее сказать, он был сыном жестокого времени. Христианская «любовь к ближнему» понималась тогда достаточно своеобразно. В конце концов, и крестовые походы, и инквизиция санкционировались свыше. А о личной ответственности за самые ужасные грехи вряд ли кто вообще задумывался. Ведь индульгенция — поде-

шевле или подороже — давала отпущение любых грехов. И место в раю можно было купить за деньги.

На Эспаньоле Колумб вначале обложил всех индейцев податью. Каждый из них должен был ежегодно сдавать определенное количество золотого песка. Но эта система оказалась неэффективной, и тогда на острове было фактически введено рабство. Каждый колонист получил в собственность участок земли вместе со всеми индейцами, которые здесь жили.

Надо сказать, что колонизация Эспаньолы встретила на первых порах множество трудностей. Испанские идалгоплыли через океан, чтобы сражаться и загрэбать золото. А им пришлось думать о хлебе насущном, ведь первые годы все продовольствие завозили из Испании, и конечно нерегулярно.

«Страна бесплодных надежд, кладбище кастильских дворян», — поговаривали в Испании. А на Эспаньоле самой страшной клятвой была такая: «Пусть Бог не даст мне вернуться в Кастилию, если я вру». Все были недовольны.

Когда Колумб в 1496 году возвратился в Испанию, он был встречен довольно холодно. Великого мореплавателя обуревали новые великие планы, но лишь два года спустя он сумел добиться разрешения вновь выйти в море. На этот раз желающих отправиться в плавание было немного. Король и королева вынуждены были открыть ворота тюрем, чтобы укомплектовать команды каравелл.

Существовало странное, но твердое убеждение (подтверждавшееся, впрочем, накопленным опытом), что самые богатые залежи драгоценных камней и металлов должны находиться поблизости от экватора. Поэтому теперь Колумб решил пересекать океан в более южных широтах.

31 июля 1498 года на горизонте показался остров, который Колумб назвал Тринидадом, а затем каравеллы вошли в залив Пария.

Здесь необходимо пояснить, что в этот замкнутый залив (между островом Тринидад и материком) впадают четыре пол-

новодные рски: Рио-Гранде, Сан-Хуан, Амана и западный рукав Ориноко. Речные воды заполняют чашу залива Пария, и, когда с моря идет приливная волна, оба пролива между островом и материком превращаются в кипящие водовороты. Каравеллы чудом избежали здесь гибели, и Колумб с полным основанием дал проливам названия Бока-де-ла-Сьерпе и Бокас-дель-Драгон — Пасть Змеи и Пасти Дракона.

Флагманское судно из-за мелководья не могло подойти к берегу, а посланная на разведку каравелла обнаружила на южном побережье пролива устья четырех рек. Их многоводность несомненно свидетельствовала, что на этот раз открыта какая-то большая земля.

«Я полагаю, что это очень большой континент, до сегодняшнего дня неведомый», — записал в дневнике Колумб. Спустя несколько дней он приходит к выводу, что этот континент есть не что иное, как... земной рай, Эдем! Как в раю, растут здесь «приятные на вид и хорошие для пищи деревья», как в раю, «золото в той земле хорошее». И река в соответствии с библейским текстом разделяется на четыре рукава!

«Если же не из рая вытекает эта пресная вода, — пишет Колумб, — то это представляется мне еще большим чудом, ибо я не думаю, чтобы на Земле знали о существовании такой большой и глубокой реки».

Сток пресных вод из залива Пария, бешеные течения в пастях-проливах Колумб может объяснить единственным образом — «места эти наивысочайшие в мире и наиболее близки к небу».

Встав на точку зрения Колумба, надо признать, что и следующее умозаключение выглядит абсолютно логичным — Земля имеет форму... груши!

«Я не раз читал, — пишет Адмирал, — что мир — суша и вода — имеет форму шара, и авторитетные мнения и опыты Птолемея и других, писавших об этом, подтверждают и доказывают подобное... Они основывали свои суждения на знакомстве с тем полушарием, на котором они жили, считая его,

как я уже это говорил, шаровидным... И о том же свидетельствуют и лунные затмения и другие небесные явления от запада к востоку, а также восхождение Полярной звезды от севера к югу. Теперь же... наблюдались столь великие несоответствия, что я вынужден заключить, что Земля... похожа на грушу — совершенно округлую, за исключением того места, откуда отходит черенок. Здесь Земля имеет возвышение, и похожа она на совершенно круглый мяч, на котором на одном месте наложено нечто вроде соска женской груди».

Колумб достиг преддверия рая!

Сам рай, по его мнению, должен был находиться южнее, ниже экваториальной линии. Что ж, стоит чуть изменить курс, и все они еще при жизни окажутся в садах Эдма. Адмирал был уверен, что его каравеллы могут легко достичь «наиболее возвышенного места на Земле», ведь он уже прошел Пасты. Но его остановило благочестие — «никому не дано попасть туда без Божьего соизволения».

Адмирал повернул на север — к берегам Испании...

Каждого, кто знакомится столетия спустя с дневниками Колумба, поражает причудливое сочетание самых передовых для своего времени космологических взглядов с фанатичной верой в библейские представления.

И еще одно странное, загадочное несоответствие обращает на себя внимание.

Колумб был великим мореплавателем. Уже пятый раз он пересекал океан и всегда безошибочно выходил именно туда, куда хотел. Но каждый раз, определяя свои координаты астрономически, он ошибался на сотни миль — это слишком много, даже если учесть несовершенство методов и приборов того времени. Так, во втором плавании, определяя во время затмения Луны долготу острова Саона (у Южного побережья Испании), он ошибся на 23 градуса — около 2000 километров! В третьем плавании, определяя широту острова Тринидад, Колумб ошибся почти на 5 градусов — около 500 километров! Но, несмотря на все эти чудовищные ошибки, Колумб

тогда же — в третьем плавании — совершенно безошибочно проложил курс от острова Тринидад к острову Эспаньола! Биограф Колумба, опытнейший моряк С.Э. Морисон, пытался понять этот удивительный парадокс: «Или Колумб гениально делал счисление, или его вел сам Господь Бог; возможно, здесь было и то и другое». •

На Эспаньоле дела обстояли далеко не блестяще. Наместником острова (аделантадо) в отсутствие вице-короля оставался его брат Бартоломе. Помогал ему младший брат Христофора — Диего. Они не сумели справиться с мятежом, который возглавил главный судья Эспаньолы, некий Рольдан. Колумб после долгих переговоров (которые тянулись почти год) сумел заключить мир с мятежниками. Но недовольство осталось. Правду сказать, Великий мореплаватель был плохим администратором.

«Ныне нет человека, который не поносил бы меня, — с горечью писал Колумб. — Мне не могли бы выказывать... большую вражду, даже если бы я захватил Индии... и отдал бы их маврам».

Действительно, с Эспаньолы в Испанию был послан донос, в котором утверждалось, что Колумб хочет завладеть островом и передать его геновцам. Адмирала обвиняли также в утаивании золота, добываемого на Эспаньоле.

Наверное, и общее недовольство, и доносы сыграли свою роль. Вскоре из Испании был прислан Франсиско Бобадиля, назначенный судьей-правителем Эспаньолы. То ли выполняя королевскую волю, то ли превысив свои полномочия, Бобадиля велел заковать в кандалы Колумба и его братьев и отправил всех троих в Испанию.

Говорят, что капитан каравеллы, выйдя в море, хотел снять оковы, но Адмирал гордо отказался. Впоследствии Колумб повесил кандалы на стене в своем кабинете «как памятник возмездия, полученного мною за мои заслуги», а умирая, он завещал положить их в гроб, и воля его была исполнена...

Король и королева сделали вид, что все происшедшее не более чем недоразумение. Они повелели немедленно освободить Колумба и оказывать ему величайшее уважение. Колумб прибыл ко двору и был принят, как пишет историк, «с беспрецедентной благосклонностью и отличием». Король и королева были растроганы (может быть, собственным великодушием?), а Колумб, увидев слезы на глазах Изабеллы, упал на колени, и, по словам очевидца, «жестокие рыдания не позволили ему в продолжение нескольких минут выговорить ни слова».

Весьма-Католические-Высочества выказали открыто свое негодование, объявили себя непричастными к действиям Бобадиля и немедленно отрешили его от должности судьи-правителя Эспаньолы. Они обещали восстановить Колумба во всех его правах, званиях, достоинствах и привилегиях. Но... обещание это так и не было выполнено.

Тяжбы, которые Колумб до конца своих дней неустанно вел с их высочествами, могут натолкнуть на мысль о стяжательстве. Но это совсем не так. Если бы только золото было движущей силой замыслов Колумба, то он мог бы удовлетворяться триумфальным первым плаванием, получая в дальнейшем свою долю (пусть хотя бы и урезанную) от различных коммерческих операций метрополии с колониями Нового Света. Но он вновь и вновь отправлялся в океан.

«Я выношу эти труды, — писал Колумб, — не из желания обогатиться или найти сокровища для себя (я прекрасно понимаю, что подобное — не что иное, как суета), но потому, что сознаю, что мои труды угодны Богу и направлены к чести Его».

Теперь у Колумба созрел фантастический план освобождения Гроба Господня из рук неверных. Собственно говоря, он всегда считал себя мессией. Свою первую задачу он выполнил — перенес Христа через океан. Для выполнения второй своей задачи он предполагал отправиться в Иерусалим, снарядив на собственные деньги 50 тысяч воинов и 5 тысяч конницы.

План Колумба, однако, не встретил поддержки ни у папы, ни у Восьма-Католических-Высочеств...

К этому времени испанцы уже освоили «преддверие рая». Индейцы залива Пария имели огромное количество золота, точнее изделий из сплавов меди с золотом, который они называли гуанином. Медь ценилась у индейцев значительно дороже золота, и за медные безделушки они охотно отдавали роскошные изделия из гуанина. А в районе острова Маргариты были освоены богатейшие месторождения жемчуга.

Каждое новое открытие в Индиях только усиливало неприязнь Фердинанда к Колумбу. Король считал себя обманутым, он раскаивался, что предоставил какому-то иностранцу столь обширные привилегии, значительность которых возрастала с каждым днем. Естественно, король и не думал выполнять свои обещания. На Эспаньолу вместо изгнанного Бобадильи был назначен новый наместник, некий Овандо. Временно, на два года, как утверждал Фердинанд, «для укрощения вражды и предубеждений против Адмирала».

Колумбу, однако, удалось получить корабли, чтобы отправиться в новое, четвертое плавание. Он по-прежнему считал, что Куба — часть Азии, провинция Китая. По его мнению, течения Карибского моря должны были находить себе выход где-то между Кубой и полуостровом Пария, который, как считал Колумб, был частью другого материка — «Другим Светом». Здесь-то он и предполагал искать пролив, соединяющий Атлантический океан... с Индийским.

О существовании Тихого океана тогда никто даже не подозревал. Король и королева дали Колумбу рекомендательное письмо к португальцу Васко да Гаме, который незадолго до этого отправился в новое плавание вокруг мыса Доброй Надежды. Предполагалось, что мореплаватели встретятся в Индии — в настоящей Индии.

Колумбу шел уже пятьдесят первый год. Физические лишения и нравственные страдания не могли не сказаться — здо-

ровье его было подорвано. Теперь, через века, трудно ставить диагноз — артрит (?), подагра (?).

Ясно одно — он был тяжело болен, может быть, и психически. И сами дневники его — тому свидетельство... Историк пишет: «Упреки по адресу бесчисленных врагов, прозрачные намеки на неблагодарность короля и королевы сменяются сбивчивыми описаниями пройденного пути и ссылками на библейские тексты. Порой кажется, что разум отказывается служить Колумбу. Его речь становится бессвязной, подобно лепету юродивого».

— Великий мореплаватель? Он утопил свои каравеллы!

«Тех, кто, сидя в безопасности дома, любит упрекать других и указывать на чужие ошибки, позвольте спросить: “А почему вы не сделали лучше?” Я хотел бы, чтобы они побывали в этом плавании», — отвечает Колумб. С полным основанием Великий мореплаватель именно последнее, четвертое плавание назовет позднее Великим.

Уже в самом его начале, когда каравеллы пересекли океан и подошли к Эспаньоле, произошел эпизод, в котором мореходное искусство Колумба проявилось в полной мере.

Надо сказать, что король запретил Колумбу заходить на Эспаньолу. Он боялся — и не без оснований, — что вице-король вряд ли найдет общий язык с Овандо, Бобадильей, Рольданом, да и со многими другими. Но у Колумба были если не причины, то по крайней мере поводы, чтобы нарушить запрет короля. Он хотел переслать в Испанию почту, заменить одну из своих каравелл; он, наконец, чувствовал приближение шторма и хотел укрыться в гавани.

29 июня 1502 года, когда каравеллы легли в дрейф на рейде Санто-Доминго, на берег была послана шлюпка. Колумб просил Овандо разрешить заход в гавань и предупредил его о надвигающемся шторме.

Рассказывают, что Овандо, наслаждаясь унижением вице-короля, вслух зачитал записку своим соратникам. Как раз в этот день из Санто-Доминго готовилась отплыть большая

Америго Веспуччи (9.03.1451—22.02.1512) в 1501—1502 годах участвовал в португальской экспедиции, которая открыла часть побережья Бразилии. По-видимому, он преувеличивал свою роль в португальской экспедиции, но на лавры Колумба все же не посягал. Южный материк, открытый португальцами, и острова, открытые Колумбом в Северном полушарии, никто не связывал воедино. Название «Америка» впервые появилось в 1507 году в книге М. Вальдземюллера «Введение в космографию» и относилось только к матерiku «по ту сторону экватора» — к Бразилии

флотилия, которая должна была доставить в Испанию золото Индий и другие товары. Ничто, казалось, не предвещало шторма, и предупреждение Колумба вызвало много саркастических замечаний и насмешек.

— Лжепророк! Чтоб ноги его не было на Эспаньоле!

Каравеллы Колумба вынуждены были уйти из уютной гавани Санто-Доминго...

Финал этой истории ужасен. Через два дня, когда флотилия Эспаньола — тридцать судов — обогнула восточный мыс острова, налетел несбываемый шторм. Двадцать пять судов пошли на дно, четыре с большим трудом сумели вернуться в Санто-Доминго, и только одно дошло до Испании.

С девятнадцати судов не спаслось ни одного человека, с шести — всего по несколько моряков. На флагманском судне губернаторской флотилии погибли Бобадилья и Рольдан. Стоимость затонувших грузов оценивалась полумиллионом долларов золотом.

Конечно, в наш рациональный век «пророчеству» легко найти объяснение. Современный мореплаватель С.Э. Морисон без запинки перечисляет все признаки надвигающегося шторма, которыми мог воспользоваться Колумб: небольшие маслянистые волны, клубы темных облаков на горизонте, необычное поведение обитателей моря — тюленей, ламантинов, выплывавших на поверхность, и, наконец, падение давления, которое, должно быть, ощущали пораженные артритом суставы Адмирала.

Все объяснимо, никакой мистики.

Можно объяснить и то, что до Испании дошла только «Агуха» — самое маленькое суденышко флотилии.

Остается удивляться одному — именно «Агуха» везла (и доставила в Испанию) личное золото Адмирала!

А все четыре каравеллы Колумба отделались только порванным такелажом. По приказу Адмирала они заблаговременно укрылись у подветренного южного берега и, видимо, в меньшей степени испытали воздействие шторма. Три из них все же сорвало с якорей, но Колумб приказал привязать к якорным канатам металлические предметы, которые нашлись на борту, и его каравелла устояла на этих дополнительных якорях. После шторма все суда собрались в заранее обусловленной бухте.

Еще не раз в этом последнем плавании Колумб подтвердит свое высокое звание Адмирала Моря-Океана. Полтора месяца спустя его каравеллы подойдут к побережью Гондураса и в течение долгих двадцати восьми дней будут упорно пробиваться вдоль побережья навстречу свирепым штормовым ветрам.

«Видел я ураганы, но столь продолжительных и ужасных еще не приходилось видеть, — писал Колумб. — Это был один сплошной ливень, гром и молния. Корабли были во власти стихии, паруса растерзаны, якоря, оснастка, канаты и тросы, лодки и многие припасы потеряны. Моряки выбились из сил и так пали духом, что все время давали клятву быть благочес-

тивными, совершить паломничество и тому подобное; увы, они даже исповедовались друг другу!.. Многие бывалые матросы, которых мы считали закаленным народом, лишились всякого мужества... Сам я был болен и много раз находился при смерти, но все-таки отдавал приказания из будки, которую матросы соорудили мне на кормовой надстройке».

Двадцать восемь дней под проливным дождем, в сверкании молний лавировали каравеллы против встречного ветра. Двадцать восемь дней потребовалось им, чтобы пройти от мыса Гондурас до мыса Грасьяс-а-Диос. Семь миль в сутки! Моряки поймут, что это было за плавание!..

В начале октября каравеллы вошли в залив Чирики. За маленькие соколиные колокольчики местные индейцы охотно отдавали массивные золотые диски, служившие им украшениями. Золото лежало здесь прямо на поверхности, и матросы, ковыряя землю ножами, легко добывали за день один-два... своих месячных оклада. Но не золото прельщало Колумба, он все еще надеялся отыскать пролив, достичь настоящей Индии, и его каравеллы шли все дальше и дальше вдоль побережья.

Район Верагуа — один из самых дождливых в мире. Ветры по-прежнему были противными, и люди, как писал Адмирал, измучились настолько, что искали смерти, лишь бы избавиться от страданий.

Рождество, а потом и новый, 1503 год они встретили на якорной стоянке близ устья реки Чагрес. Если бы Колумб поднялся на индейской пироге вверх по течению и прошел вперед еще двенадцать миль, он вышел бы к Тихому океану, туда, где обозначен теперь на картах город Панама. Если бы...

С полным основанием называл Колумб Великим свое четвертое плавание.

Великие страдания и лишения претерпели участники экспедиции. Великую настойчивость в достижении цели выказал Великий мореплаватель. Но результаты Великого плавания разочаровали Испанию. Пролив так и не был найден, встреча с Васко да Гамой не состоялась.

Впереди их ждали новые, не менее тяжкие испытания: голод, кровавые стычки с индейцами. Две каравеллы пришлось вскоре бросить. Две другие, насквозь изъеденные червями, на обратном пути затонули у берегов Ямайки. Преданный Диего Мендес на индейской пироге сумел перебраться на Эспаньо-лу и сообщил о судьбе товарищей. Но Овандо и пальцем не пошевелил, чтобы помочь Колумбу. И только через год подошла к Ямайке каравелла, которая доставила участников Великого плавания в Санто-Доминго. Колумб — Вице-король, хозяин Индий — был нежеланным гостем в Индиях. А вернувшись в Испанию, больной, почти лишенный возможности двигаться, он стал в глазах короля только докучливым просителем...

19 мая 1506 года Колумб подпишет завещание и назначит своего сына Диего главным наследником. Он завещает ему свои должности, привилегии, высокие титулы. А когда на следующий день он скончается, лишь несколько друзей будут идти за его гробом.

Он прожил странную, беспокоящую воображение жизнь. Набожность, вера в провидение, которая, казалось бы, делает людей пассивными, сочетались в нем с непреклонной настойчивостью в достижении цели, безупречным мужеством. Он был Великим мореплавателем, он открыл людям Океан, но только величайшая ошибка в оценке размеров Земли случайно привела его к величайшему открытию. Он мечтал о Сипанго, об Индиях и не сумел понять, что открыл новый континент. Он первым догадался использовать идею о шарообразности Земли, но, умирая, был уверен, что Земля имеет форму груши...

При жизни его окружали непонимание, зависть. И то, что континент, открытый им, назван Америкой, — еще одна величайшая несправедливость.

Но нет и не может быть чести выше: не королевский указ, благодарная людская память сделала имя его нарицательным.

Колумб — первооткрыватель. На всех языках!

ГЛАВА 2. ИНДУЛЬГЕНЦИЯ ДЛЯ ЭЛЬ-КАНО

На гербе, дарованном ему королем, — земной шар, обвитый лентой. Надпись: «Primus Circumdedisti Me» — «Первый обошел вокруг меня».

Обидные заблуждения укореняются порой в памяти людей. Вопреки тому, что утверждают учебники, первым кругосветным мореплавателем был вовсе не Магеллан.

«Primus Circumdedisti Me» было написано на гербе Хуана-Сбастьяна Эль-Кано...

Еще в 1493 году папа Александр VI Борджа подписал буллу (грамоту), которая вошла в историю под названием «Inter caetera» — «Между прочим». Именно с этих слов начинался текст буллы, и речь в ней шла о «справедливом» разделе мира. Ровно половина земного шара отходила на вечные времена во владение Кастилии, другая — во владение Португалии.

Кастилии (позже государство стало называться Испанией) были дарованы «все острова и материки, открытые и те, которые будут открыты к западу и югу» от меридиана 38 градусов западной долготы.

Нам трудно истолковать папское выражение «к югу от меридиана», но средневековых политиков оно, видимо, не смущало. Впоследствии демаркационная линия была немного смещена и проходила чуть западнее 50-го меридиана. Таким образом, обе Америки — Северная и Южная (за исключением современной Бразилии) принадлежали испанцам; Африка, Индия, Индийский океан — португальцам.

Наверное, папе следовало бы уточнить положение демаркационной линии «по ту сторону» земного шара. Впрочем, вначале все это никого особенно не интересовало. Лишь после 1512 года, когда португальцы, двигаясь на восток, достигли Молуккских островов — легендарных Островов Пряностей вопрос о демаркации стал чрезвычайно острым.

Пряности в то время ценились очень высоко не только как вкусовая приправа, но и как консервирующее средство. Открыв Американский континент, испанцы нашли здесь лишь перец, да и то невысокого качества. Естественно, они сочли себя обделенными, когда португальцы получили прямой доступ к пряным сокровищам.

Вы помните, сам Колумб, определяя долготу, ошибался порой до 50 градусов. Поэтому испанцы не без оснований предполагали, что Молуккские острова лежат в их, испанской половине земного шара. Однако проверить это казалось невозможным: для испанских каравелл путь на восток, вокруг мыса Доброй Надежды, был наглухо перекрыт португальцами.

В 1517 году португалец Фернан ди Магальянш (по-русски — Магеллан) предлагает испанской короне смелый

Ни одного портрета Эль-Кано не сохранилось, а может быть, и не существовало. Художник И. Сулоага, баск по национальности, написал на своей картине: «Таков, по моему мнению, мог быть облик нашего великого Эль-Кано». Датой рождения первого кругосветного мореплавателя называют либо 1487, либо 1476 год. Скончался Эль-Кано 6 августа 1526 года

**Фернан Магеллан. Родился около
1480 года, погиб 27 апреля
1521 года**

план — он хочет достичь Молуккских островов, плывя не на восток, а на запад.

Еще до этого в португальских экспедициях Магеллан уже побывал в Индии, и на полуострове Малакка, и, вероятно, на Молуккских островах. Ему 37 лет. Опытный, заслуженный моряк, отличившийся в сражениях воин.

Почему же дворянин, чья верность королю уступала только верности Богу, перешел на службу к испанцам?

Ходят слухи о его темных сделках с маврами, поговори-

вают о его неукротимом, неуступчивом характере.

Современник утверждает, что причина измены была самая прозаичная: «Дон Мануэль, король португальский, отказался повысить ему жалованье на один-единственный тестон в месяц, что было им заслужено».

Нет сомнения, однако, что причины были более глубокими. Португальский король, которому Магеллан вначале предложил свой план, не был заинтересован в его осуществлении. Ну а сам Магеллан был полностью поглощен своей идеей и не хотел от нее отказаться.

«Невысокий мужчина, прихрамывающий из-за раны, полученной в Марокко, — пишет о Магеллане историк. — Осанка его не была величавой, запоминалась не она, а горящие черные глаза, мясистые губы, лицо в глубоких складках и густая черная борода. И самое главное — то ощущение непреклонной решимости, которое этот немногословный человек, загадочный для всех, кроме двух-трех близких друзей, неизменно вызывал у тех, кому приходилось иметь с ним дело».

Испанская корона приняла предложение Магеллана. Одновременно со званием капитан-генерала он получил в свое распоряжение деньги на снаряжение экспедиции и пять кораблей водоизмещением от семидесяти пяти до ста двадцати тонн: «Тринидал», «Сан-Антонио», «Консепсьон», «Виктория» и «Сантьяго».

Орден иезуитов еще не создан, но королевская инструкция Магеллану составлена в лучших иезуитских традициях. О Молуккских островах как о цели плавания не говорится ни слова.

«Да отправитесь вы в добрый час для открытий в части моря-океана, что находится в пределах наших рубежей и нашей демаркации... Означенные открытия вы должны делать так, чтобы никоим образом не открывать и не допускать иных дел в пределах рубежей и демаркации светлейшего короля Португалии — моего возлюбленного и дорогого Дяди и Брата...»

Надо заметить, что положение Магеллана было весьма двусмысленным. Португальцы всячески мешали подготовке экспедиции: провокации, интриги — все было пущено в ход, и сам Магеллан едва не стал жертвой покушения. Но испанцы тоже не вполне ему доверяли. По законам Кастилии натурализоваться (сменить подданство) Магеллан не мог, он оставался португальцем. Испанцев настораживало, что из двухсот шестидесяти пяти участников экспедиции сорок три оказались португальцами. Еще во время подготовки к плаванию испанские капитаны выражали свое недовольство, было даже проведено специальное дознание. А вскоре, после того как 20 сентября 1519 года корабли вышли в море, один из капитанов отказался повиноваться Магеллану.

Бунт был подавлен, мятежный капитан взят под стражу. После долгого перехода через Атлантический океан каравеллы медленно спускались вдоль берегов Южной Америки в тщетных поисках пролива — в поисках пути на запад.

Никто не знал, существует ли пролив вообще. Его тщетно искали в районе Панамского перешейка. Потом «нашли» у

тридцать пятого градуса южной широты — это оказалась Ла-Плата. Магеллан предполагал (ничем не обосновывая свою точку зрения), что пролив лежит где-то у сорокового градуса. Однако, не обнаружив его здесь, повел каравеллы дальше на юг.

Вера порой стоит дороже, чем знания.

Зиму экспедиция встретила у негостеприимных берегов Патагонии, в бухте Сан-Хулиан. Магеллан распорядился сократить рационы питания, и это вновь вызвало бунт. Мятежники захватили три корабля, но капитан-генерал действовал весьма решительно, отчасти даже коварно. Два руководителя мятежа были убиты, а затем — в назидание живым — четвертованы. Два других — и это было еще ужаснее — оставлены в Патагонии.

Пролив был найден только под пятьдесят вторым градусом. Каравелла «Сантьяго» к тому времени погибла, «Сан-Антонио» дезертировала.

Кормчий Иштебан Гомиж, предательски захватив «Сан-Антонио», вернулся в Испанию и сумел оболгать «проклятого португальца». Незадолго до отправления экспедиции Магеллан женился на Беатриж Барбоза, дочери коменданта севильской крепости. Теперь на жену и на тестя обрушилась вся тяжесть навета Иштебана Гомижа. Сын Магеллана Родригу умер в сентябре 1521 года — ему не исполнилось и трех лет; Беатриж скончалась в марте 1522 года. А Иштебана Гомижа — вполне в духе того времени — возвели позднее в рыцарское звание — «за выдающиеся заслуги, оказанные им флотилии Магеллана».

...Только через четырнадцать месяцев после начала плаванья корабли Магеллана вышли на просторы океана, который был назван Тихим. Действительно, погода благоприятствовала экспедиции. Казалось, все трудности позади и цель близка. Но никто еще не представлял истинных размеров самого великого океана Земли.

«В продолжение трех месяцев и двадцати дней мы были совершенно лишены свежей пищи, — рассказывает Антонио

Пигафетта, летописец экспедиции. — Мы питались сухарями, но то уже не были сухари, а сухарная пыль, смешанная с червями, которые сожрали самые лучшие сухари. Она сильно воняла крысиной мочой. Мы ели также воловью кожу, покрывающую грота-реи, чтобы ванты не перетирались; от действия солнца, дождей и ветра она сделалась неимоверно твердой. Мы замачивали ее в морской воде в продолжение четырех-пяти дней, после чего клали на несколько минут на горячие уголья и съедали ее. Мы часто питались древесными опилками. Крысы продавались по полдуката за штуку, но и за такую цену их невозможно было достать».

Пресная вода протухла, и, по словам одного из участников экспедиции, «поднося ее ко рту, приходилось закрывать глаза, чтобы не видеть зеленой тины, и затыкать нос...»

«Однако хуже всех этих бед была вот какая, — продолжает Пигафетта. — У некоторых из экипажа верхние и нижние десны распухли до такой степени, что они не в состоянии были принимать какую бы то ни было пищу, вследствие чего и умерли. От этой болезни умерло девятнадцать человек... здоровых оставалось очень мало».

Несмотря на все невзгоды, в марте 1521 года испанцы достигли островов, которые теперь мы называем Филиппинскими.

«Они несли крест и меч» — это не просто громкая фраза.

Еще в 1508 году специально для конкистадоров была утверждена стандартная проповедь-ультиматум (рекиримьенто). После ее чтения (на кастильском языке!) туземцам протягивали крест — предлагали принять христианство. В случае отказа из ножен вынимался меч: туземцам, «как врагам рода человеческого», объявлялась война именами Святого Петра и римского папы.

Записки Пигафетты помимо его воли разоблачают деятелей эпохи конкисты. Вся суть их политики может быть выражена двумя несложными принципами: «разделяй и властвуй», «кнути и пряника».

Смерть Магеллана. С гравюры 1595 года

«Перед тем как мы добрались до берега, — пишет Пигафетта, — были сделаны выстрелы из шести пушек в знак наших мирных намерений... Капитан-генерал преподнес ему (властителю острова) платье из красной и желтой материи турецкого фасона и красивый красный головной убор, а его свите — одним ножи, другим зеркала... Капитан показал ему разноцветные материи, полотно, коралловые украшения, а также артиллерию, при этом были сделаны выстрелы из нескольких пушек, что сильно напугало туземцев. Затем капитан-генерал велел одному из наших надеть полное вооружение, а трем другим, вооруженным мечами и кинжалами, наносить ему удары по всему телу. Властитель был донельзя поражен этим зрелищем. При этом капитан-генерал сказал ему через раба, что один вооруженный таким образом человек может сражаться против ста его же людей. На что властитель ответил, что он в этом убедился воочию».

После такой «артподготовки» обращение в христианство шло легко и просто.

«До мессы было крещено пятьсот человек, — пишет Пигафетта, — после обеда... мы окрестили восемьсот душ мужчин, женщин и детей... До конца недели были крещены все жители этого острова и некоторые с других островов».

Нет сомнения, что конкистадоры были искренне и глубоко набожными людьми и испытывали полное удовлетворение от своей миссии.

«Они (туземцы) сказали, что... станут христианами; слушая их, все мы прослезились от большой радости».

На одном из островов брат властителя решил, по-видимому, уклониться от крещения. То ли он заболел, то ли притворился больным — «уже четыре дня как лишился голоса».

«Капитан, — пишет Пигафетта, — предложил им (жителям. — *Авт.*) сжечь идолов и довериться Христу; он сказал, что если бы этот больной был крещен, то он выздоровел бы очень скоро; он дает свою голову на отсечение, если это не произойдет именно так, как он говорит».

Как мог Магеллан решиться на такое заявление? Или он понимал, что болезнь — обман, или обладал гипнотическим даром и знал об этом?

«В торжественной процессии мы направились к дому больного, — рассказывает далее Пигафетта. — Мы его нашли там в таком состоянии, что ни говорить, ни двигаться он не мог. Мы окрестили его, двух его жен и десять девушек. После этого капитан спросил, как он чувствует себя. Тот сразу же заговорил и сказал, что с Божьей благодатью он вполне оправился... Это было чудо самое явное, случившееся в наши дни. Не прошло и пяти дней, как больной начал ходить...»

Все складывалось как нельзя более идиллически, и только властитель острова Матан отказался повиноваться. Судя по рассказу одного из участников экспедиции, повод был ничтожный. Магеллан приказал прислать на каравеллы трех коз, трех свиней, три меры риса и три меры проса. Властитель ос-

трова соглашался отдать двух коз, двух свиней и по две меры риса и проса. Тогда капитан-генерал («как добрый пастырь», подчеркивает Пигафетта) лично возглавил карательную экспедицию — три лодки с экипажем в 50—60 человек. На берегу их встретило 3—4 тысячи туземцев.

Записки Пигафетты: «Они осыпали нас таким количеством стрел и бросали такое множество копий, что мы едва были в состоянии защищаться. Видя это, капитан отрядил несколько человек с приказом сжечь их дома, дабы подействовать на них страхом. Вид сжигаемых домов привел их в еще большую ярость. Двое из наших были убиты у домов, мы же сожгли от двадцати до тридцати домов. На нас накинлось такое множество туземцев, что им удалось ранить капитана в ногу отравленной стрелой. Вследствие этого он дал приказ медленно отступать, но наши, за исключением шести или восьми человек, оставшихся при капитане, немедленно обратились в бегство. Туземцы стреляли нам только в ноги, потому что мы не были обуты... Мы продолжали отступать и, находясь на расстоянии выстрела от берега, продолжали сражаться, стоя по колено в воде. Туземцы продолжали преследование... Узнав капитана, на него накинлось такое множество людей, что дважды с его головы сбили каску, но все же он продолжал стойко держаться, как и подобает славному рыцарю. Один индеец метнул бамбуковое копьё прямо в лицо капитана, но последний тут же убил его своим копьём, застрявшим в теле индейца. Затем, пытаясь вытащить меч, он обнажил его только до половины, так как был ранен в руку бамбуковым копьём. При виде этого на него накнулись все туземцы. Один из них ранил его в левую ногу большим тесаком, похожим на турецкий палаш, но еще более широким. Капитан упал лицом вниз, и тут же его закидали железными и бамбуковыми копьями и начали наносить удары тесакими... Он все время оборачивался назад, чтобы посмотреть, успели ли мы все погрузиться на лодки... Если бы не капитан, то ни один из наших не спасся бы на лодках, так как, пока он бился, другие успели отступить к лодкам».

Очевидцы называют разные даты гибели Магеллана — 27, 28, 29 апреля 1521 года...

Всего через несколько дней после гибели капитан-генерала на экспедицию обрушился еще один страшный удар. Властитель соседнего острова Себу — один из самых ревностных новообращенных христиан пригласил группу испанцев «на ужин», где все они — больше двадцати человек — были перебиты.

Один из кораблей, «Консепсьон», пришлось сжечь. «Слишком мало нас осталось», — с горечью объясняет Пигафетта...

Только в ноябре 1521 года «Три니다д» и «Виктория» достигли Молуккских островов и наконец-то взяли полный груз пряностей.

Испанцы словно обезумели. «Когда у нас истощились все запасы товаров, — свидетельствует Пигафетта, — многие из наших начали выменивать свои собственные вещи на гвоздику, дабы иметь и свою долю в грузе: один отдавал плащ, другой — свой камзол, третий — рубашку, а также и другие предметы одежды».

Каравеллы уже готовились к отплытию, когда на «Три니다де» обнаружилась течь, он нуждался в длительном капитальном ремонте. «Виктории» предстояло возвращаться на родину в одиночку. Незадолго до этого капитаном «Виктории» был избран Хуан-Себастьян Эль-Кано...

До сих пор, рассказывая о плавании флотилии Магеллана, мы вовсе не упоминали имени Эль-Кано. И это умолчание объясняется его в общем-то малозаметной ролью в предыдущих событиях.

О прежней жизни Эль-Кано мы знаем немного. Знаем, что по национальности он баск, что родился в портовом городке Гетария. Но точная дата его рождения не установлена — то ли 1476, то ли 1487 год. Таким образом, к началу плавания ему было либо 33, либо 42 года.

Мы знаем, что за девять лет до этого Эль-Кано как капитан и владелец корабля участвовал в испанской военной эк-

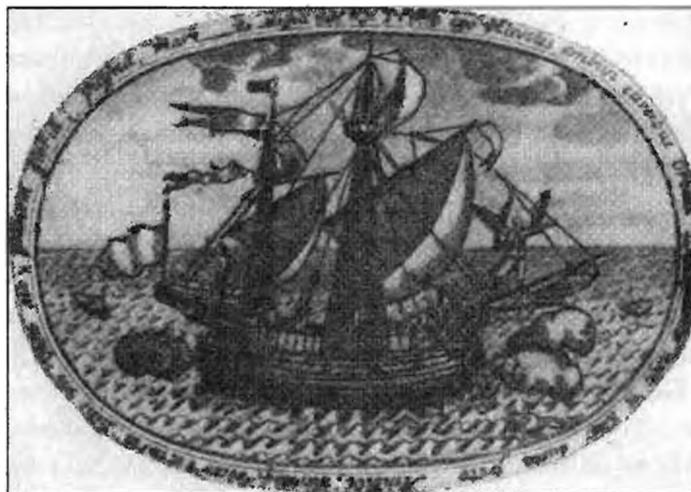
спедиции против «неверных мавров». Денег за службу он по какой-то причине не получил, запутался в долгах и вопреки строжайшему закону продал свое судно иностранным купцам. Ему грозил арест, и он несколько лет скрывался от правосудия. Но желающих отправиться в плавание было не так уж много, и капитан-генерал зачислил Эль-Кано вначале боцманом, а затем, еще до отплытия, штурманом. Кстати сказать, только после возвращения «Виктории», в 1523 году, Эль-Кано был амнистирован специальным королевским указом.

Мы знаем, далее, что до начала экспедиции, когда король повелел провести специальное дознание о «засилье португальцев» среди участников экспедиции, Эль-Кано был одним из шести моряков, которые давали показания в пользу Магеллана. «Разумный и добродетельный человек, дорожащий своей честью» — так характеризовал тогда Эль-Кано капитан-генерал. Тогда же Эль-Кано показывал, что он сам «вполне доволен командой корабля, на котором служит штурманом, потому что это хорошая команда, доволен он и грузом, предназначенным его кораблю, и что он, кроме того, слышал от штурманов других кораблей, что они также довольны своими командами».

Но позднее, в бухте Сан-Хулиан, Эль-Кано был в числе мятежников, более того, видимо, одним из руководителей мятежа, поскольку мятежники именно его назначили капитаном самого большого корабля — «Сан-Антонио».

Двоих, как уже рассказывалось, тогда четверговали, двоих, покидая бухту Сан-Хулиан, оставили на верную смерть. Эль-Кано в числе сорока других также был приговорен к смертной казни. Но лишиться сразу стольких людей было невозможно, и Магеллан отменил смертную казнь.

Тогда без малого пять месяцев гордый баск, скованный цепью с другими мятежниками, выполнял самую черную работу. Теперь наступил звездный час Эль-Кано. Он избран капитаном, он должен привести «Викторию» в Кастилию!

«Виктория». Гравюра XVI века

В том плане, который три года назад представил Магеллан, ни словом не упоминалось о возможности кругосветного плавания. Единственной целью экспедиции были Острова Пряностей. И вряд ли капитан-генерал, будь он жив, повел бы свои каравеллы на запад. Ведь здесь уже начиналось «португальское полушарие», и любой заход в порт, любая встреча с португальским кораблем неминуемо должны были закончиться конфискацией груза, арестом, а для изменника Магеллана — казнью.

Но путь на запад, вокруг земного шара, для Магеллана был невозможен еще и потому, что испанская команда по-прежнему не доверяла португальцу.

Возможно, это утверждение покажется необоснованным. Но запискам Пигафетты, а это фактически единственный достаточно подробный источник, может составить впечатление, что капитан-генерал пользовался всеобщей любовью.

«В числе других добродетелей он отличался такой стойкостью в величайших превратностях, какой никто никогда не об-

ладал. Он переносил голод лучше, чем все другие, безошибочнее, чем кто бы то ни было в мире, умел он разбираться в навигационных картах. И то, что это так и есть на самом деле, очевидно для всех».

Нет нужды ни в малейшей степени оспаривать эту высокую оценку личных качеств Магеллана. Только не забывайте: Пигафетта — итальянец. Испанцы смотрели на события плавания другими глазами.

Уже после завершения экспедиции на специальном дознании испанцы, не сговариваясь, будут отвечать приблизительно одно и то же: «...все другие капитаны, а также матросы боялись, что Магеллан арестует их, воспользовавшись тем, что на кораблях армады было много португальцев и других иностранцев».

Вспомните, даже смертный час капитан-генерал встретил в одиночестве: «пока он бился, другие успели отступить к лодкам».

И если бы Магеллан решил проложить курс через «португальское полушарие», это было бы воспринято как измена испанской короне, как сознательная сдача в плен!

Баску Эль-Кано обвинение в измене не угрожало. Он стоял перед выбором: на запад или на восток?

Капитан «Три니다да», закончив через несколько месяцев ремонт, повел свой корабль на восток. После шестимесячных скитаний по Тихому океану, не справившись с противными ветрами, он вынужден был вернуться к Молуккским островам, где весь экипаж попал в плен к португальцам. И только пятеро моряков «Три니다да» многие годы спустя возвратились на родину.

Возможно, и Эль-Кано ожидала бы та же судьба. Но он повел «Викторию» на запад!

«Некоторые из наших моряков пожелали остаться на острове, боясь, что судно не выдержит пересзда в Испанию, но пуще всего, чтобы не умереть по пути от голода», — пишет Пигафетта.

На острове и на «Тринидаде» осталось тогда 54 человека, экипаж «Виктории» состоял из 47 испанцев и 13 туземцев.

Стремясь избежать случайной встречи с португальцами, Эль-Кано решил уклониться далеко к югу от обычных морских дорог, почти к сороковым широтам. Испанцы, распродавшие одежду в обмен на корицу, жестоко страдали от холода. Встречные западные ветры, столь обычные для этой части океана, зачастую отбрасывали «Викторию» назад. Во время одного из штормов каравелла потеряла фок-мачту.

«Некоторые из наших, — пишет Пигафетта, — не только больные, но и здоровые, выразили желание добраться до португальского поселения Мозамбик, так как корабль дал сильную течь, холод был страшный, а главное, по той причине, что, кроме риса и воды, у нас не осталось съестного; из-за недостатка соли все мясные продукты испортились. Однако другие, заботясь больше о своей чести, чем о жизни, решили плыть до Испании, хотя бы это стоило им жизни».

Антонио Пигафетта в своих записках ни разу не упоминает имени Эль-Кано — ни до, ни после смерти Магеллана. Видимо, итальянец был предан капитан-генералу и не мог простить Эль-Кано участие в патагонском мятеже. Так или иначе, он был тенденциозен. Но в данном случае нет никаких сомнений: именно решимость Эль-Кано «плыть до Испании» одержала верх.

За мысом Доброй Надежды ветер стал попутным. Но к этому времени каравелла, потрепанная штормами, текла как решето. Круглые сутки люди стояли у помп, откачивая воду. И умирали один за другим от голода и непосильной работы.

«Целых два месяца мы шли на северо-запад без свежей пищи и свежей воды. За это короткое время умер двадцать один человек». Кажется, и в этих строках Пигафетты чувствуется, как безмерно, смертельно устали люди.

Посоветовавшись с командой, Эль-Кано решил зайти на острова Зеленого Мыса, скрыв от португальских властей, что судно идет с Молуккских островов. Им действительно удалось

получить некоторое количество риса, но затем тринадцать человек экипажа были арестованы на берегу, а сама «Виктория» сумела уйти от преследования только благодаря решительным действиям Эль-Кано. Еще сотни миль оставались до Испании...

В воскресенье, 7 сентября 1522 года, в бухту Сан-Лукар вошла каравелла, похожая, как рассказывают, скорее на остов потерпевшего крушение судна.

История мореплавания не знала ничего подобного. Тридцать три дня продолжался первый переход Колумба через Атлантический океан. Три месяца и двадцать дней — переход Магеллана через Тихий. Почти семь месяцев продолжался последний переход Эль-Кано, последний переход моряков «Виктории». «Виктория» означает «Победа»! Из двухсот шестидесяти пяти человек, отправившихся три года назад с Магелланом, вернулись домой, завершив первый виток вокруг Земли, только восемнадцать.

На следующий день «Виктория» бросила якорь у набережной Севильи. Держа в руках зажженные свечи, они сошли на берег. Босые, одетые в лохмотья, «более худые, чем самая заморенная кляча» (так писал очевидец), они шли, едва волоча ноги, к церкви Санта-Мария де ла Виктория — туда, где три года назад они присягали на верность королю и Кастилии. Теперь они шли, чтобы вознести молитвы за упокой души Магеллана, погибших товарищей, шли, чтобы возблагодарить Бога за свое спасение.

В день возвращения Эль-Кано написал краткое донесение на имя короля. Он сообщал об итогах экспедиции, о смерти Магеллана, беспокоился о судьбе своих товарищей, оставшихся на островах Зеленого Мыса.

«Обращаюсь к вашему величеству со смиренной просьбой вызволить из плена тринадцать человек, которые так долго служили вашему величеству, потребовать их освобождения, как людей вам нужных. Ведь и их заслуга есть в том, что мы на деле доказали, что Земля есть шар; поплыв на запад, мы обо-

шли вокруг нее и вернулись с востока. Смиренно прошу ваше величество в признание тяжких трудов, голода и жажды, стужи и жары, которые наши люди терпели, верно служа вашему величеству, милостиво споспешествовать их освобождению и приказать выдать им их долю пряностей из груза, который мы доставили в Испанию».

Чувствуется в этих строках и незажившая боль, и товарищеская солидарность.

Надо сказать, что от продажи пряностей испанская корона получила — уже за вычетом всех расходов на снаряжение флотилии Магеллана — довольно значительную прибыль.

Король был доволен главным образом тем, что теперь Испания получила реальные права (с королевской точки зрения) на Острова Пряностей. Через семь лет эти «права» будут проданы португальцам за 350 тысяч золотых дукатов! А пока король наградил всех моряков «Виктории», настоял на выдаче пленных, и через пять месяцев они вернулись на родину.

Эль-Кано была назначена ежегодная пенсия в 500 дукатов, пожалован тот самый герб — «*Primus Circumdedisti Me*».

Но нет ничего непостояннее королевского расположения.

Вскоре Карл V начал подумывать об организации новой экспедиции к Островам Пряностей. Несмотря на все перенесенные тяготы, Эль-Кано был готов вновь уйти на долгие годы в плавание и с полным основанием предполагал, что именно ему будет поручено возглавить экспедицию. Но... король предпочел знатного Лоайсу, а Эль-Кано назначил кормчим. Эль-Кано хотел получить «дарованную» пенсию, но... король приказал отсрочить выплату до возвращения из второй экспедиции.

Возвратиться Эль-Кано не суждено. Тихий океан стал его могилой...

На портрете испанского художника Сулоаги можно прочитать: «Таков, по моему мнению, мог быть облик нашего великого Эль-Кано».

Да, мы не знаем, каким он был — мореплаватель, совершивший первое кругосветное плавание. О дате его рож-

дения продолжают спорить, о жизни известно очень немного.

Наверное, он был скорее расчетливым, чем безгранично храбрым. Наверное, при всей своей набожности больше привык полагаться на собственные силы, чем на Бога. Он был честен в словах и поступках — и тогда, когда давал показания в пользу Магеллана, и тогда, когда согласился принять участие в бунте. Был хорошим моряком и опытным навигатором. Умел сохранять мужество в самых безысходных ситуациях.

До нас дошло только его донесение королю, несколько малоинтересных прошений и его завещание: «Я, Хуан-Себастьян Эль-Кано, капитан, уроженец города Гетарии, больной телом, но здоровый духом, изъявляю свою последнюю волю...»

Он умирал от цинги. Умирал долго и тяжело. Лоайса умер на семь дней раньше, семь дней Эль-Кано был капитан-генералом.

Его заслуги не были достойно оценены при жизни. Наследники Эль-Кано четыре десятка лет вели тяжбу с испанской короной, но так и не получили «дарованной» пенсии.

А затем — на века! — Эль-Кано остался в тени Магеллана.

Конечно, нет нужды противопоставлять их имена. Магеллан задумал и добился осуществления экспедиции, он использовал теоретическую идею о шарообразности Земли и повел свои каравеллы на запад, чтобы достичь далеких восточных островов. Только благодаря настойчивости и фанатичной вере Магеллана был открыт пролив, который по праву носит его имя. И он впервые пересек океан, который называют Великим.

Но будем справедливы: кругосветное плавание никак не входило в замыслы Магеллана. Более того, во главе с Магелланом оно не могло состояться. Кругосветное плавание на свой страх и риск осуществил Хуан-Себастьян Эль-Кано. Нужно было обладать исключительным мужеством и настойчивостью, чтобы довести до Испании одинокую каравеллу, чтобы без всяких заходов в порты совершить полукругосветное плавание.

Еще Колумб верил, что шесть седьмых поверхности Земли покрыто сушей, что от Испании до Сипанго 2400 миль. И только после плавания Эль-Кано стало ясно, какой величины наша планета, сколько на ней воды и сколько земной тверди. Можно без преувеличения сказать: 7 сентября 1522 года перед человечеством открылся мир.

Тогда, 7 сентября, в Севилье было воскресенье. «Значит, мы ошиблись на день», — записал штурман «Виктории» в вахтенном журнале. На их календаре была суббота.

Конечно, он не ошибся. Они впервые установили, что, огибая земной шар с востока на запад, человек выигрывает сутки.

Для набожных моряков «Виктории» это было трагедией. Еще бы! Просчитавшись на день, они «ели мясное по пятницам» и «справляли Пасху в понедельник». Босые, в рваной одежде, шли они в церковь, шли и для того, чтобы принести покаяние, чтобы замолить грехи, повинно в которых было вращение Земли.

Такая вот наивная эпоха. Невелики грехи, в крайнем случае можно купить индульгенцию. Жаль только — нет индульгенций от забвения...

ГЛАВА 3. ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ КАПИТАН-КОМАНДОРА

«Самая дальняя и трудная и прежде никогда не бывалая» — так писали современники о Второй Камчатской экспедиции Витуса Беринга. Мы, потомки, с полным основанием называем ее Великой Северной.

Нам трудно, пожалуй, даже невозможно, осознать до конца величие этого подвига.

Витус Йонассен Беринг (?).
Родился 1 августа 1681 года,
умер 19 декабря 1741 года

1733 год...

Еще до начала экспедиции русским морякам предстоит пройти десять тысяч верст. Санкт-Петербург — Тобольск — Туруханск — Якутск — Охотск — Камчатка.

Они должны везти с собой все: инструменты, одежду, продовольствие. И еще — гвозди и смолу, парусину, канаты, якоря... Канаты приходилось развивать по стреньгам, якоря — рубить на куски. Где-нибудь в Якутске или в Охотске канаты вновь свивали, якоря сковывали. Там, на берегах Оби, Енисея, Лены, Камчацкого моря, должны они строить корабли.

**Карта Севера России Исаака Массы. Опубликована в 1612 году.
Копия несохранившейся русской карты**

Около шестисот человек участвовало в экспедиции, и еще тысячи помогали в переброске грузов.

Они ехали на лошадях, на оленях, на собачьих упряжках. Наспех сколачивали «дощеники» и сплавлялись по рекам. Впрягшись, бечевой тащили лодки вверх по течению.

На одном из переходов от бескормицы погибли двести шестьдесят семь лошадей. Но люди шли.

«Оголодала вся команда, и от такого голоду ели лошадиное мертвое мясо, сумы сыромятные и всякие сырые кожи, платье и обувь кожаные».

Иногда через заснеженные хребты не могли пройти ни вьючные лошади, ни собачьи упряжки. Тогда...

«Каждый получал груз в шесть пудов и грузил его на узкие длинные сани, называемые нартами, их он был обязан доставить к месту назначения груза. Эта работа оказалась крайне тяжелой и утомительной, так как пришлось на протяжении шести месяцев пятнадцать раз проделать путь туда и пятнадцать раз обратно и пройти таким образом каждому около трехсот немецких миль (2200 километров), и притом все время в запряжке, на манер лошади».

Путь до Охотска — два года.

Потом, лавируя под парусами, а то и на веслах, шли русские Колумбы к берегам неведомых земель. А если гибли корабли,

раздавленные льдами, они пересаживались на собачьи упряжки и гнали их вперед — туда, где не ступала нога человека.

Не было в истории экспедиции, которая по размаху работ, по достигнутым географическим результатам могла бы сравниться с Великой Северной!

Семь отрядов входило в ее состав. Первому из них предписывалось проложить морской путь от Архангельска до устья Оби, второму — от Оби до Енисея. Третий отряд должен был положить на карту участок побережья между Енисеем и Леной, четвертый — от устья Лены до Чукотки и Камчатки. Пятый отряд направлялся к берегам Америки, шестой обследовал Курильские острова, искал путь в Японию. И наконец, седьмой отряд (его называли академическим) всесторонне изучал внутренние районы Сибири.

Многие десятки островов, все северное побережье России, от Вайгача до Колымы, нанесли впервые на карту участники экспедиции. Они завершили открытие Курильских островов, открыли Алеутские, Командорские острова, достигли Японии, Северной Америки.

На тысячи километров раскинулся по долготе район работ Второй Камчатской — Великой Северной. И руководил всеми отрядами (только первый работал самостоятельно) начальник экспедиции капитан-командор Витус Беринг.

...Получилось так, что Великая экспедиция как бы заслонила Великого мореплавателя. Мы очень мало знаем о его жизни, особенно в «докамчатский период». Более того, нередко на первый план выставляются действительные или мнимые слабости капитан-командора.

Помощником Беринга был Алексей Ильич Чириков, один из лучших морских офицеров своего времени. «Краса и надежда флота, умный, образованный, скромный и твердый», — пишет о нем А.П. Соколов, первый историк Великой Северной экспедиции.

С такой оценкой можно полностью согласиться. Но трудно понять и принять мнение историка о Беринге: «Человек

знающий и ревностный, добрый, честный и набожный, но крайне осторожный и нерешительный, легко поддававшийся влиянию подчиненных и потому мало способный начальствовать экспедицией — особенно в такой суровый век и в такой неорганизованной стране, какою была восточная Сибирь в начале осмнадцатого века».

«Мало способный начальствовать экспедицией...» Нередко эту уничтожающую характеристику повторяют и до сих пор. Вспоминают Михаила Васильевича Ломоносова: «Чириков был главным». Но забывают (или не знают?) прямо противоположное мнение академика К.М. Бэра: «У всякого другого, кто стал бы во главе столь громадного и необычайно трудного предприятия, все дело неминуемо развалилось бы».

Десять лет руководил Витус Беринг непревзойденной в истории географических открытий Великой Северной экспедицией. А до этого пять лет — Первой Камчатской. И все эти годы вместе с ним был Алексей Ильич Чириков.

Безусловно, историк не может и не должен оставаться бесстрастным. Но вряд ли нужно противопоставлять два имени, волею судеб поставленные рядом, — Витуса Беринга и Алексея Чирикова.

Мы в долгу перед капитан-командором. За двести пятьдесят лет так и не написана его полная биография. С трудом, по крупицам из разных документов, можно собрать только отдельные факты из его жизни.

Беринг родился в небольшом датском городке Хорсенсе 1 августа 1681 года. Имя свое — Витус — получил в честь брата дедушки по материнской линии, знаменитого в Дании королевского историка. Кстати, и фамилия досталась Великому мореплавателю в наследство от матери — Анны Педерсдаттер Беринг. Род Берингов был знатным, но к XVIII веку уже разорившимся. Отец, Ионас Свендсен, был таможенником, церковным попечителем в Хорсенсе. Кроме Витуса в семье было

еще два сына — Ионас и Иёрген — и дочери, одна из которых впоследствии вышла замуж за адмирала Сандерса.

Только что родившийся русский флот, детище Петра, требовал сотен и тысяч знающих моряков. В 1701 году в Москве открывается школа математико-навигационных наук, куда велено «во учение записывать из всяких чинов людей, кто пожелает». Одновременно Петр приглашает на службу иностранцев, тех, кто уже имеет опыт дальних морских походов.

Витус Беринг в 1703 году окончил в Амстердаме морской кадетский корпус, плавал в Ост-Индию на голландском корабле, и в 1703 году адмирал Корнелий Крюйс, сподвижник Петра, пригласил молодого датского моряка в Россию.

В России имя Беринга — Витус Ионассен — вскоре переделали в более привычное — Витязь. А окончательно обрусев, стал Беринг зваться Иваном Ивановичем.

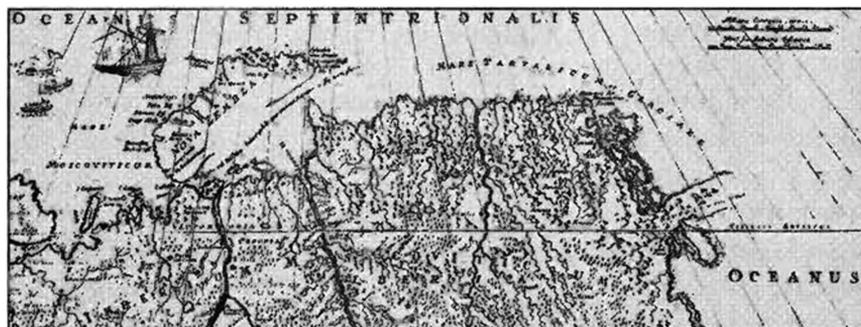
Послужной список Беринга, насколько его можно восстановить, выглядит приблизительно так:

1704 — «принят в Российскую службу... с чином унтер-лейтенанта».

1706 — произведен в лейтенанты.

1710 — капитан-лейтенант, плавает на дозорном судне в Финском заливе, переведен на Азовский флот.

1711 — участвует в Прутском походе, командуя двенадцатипушечной шнявой.

Карта России из атласа И.Б. Гомана. Составлена не позднее 1722 года

1712 — плавает на корабле «Рига» под вымпелом вице-адмирала Корнелия Крюйса.

1714 — избегая встреч со шведскими заградительными отрядами, благополучно приводит в Ригу купленный в Гамбурге пятидесятипушечный «Перл».

1715 — капитан 4-го ранга, перегоняет в Кронштадт пятидесятидвухпушечный «Селафаил», построенный в Архангельске.

Прерывая сухой перечень дат, званий и должностей, можно отметить, что из Архангельска вместе с «Селафаилом» вышли еще четыре корабля. Но один из-за открывшейся течи вернулся, один потерпел крушение, а два корабля вынуждены были зазимовать в заграничных портах. Командир одного из них доносил Петру: «Корабли от великих штормов расштатались, и невозможно прибыть, чтобы не учинить килевания». Только Беринг рискнул и сумел довести «Селафаил» до Ревеля, а затем и до Кронштадта. Согласитесь, этот эпизод несколько не соответствует той характеристике, которую дает историк: «крайне осторожный и нерешительный...»

В 1716 году Беринг командует линейным кораблем «Перл», участвует в походе к Борнгольму под штандартом Пэтра.

1717 — капитан 3-го ранга.

1719 — командуя вновь «Селафаилом», участвует в бою со шведами у Аландских островов.

1720 — капитан 2-го ранга.

1721 — командует шестидесятипушечным «Марльбургом».

1723 — командует крупнейшим в русском флоте девятипушечным линейным кораблем «Лесное»...

За строками послужного списка трудно разглядеть Беринга-человека. Но, к сожалению, никаких личных бумаг Великого мореплавателя не сохранилось. Еще в 1823 году историк Василий Николаевич Берх писал: «Дочь младшего Берингова сына, находящаяся в замужестве за отставным флота капитаном Платеном, живущим в Белгороде, имеет много любопытных сведений и актов о деде своем». Теперь все эти бумаги утеряны, видимо, безвозвратно.

Здесь необходимо рассказать историю портрета Беринга, точнее — портретов.

Один из них был опубликован в 1912 году в седьмом томе «Истории русской армии и флота». И сразу же возникли сомнения: Беринг ли это? И не только потому, что офицер на портрете малосимпатичен. Имеются более серьезные причины, заставляющие усомниться в достоверности портрета. На груди офицера орден Владимира и орден Георгия IV степени. Однако первый из них учрежден в 1782-м, а второй — в 1769 году, то есть многие годы спустя после смерти Беринга.

Н.А. Мезенцев, анализирувавший историю портрета, писал: «По изображению мундира и прически портрет следует датировать не ранее чем концом XVIII века, точнее эпохой Павла I. Беринг, как известно, орденов не имел, и морской мундир Петровского времени лишен эполет и имсет другой вид. Очевидно, здесь изображен вовсе не Беринг».

Что ж, доводы Мезенцева выглядят вполне убедительно. Остается, однако, невыясненной сама история появления этого портрета. Авторы и составители солидного многотомного издания «История русской армии и флота» были людьми, без сомнения, сведущими. Почему же произошла ошибка?

В 1916 году издательство И.Д. Сытина опубликовало книгу Жюль Верна «Завоевание Земли» под редакцией и с дополнениями Н.К. Лебедева. В этой книге появляется новый портрет «Мореплаватель Беринг. С картины английского художника Джона Милле». Никаких дополнительных ссылок и объяснений в книге нет.

К сожалению, имени английского художника Джона Милле не удастся обнаружить ни в энциклопедиях, ни в справочниках.

Французский художник и график Жан Франсуа Милле не был портретистом и, судя по датам его жизни (1814—1875), вряд ли мог быть автором картины «Мореплаватель Беринг».

Вот вам еще одна загадка, уже вторая. И наконец, третья.

Известный ныне портрет Беринга был обнаружен в 1945 году у проживавшей в Москве правнучки Беринга Е.А. Трегубовой. Н.А. Мезенцев, опубликовавший этот портрет в «Известиях Всесоюзного Географического общества» (т. 77, № 5, 1945), писал: «Голова исполнена на серой плотной бумаге, наклеенной на левкас, положенный на дубовую доску (разм. 34 г 36 см). Живопись сделана тонким слоем масляной краски. Контур головы рельефно выступает на фоне доски. Остальная дополнительная часть живописи положена непосредственно на белый левкас, причем кусок жабо у шеи заходит на оригинал портрета. Доска расколота на две части по линии рта. Подпись мастера отсутствует. На оборотной стороне доски никакой надписи нет...

О времени исполнения портрета мнения специалистов расходятся, некоторые находят возможным датировать портрет началом XVIII века, другие относят его к концу XVIII века. Такое большое расхождение в датировке объясняется необычной техникой исполнения портрета. Было бы желательно для более точного определения состояния картины и техники исполнения сделать рентгеновский снимок.

При внимательном осмотре портрета можно заметить, что голова изображенного, исполненная на бумаге, отличается по работе от остальной части портрета, а также и фона. Особенно резко разница заметна в части продолжения изображения жабо, где манера письма грубее. Вероятно, часть портрета исполнена другим мастером в более позднее время, когда производилась дублировка оригинала. Разница характера живописи дает право предполагать, что рельефная подача головы не особый прием в живописи, а желание художника сохранить оригинал на картине.

На портрете изображение Беринга напоминает портреты первой четверти XVIII века, однако костюм изображенного не похож на петровский мундир капитан-командора или капитана флота. Но так как край воротника сделан не на оригинале портрета, а на левкасе доски в более позднее время, други-

ми красками, то это обстоятельство еще раз подтверждает предположение, что позднейший художник, производивший дублировку оригинала, не знал действительного костюма, который не был исполнен на оригинале. Не желая фантазировать, он изобразил его как фон».

Н.А. Мезенцев, публикуя портрет, поставил знак вопроса: «Портрет Беринга (?)».

«В капитальном труде Ровинского «Русские граверы и их произведения» нет сведений о том, что когда-либо был сделан портрет Беринга, — писал он. — В связи с полным отсутствием иконографического материала о Беринге настоящий портрет представляет интерес и требует всестороннего изучения».

В дальнейшем выяснилось, что такой же портрет еще в 1948 году опубликовал Е. Стенсгорд в датской газете «Социал-демократ Хорсенса». Портрет был подарен городу Хорсенсу, где родился Беринг, его потомком Масловым-Берингом, проживавшим тогда в Брюсселе. На этой копии сохранилось факсимиле — «В. Беринг», которого нет на копии Е.А. Трегубовой. Однако датские историки считают, что на портрете изображен поэт Витус Беринг — дядя Великого мореплавателя (1617—1675).

Таким образом, хотя портрет и канонизирован ныне, однако сомнения остаются. Возможно, новые экспертизы позволят точнее датировать портрет, это было бы очень важно. А пока можно только присоединиться к мнению Н.А. Мезенцева, который в 1945 году писал: «Ввиду отсутствия в настоящее время другого портрета Беринга исключается возможность сличения для проверки достоверности изображения. Нужно поверить преданию, сохранившемуся у потомков Беринга, так как нет оснований его опорочить»...

Но вернемся к нашему повествованию. В начале 1724 года Витус Беринг по неизвестной для нас причине подает прошение об отставке. Большинство биографов считают, что он был

обижен, не получив повышения в звании при массовом награждении после заключения Ништадтского мира. Так или иначе, Адмиралтейств-коллегия постановила: «Витезя Беринга... отпустить во отечество». Мы не знаем, просился ли он вновь на службу. Но всего через пять с небольшим месяцев лично Петр (что послужило мотивом к этому, мы тоже не знаем) повелел: «Капитана Беринга принять в службу Его Величества в морской флот по-прежнему, в первый ранг капитаном». Обратите внимание, Беринг все-таки получил очередное повышение в звании. А еще через четыре месяца, 23 декабря 1724 года, уже незадолго до своей смерти, Петр приказал снарядить Камчатскую экспедицию и начальником ее назначил Витуса Беринга...

К началу XVIII века оставался нерешенным важнейший географический вопрос: соединяется ли Азия с Америкой? Тихоокеанские берега Америки были известны, и то очень приблизительно, только до 35—40° северной широты.

Собственно говоря, еще в 1648 году Семен Дежнёв впервые прошел проливом, который мы называем теперь Беринговым. Вряд ли правильно утверждать, что его сообщение «затерялось в архивах». (Дежнёв умер двадцать пять лет спустя в Москве, добиваясь «пенсии» за свою долгую службу. О его плавании в Москве хорошо знали.) Нет, на его сообщение просто не обратили серьезного внимания — слишком противоречивы зачастую были донесения («скаски») землепроходцев.

Но вот парадокс: Дежнёву не поверили, несмотря на то что на большинстве карт пролив между Азией и Америкой (его называли Анианским) показывали еще задолго до Дежнёва. Нет нужды углубляться в вопрос, когда и почему возникла ни на чем, казалось бы, не основанная географическая легенда об Анианском проливе. Для нас важнее другое: в мифический пролив верили не все, и сам Петр I, по-видимому, склонен был считать, что никакого пролива не существует.

Вчитаемся в «Инструкцию», которую получил Беринг. «Надлежит на Камчатке или в другом тамо же месте сделать один или два бота с палубами.

На оных ботах возле земли, которая идет на норд, и по чаянию (понеже оной конца не знают) кажется, что та земля — часть Америки.

И для того изкать, где она сошлась с Америкою».

Этой инструкции конечно же противоречат слова, якобы сказанные Петром при ее подписании: «Я вспомнил на сих днях то, о чем мыслил давно и что другие дела предпринять мешали, то есть о дороге через Ледовитое море в Китай и Индию. На сей морской карте проложенный путь, называемый Аниан, назначен не напрасно».

Нередко, даже цитируя инструкцию, словно не замечают, что написано в ней. Всех гипнотизирует «дорога через Ледовитое море», «путь, называемый Аниан», хотя известно, что цитированные выше «Рассказы Нартова о Петре Великом» были впервые опубликованы только в 1891 году, и их текст (это, кажется, никто не оспаривает), безусловно, подвергся правке.

Но этот гипноз рождает обвинение: Беринг не выполнил наказ Петра, не нашел «дорогу», не убедился в существовании американского берега Анианского пролива.

«Выбранный Петром Великим в первую экспедицию... Беринг успел уже выказать в ней всю свою нерешительность» — это (вы, наверное, догадываетесь) пишет Соколов.

«Нерешительность» проявилась вот в чем. Пройдя от Нижнекамчатка вдоль побережья Чукотки, Беринг через нынешний Берингов пролив вышел в Ледовитый океан. Ширина пролива всего 85 километров, но Беринг из-за «тумана с мокротою» не видел его берегов. Позднее, при прояснении, со «Святого Гавриила» заметили современные мыс Дежнёва и остров Ратманова. Еще двое суток Беринг продолжал плыть на северо-северо восток, не видя никакой земли, и лишь затем, в широте 67°18', лег на обратный курс.

Памятник С.И. Дежнёву на мысе Дежнёва

Биографы сетуют: если бы «Святой Гавриил» повернул на запад, к Колыме, если бы хоть немного прошел на восток...

Если бы... Конечно, обидно, что Беринг так и не увидел во время первой экспедиции берегов Америки. Но...

Перечитайте еще раз «Инструкцию». От правильного понимания задачи, которая была поставлена перед Берингом, зависит оценка всех его действий, оценка — так уж нелепо получается — всех его заслуг.

«...Изкать, где она (Азия. — *Авт.*) сошлась с Америкой!»

Беринг полностью выполнил поставленную перед ним задачу. Он убедился, что за мысом Дежнева азиатский берег резко поворачивает и уходит к западо-северо-западу. Опрошенные чукчи единодушно утверждали: «А земля наша почти отсюда поворотилась налево (то есть к западу) и пошла далеко», «по берегу морскому к Колыме, далече отсюда, живут люди все нашего роду».

«Посему, — пишет современник Беринга академик Миллер, впервые сообщивший о результатах экспедиции, — заключил капитан с немалой вероятностью, что он достиг само-

го края Азии к северо-востоку: ибо ежели берег оттуда непременно простирается к западу, то нельзя Азии соединиться с Америкой. Следовательно, он по данной ему инструкции исполнил».

Как бы ни препарировали слова чукчей и рапорты начальника экспедиции, у нас нет оснований сомневаться: сам Беринг был абсолютно уверен, что Азия не соединяется с Америкой и что его задача выполнена.

Иногда намекают, что Беринг просто струсил, испугался вынужденной зимовки у берегов Чукотки. Хорошо рассуждать, вооружившись современными знаниями: «лишь в конце сентября образуется (в Чукотском море) молодой лед». Беринг действительно боялся зимовки. Назад он повернул 16 (27) августа. Но как-то забывают, что Берингу выпала высокая честь первому из русских моряков оторваться от берега, первому проложить курс в неведомые моря.

И сейчас существует на флоте хорошее правило, закон для капитана:

«Считай себя ближе к опасности». Это означает — постарайся исключить любую случайность, не бойся быть, а точнее, выглядеть трусливым.

Беринг проявил одно из лучших качеств судоводителя — разумную предусмотрительность...

В 1941 году в газете «Социал-демократ Хорсенса» было опубликовано письмо Беринга, написанное им вскоре после окончания Первой Камчатской экспедиции.

Мы знаем, архив мореплавателя, вероятно, погиб. И ценность письма уже в том, что оно единственное сохранившееся. Лишь оно позволяет в какой-то мере составить впечатление о Беринге-человеке*.

«Глубокоуважаемая и дорогая тетушка!

* В 1965 году известный историк Арктики Михаил Иванович Белов опубликовал перевод письма в малотиражном специальном издании, но широкому читателю оно до сих пор неизвестно.

Прошло уже пятнадцать лет с тех пор, как я имел счастье получить письмо от моих родственников из Хорсенса, хотя Вы и предали меня забвению, но я все же не забыл Вас, и теперь, по возвращении домой, после пятилетнего путешествия, я навел справки и узнал, что Вы стали вдовой. От всего сердца выражаю Вам свое соболезнование в том, что Вы остались одинокой на старости лет, и желал бы находиться с Вами рядом, чтобы иметь возможность оказать поддержку, но мое путешествие в 1725 году лишило меня возможности приехать домой и повидать как моих теперь уже покойных родителей, так и Вас, мою дорогую тетушку, и тем меньше возможности сделать это теперь, так как на моей службе нашему всемилостивейшему императору может произойти что-либо, в связи с чем мне придется отправиться в путь.

Мое продолжительное путешествие началось в 1725 году, и только сейчас, 1 марта 1730 года, я вернулся домой. Я проехал несколько тысяч миль по Восточной Татарии, пока можно было проехать сушей, мимо Камчатки и еще несколько сот миль дальше, как это видно из географических карт, а именно я побывал в той части Азии, которая тянется от Северных гор. Я должен признать, что желание моей молодости — попутешествовать исполнилось, ибо это путешествие совершалось мимо Китая и Японии, но при этом оно не может сравниться с путешествием в Ост-Индию, как по суше, так и по морю.

На Камчатке я велел построить судно, на котором совершал рекогносцировки по морю, попадая иногда к язычникам, которые никогда раньше не видели ни одного европейца, а также в места, где не произрастал хлеб и не было никакого скота, кроме диких птиц, северных оленей и другого вида оленей, достаточно ручных, чтобы на них ездить верхом вместо лошадей, зимой здесь ездят на собаках, запрягая их в сани, как в других местах лошадей. Рыба является здесь основной пищей как для собак, так и для людей. Таким образом, я могу считать, что проехал большую часть этого полушария (...) Я пишу все это единственно для того, чтобы Вы, дорогая те-

тушка, и все мои родственники порадовались, что Бог чудесно сохранил мне жизнь в таком долгом и трудном путешествии, и чтобы вы все вспомнили обо мне. Я, благодаря Богу, здоров, хотя после своего возвращения домой тяжело болел. Жена моя, слава Богу, жива; из восьми детей трое живы, и скоро мы ждем четвертого...»

Здесь стоит, пожалуй, прервать цитирование письма, чтобы сказать несколько слов о жене Беринга.

А.П. Соколов, а вслед за ним и другие называют ее Анной Матвеевной и пишут о ней в иронических тонах: «Барыня, молодая и бойкая, кажется, оставалась не без влияния на сго дела».

Трудно сказать, насколько это ядовитое замечание соответствует действительности, поскольку Соколов не ссылается на какие-либо факты. Но следующее его утверждение: «...в 1744 году... ей было 39 лет» — явно ошибочно.

Как установил недавно Е.Г. Кушнарев, уже в 1713 году состоялось бракосочетание Витуса Беринга и Анны Шарлотты Пюльсе, дочери коммерсанта из Выборга.

Уже одно то, что она вместе с мужем отправилась в экспедицию, не может не вызвать уважения. «В такой суровый век и в такой неорганизованной стране» это само по себе было достаточно мужественным поступком. Можно добавить, что, потеряв за пять лет пятерых детей, она тем не менее вновь сопровождала мужа в его второй экспедиции...

«Мне было бы очень приятно, — продолжает свое письмо Беринг, — если бы Вы, дорогая тетушка, сообщили мне, кто из наших родственников еще жив и кто теперь бургомистр и советник, ибо я хотел бы принять меры относительно оставшейся небольшой части наследства, причитающейся мне после моих покойных родителей, так как я думаю, что оно сейчас не приносит никакой пользы, и я хотел бы, чтобы оно было превращено в ренту, а проценты были отданы бедным, до тех пор пока я сам не смогу распорядиться им...»

Следует добавить, что три года спустя, перед началом второй экспедиции, Беринг полностью передал свою долю на-

следства бургомистру города Хорсенса «в пользу бедных и неимущих»...

«Я также не знаю, живы ли еще мои родные братья Ионас и Иёрген, а также брат Свен, который, побывав дома, снова уехал в Ост-Индию; и кто живет в доме моих покойных родителей, и кто из детей моих сестер еще жив. Я хотел бы иметь какую-нибудь возможность подарить Вам, моя дорогая тетушка, пару соболей в знак моего уважения; в остальном прошу кланяться... всем, кто жив, из хороших друзей. Вспоминайте меня добром, дорогая тетушка, ибо я надеюсь, что я еще пользуюсь Вашим расположением, и остаюсь постоянно и неизменно до самой смерти покорным племянником Вашим, глубокоуважаемая тетушка.

В.И. Беринг.

Прошло уже 26 лет с тех пор, как я уехал из дома, но не имел чести получить от Вас письма, дорогая тетушка; это плохой признак — меня не помнят; ну что же, пусть будет так: с глаз долой — из сердца вон. Ведь теперь редко признают своих, если это не сулит выгоды; у меня же это совсем не так, я всегда радуюсь, когда узнаю о благополучии моих родственников. Если Вы, дорогая тетушка, будете столь любезны и захотите написать мне, то адресуйте письмо моему зятю в Кронштадт, вице-адмиралу Сандерсу с переадресованием мне — капитану первого ранга морского флота».

Вернувшись из экспедиции, Беринг сразу же представил в Адмиралтейств-коллегию две докладные записки — «Предложения». Ему без малого пятьдесят, но он готов вновь отправиться через всю Сибирь! Он хочет достичь берегов Американского материка: «...признаваю я, что Америка... не очень далеко от Камчатки... и буде подлинно так, то можно будет установить торги с тамошними обретающимися землями к прибыли Российской империи».

Беринг выступает как горячий патриот России, которая, на четверть века конечно же стала его Родиной. Беринга ис-

кренне заботит все, что происходит в Сибири. Беспокоит будущее огромной страны, освоение которой только начинается, возмущают безобразия, зачастую чинимые «вдали от закона».

«Служилых людей счисляется при Якуцке около 1000 человек. А хотя командующие над ними и есть, но токмо содержат не под страхом, понеже служилые пьянствуют и проигрывают не токмо что из своих пожитков, но временно бывает — жен своих и детей... А когда отправляются в нужной путь, тогда они платья не имеют, однакож и ружье не исправно».

Беринг теперь уже хорошо знает Сибирь и предлагает вполне конкретные административные мероприятия:

«А для лучшего порядка надлежит всякому служилому в регулярном полку быть... для службы надлежит иметь лошадь, теплое платье, ружье с амунициею».

«Надлежит промеж ими (якутами. — *Авт.*) поселить... таких, чтоб детей их учили в школе. А признаваю, чтоб много охотников было отдавать детей в научение».

«В Сибири, когда случится нужда в железе, тогда возят от Тобольска до дальних городов, отчего учиняет в провозе лишней кошт. При Ангаре реке, около Яндинского острога, имеется железная руда, також около Якуцкаго... А ежели б определено кому умеющему плавить в прутья, то можно б во всяком деле и в судовом строении довольствоваться без нужд».

Всего в первом «Предложении» пятнадцать пунктов. Беринг пишет о возможности сеять рожь и ячмень, выращивать овощи на Камчатке («в бытность мою учинена проба»). Отмечает, что на Камчатке можно варить соль и «сидеть» смолу («тогда б возить на Камчатку не надобно»). Настаивает на необходимости посылать на Камчатку ремесленников и «для морского пути обучать молодых казачьих детей всякому морскому обыкновению».

Во втором «Предложении» Беринга фактически заложен весь план будущей Великой Северной экспедиции, Беринг предлагает отнюдь не ограничиваться посылкой корабля к берегам Америки.

«Не без пользы б было, чтоб... водяной проход до устья реки Амура и далее до Японских островов выведывать... чего б немалой прибыли Российской империи впредь могло оказаться».

И, может быть, главное — Беринг предлагает «северная земли или берег от Сибири... на ботах или сухим путем выведывать». Он намечает предварительный план работ: «...от реки Оби до Енисея, а оттуда до реки Лены».

Заметьте, Беринг не строит прожектов о морских путях «в Китай и Индию» через Ледовитый океан. Прежде чем говорить об этом, необходимо «выведывать северная земли». Ведь до сих пор неизвестно даже, как далеко простирается к полюсу Азия.

— Первая экспедиция ничего не доказала, — говорят до сих пор некоторые историки. — Сухопутный мост между Азией и Америкой мог находиться к западу от самого восточного мыса, который видел Беринг, например, где-то в районе мыса Шеллагского.

Если уж становиться на такую точку зрения (она отчасти справедлива), то почему не предположить, что Азия могла соединиться с Америкой и в совершенно не обследованном районе между Пясиной и Хатангой, там, где на современных картах уходит к северу огромный Таймырский полуостров?

Именно Беринг стремился расставить точки над «i»: нанести на карту все северное побережье Азиатского материка.

Странное дело, говоря о замысле Великой Северной экспедиции, историки вспоминают проект сподвижника Петра, корабельного мастера Ф.Ф. Салтыкова «О взыскании свободного пути морского от Двины реки даже до Омурского устья и до Китай». Говорят о роли самого Петра, Лейбница. Но предложения Беринга обходят зачастую молчанием. Или выдвигают на первый план имена Н.Ф. Головина, Ф.И. Соймонова, И.К. Кириллова... Все они действительно очень многое сделали, чтобы экспедиция состоялась. Но не следует забывать инициативу самого Беринга, его «Предложения».

Беринг был отцом, все остальные — крестными...

И снова потянулись обозы из Санкт-Петербурга, снова строили дощаники в Усть-Куте, пробивали зимник на Юдомский Крест (ныне — Юдома-Крестовская).

Беринг задержался в Якутске. Отсюда, с Лены, с Оби, с Енисея, год за годом отправлялись отряды на север, к берегам Ледовитого океана. В Охотске все еще продолжали строить корабли для плаваний к Японии, к берегам Америки. «Всех более участия, — пишет академик К.М. Бэр, — возбуждает к себе Беринг, медленно подвигавшийся по Сибири до Охотска, чтобы иметь возможность управлять всеми отдельными экспедициями. Нельзя не удивляться его мужеству и терпению, вспомнив, что он должен был преодолевать невероятные трудности, строить в одно время в разных местах новые суда, высылать огромные транспорты провианта и корабельных потребностей через пустынные дикие страны... Большая часть его сотрудников, как видно из позднейших донесений, обвиняла его в жестокости, с какою он упорствовал в продолжении Северной экспедиции».

Из столицы, как это обычно бывает, казалось, что Беринг недостаточно энергичен, что дело продвигается слишком медленно. «Из полученных Коллегией рапортов усмотрено только одно, что леса заготавливаются и суда строятся, и парусы шьются... Лесам надлежало давно быть приготовленным, а судам — построенным и парусам — сшитым».

Адмиралтейств-коллегия требовала: «В путь свой отправляться безо всякого замедления, не утруждая, яко излишними, безо всякого действия переписками».

Снабжение огромной экспедиции, разбросанной по Сибири, требовало исключительной энергии. Только в 1738 году и только из Якутска к Юдомскому Кресту было отправлено: муки — 13 896 пудов, сухарей — 593, круп — 2702 пуда... И так далее год за годом.

Свен Ваксель о Беринге:

«Он не раз говорил, что, мол, нехитрое дело загнать людей в места, где они сами могут себя пропитать, а вот обеспечить их содержание — это дело, требующее предусмотрительности и разумной распорядительности».

Георг Стеллер о Беринге:

«Беринг не способен был к скорым и решительным мерам, но, может быть, пылкой начальник при толиком множестве препятствий, кои он везде встречал, исполнил бы порученное ему гораздо хуже. Винить можно его только за неограниченное снисхождение к подчиненным и излишнюю доверенность к старшим офицерам. Знание их уважал он более, нежели бы следовало, и через то вперил им высокомерие, которое переводило их нередко за границы должного повиновения к начальнику».

Беринг стремился не прибегать к наказаниям. К подчиненным он относился истинно по-отечески. Вот, например, его «внушение» лейтенанту Михаилу Плаутингу:

«Ты сам знаешь больше моего, каков Писарев! Лучше, кажется, когда бешеная собака бежит, то отойди от нея... Ты упрямишься, а сам кругом виноват, и спесивишься, надеясь, что ты офицер и будто нельзя тебя штрафовать... Не знаю, в каких ты слабых командах служил, что столько упрям. Опомнись и побереги себя, ежели жаль голову... Никто своего счастья не знает. Может быть, ты будешь адмиралом, как ныне произошел Николай Федорович Головин, а прежде сего был у меня в команде подпоручиком».

Надо, пожалуй, сказать несколько слов об упоминаемом здесь Г.Г. Скорнякове-Писареве — это фигура достаточно характерная для правителей Сибири середины XVIII века.

В прошлом директор Морской академии, обер-прокурор сената, Писарев за участие в заговоре против Меншикова был в 1727 году сечен кнутом и сослан в Сибирь. При очередной смене власти в столице и при постоянной нехватке кадров в Сибири его назначили вскоре начальником Охотского края и

порта. Здесь Писарев, чувствуя себя безраздельным властителем, обирал и камчадалов, и купцов, издевался над подчиненными, вел праздный образ жизни. Впрочем, служилые люди из команды Писарева потребную службу несли «исправно»: строили высокие ледяные горы для катания, чтобы дамам не было скучно.

С приездом людей Беринга Охотск — всего-то сотня строений — разбился на два лагеря, два враждебных стана: Охотское правление и Экспедиционная слобода. Доносы в Санкт-Петербург текли рекой, жаль только, что ответы приходили (если приходили) через два-три года.

Нижние чины и ссыльные, измученные самодурством Писарева, бежали («из окошка видать») в Экспедиционную слободу. «Как некогда бегивали из России на Дон и в Запорожье», — высоким штилем доносит Писарев. Сам он насильственно захватывал людей Беринга, сажал их под арест; дело доходило и до пыток. Капитан-командору в свою очередь приходилось силой добиваться их освобождения.

Как тут не вспомнить: «суровый век», «неорганизованная страна». И как не оценить все, что делал и сделал Беринг...

Только к 1740 году пакетботы «Святой Петр» и «Святой Павел» были построены и, перезимовав на Камчатке (здесь был основан «град святых Петра и Павла» — современный Петропавловск-Камчатский), 24 мая 1741 года вышли в плавание к берегам Америки.

«Святым Петром» командовал Витус Беринг, «Святым Павлом» — Алексей Ильич Чириков. Хотя и была договоренность держаться рядом, но 20 июня пакетботы в тумане разошлись.

Оба они достигли берегов Америки, «Святой Павел» двумя сутками ранее. Но плавание А.И. Чирикова — отдельная тема. Мы же последуем за капитан-командором.

Шестнадцатого июля со «Святого Петра» заметили «необычайно высокие горы, покрытые снегом». Однако из-за противного ветра смогли подойти к берегу только двадцатого.

Берег Америки!

Стеллер: «Всякий легко себе вообразит, как велика была радость... Со всех сторон обратились с поздравлениями к Капитану, до которого более всех относилась честь открытия. Однако ж Капитан не только что весьма равнодушно выслушивал эти поздравления, но, рассматривая берег, даже стал пожимать плечами».

На берег были посланы большая лодка, чтобы подробнее разведать бухту, и шлюпка, чтобы разыскать питьевую воду. Софрон Хитрово, который командовал лодкой, доложил, что между островами имеется удобный рейд, где можно укрыться от ветров. На одном из островов он обнаружил несколько небольших построек, но сами жители, видимо, спрятались. Люди со шлюпки нашли пресную воду и заметили два еще дымившихся костра.

Наверное, все мечтали отдохнуть, побродить по земле. Необходимо было попытаться наладить контакты с местными жителями, необходимо обследовать эти берега.

Но Беринг не хочет задерживаться ни одной лишней минуты. Решено запастись свежей водой и немедленно отправиться в путь.

«Мы приехали сюда лишь для того, чтобы привезти американской воды в Азию», — ядовито замечает Стеллер.

Только с большим трудом, после громкого скандала натуралисту удалось добиться разрешения на несколько часов сойти на берег.

Стеллер: «Время, затраченное здесь на исследование, обратно пропорционально времени, затраченному на приготовления: десять лет продолжались сборы и только десять часов пошли на дело».

Впрочем, Стеллер отчасти даже оправдывает Беринга, цитируя его слова: «Мы теперь воображаем, что все открыли, и строим воздушные замки; а никто не думает о том, где мы нашли этот берег? Как еще далеко нам до дому? Что еще может с нами случиться? Почем знать, не будем ли мы задержаны здесь

пассатными ветрами? А берег нам незнакомый, чужой, провианта на прозимовку не хватит!»

Осторожность Беринга можно понять.

Как раз в эти дни пропали без вести пятнадцать человек со «Святого Павла», посланных Чириковым на двух шлюпках к берегу. Незнакомый, таящий неведомые опасности берег... Но Беринга пугает главным образом обратный путь, «прозимовка».

Вспомните, «нехитрое дело загнать людей (больше семидесяти человек!) в места, где они сами могут себя пропитать, а вот обеспечить их содержание...»

И все-таки нельзя не согласиться, в данном случае Беринг мог и должен был действовать более решительно, мог бы проявить большую научную и просто человеческую любознательность. Единственное извинительное обстоятельство можно усмотреть, пожалуй, только в том, что на корабле уже начиналась цинга, болен был и сам капитан-командор.

Возвращение, как свидетельствует Свен Ваксель, старший офицер «Святого Петра», было действительно нелегким:

«Вместо того чтобы плыть, как мы рассчитывали, до 65°, мы вынуждены были спуститься к югу до 62°, а затем еще до 48°... Нам встретились громадные трудности, ибо как только мы намеревались направить курс для дальнейшего продолжения путешествия, в полной уверенности, что не придется опасаться каких-либо препятствий, так всякий раз вахтенный докладывал о том, что впереди по обе стороны видна земля. Приходилось каждый раз поворачивать обратно в открытое море...

Не раз мы ночью проходили мимо крупных островов, которые не удавалось видеть. Что это действительно были острова, я заключаю из того, что временами в течение 2—3 часов при неизменном ветре и погоде корабль плыл среди значительно меньших волн и шел совершенно спокойно, а затем вдруг снова попадал в крупную океанскую волну, так что мы едва справлялись с управлением кораблем. В особенности испугались мы однажды темной ночью, после того как в тече-

ние нескольких дней не видели земли и вдруг около полуночи попали на глубину в двадцать сажен. Мы произвели измерения по сторонам корабля, чтобы определить, как сойти с этого рифа или грунта (так как не знали, что он собой представляет), но во всех направлениях, куда мы ни шли, глубина оказывалась еще меньше. Я был в полном недоумении, что же надлежит предпринять. Бросить якорь, не зная, близко или далеко от берега мы стали, также было рискованно, тем более что поднялся сильный ветер и началось сильное волнение. Я решил тогда направиться прямо на юг; в течение долгого времени глубины оставались неизменными; наконец мы вышли на глубокую воду.

Спустя несколько дней в туманную погоду нам пришлось пройти мимо какого-то острова на глубине семи или восьми сажен. Мы с большой поспешностью бросили якорь, а когда туман рассеялся, то оказалось, что мы уже прошли мимо острова и остановились на расстоянии не более четверти мили от него. Этот остров мы назвали на нашей карте «Туманным островом»».

Кончался август. Многие стали замечать у себя признаки цинги: кровоточащие десны, опухшие ноги, общая слабость. Капитан-командор почти уже не вставал с койки.

31 августа умер первый — матрос Никита Шумагин. Группа островов, где похоронили матроса, была названа его именем. Это еще один штрих к портрету Беринга.

Столетие спустя прославленный русский мореплаватель В.М. Головнин будет восхищаться: «Беринг... открыв прекраснейшую гавань, назвал ее по имени своих судов: Петра и Павла; весьма важный мыс в Америке назвал мысом Св. Илии... купу довольно больших островов, кои ныне непременно получили бы имя какого-нибудь славного полководца или министра, назвал он Шумагина островами потому, что похоронил на них умершего у него матроса... Если бы нынешнему мореплавателю удалось сделать такие открытия, какия сдела-

ли Беринг и Чириков, но не токмо все мысы, острова и заливы американские получили бы фамилии князей и графов, но даже и по голым камням разсадил бы он всех министров и всю знать; и комплименты свои обнародовал бы всему свету...»

Во время стоянки у Шумагинских островов заметили ночью огонь на берегу, а 5—6 сентября к кораблю подходили небольшие байдарки, сделанные из тюленьих шкур. В каждой из них сидело по одному человеку. Взойти на борт они не решились, но всячески выказывали дружелюбие, знаками приглашая русских моряков на берег.

И Ваксель, и Стеллер, и Хитрово оставили описания первых встреченных ими американцев:

«Лица их были раскрашены в красный, а у некоторых в синий цвет; выражение лиц у них было различное, как у европейцев, и не все имели плоские лица, как у калмыков. Ростом они были довольно высоки и хорошо сложены...

Верхняя одежда, или парки, была сделана из китовых кишок, разрезанных вдоль и сшитых вместе; штаны — из тюленьих шкур, а шапки — из шкур морских львов (сивучей); шапки были обсажены кругом различными перьями, в большинстве, по-видимому, соколиными».

С огнестрельным оружием островитяне были явно незнакомы, два выстрела в воздух лишь слегка напугали их. «Я мог бы, — пишет Ваксель, — всех девять человек забрать в плен и даже об этом доложил капитан-командору Берингу, но последний письменно запретил мне это и не велел чинить над ними никаких насилий...»

«Святой Петр» по-прежнему шел вдоль гряды Алеутских островов, то приближаясь к ней, то отдаляясь. Почти все время штормило, стояла туманная и облачная погода. Неделями не было видно ни солнца, ни звезд, и уточнить местоположение судна никак не удавалось.

«Мы должны были плыть в неизведанном, никем не описанном океане, точно слепые...»

На корабле свирепствовала цинга. Один за другим умирали люди. Никита Шумагин, потом гренадер Андрей Третьяков, морской солдат Алексей Киселев, камчатский служивый Никита Харитонов, морской солдат Лука Завьялов, адмиралтейский купор Степан Болдырев...

«У меня не оставалось почти никого, кто бы мог помочь в управлении судном, — пишет Свен Ваксель. — Паруса к этому времени износились до такой степени, что я всякий раз опасался, как бы их не унесло порывом ветра. Заменить же их другими за отсутствием людей я не имел возможности. Матросов, которые должны были держать вахту у штурвала, приводили туда другие больные товарищи, из числа тех, которые были способны еще немного двигаться. Матросы усаживались на скамейку около штурвала, где им приходилось в меру своих сил нести рулевую вахту. Сам я тоже с большим трудом передвигался по палубе, и то только держась за какие-нибудь предметы. Наш корабль плыл, как кусок мертвого дерева, почти без всякого управления, и шел по воле волн и ветра, куда им только вздумалось его погнать...»

Утром четвертого ноября увидели землю — высокие горы, покрытые снегом. «Невозможно описать, какая радость охватила нас при виде ее. Полумертвые выползали, чтобы посмотреть... Достали план Авачи и нашли, что данный берег вполне соответствует берегам Авачи. Указывались предгорья и вход в гавань».

Попытались подойти к берегу, бросили два якоря, но оба якорных канта оборвались. К счастью, корабль перебросило волнами через каменную гряду в удобную бухту. Ваксель и Стеллер отправились на шлюпке к берегу. Натуралиста удивила поразительная доверчивость животных. Стеллер высказал сомнение, что это Камчатка.

— Что же это может быть? — возразил Ваксель.

На следующий день начали перевозить на берег больных.

«Многие из них умерли, как только попали на свежий воздух, несколько человек скончалось в лодке, так и не ступив на

берег, а несколько человек умерло уже на берегу вскоре после высадки».

Капитан-командора тоже отправили на берег. Четыре самых крепких человека перенесли его на носилках из связанных веревками шестов. Ходить капитан-командор уже не мог.

Его положили в отдельную землянку, выкопанную на берегу и прикрытую парусом.

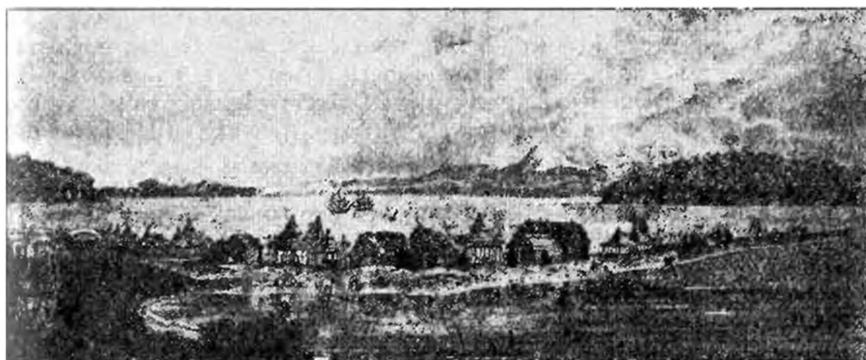
Беринг лежал полужасыпанный песком, ему казалось, так теплее. Капитан-командор догадывался, что это не Камчатка, что это остров. Но он не знал, что здесь ему суждено умереть, не знал, что остров этот будет называться островом Беринга, а весь архипелаг — Командорами.

ГЛАВА 4. ЭТОТ НЕУЖИВЧИВЫЙ АДЬЮНКТ

Беринг лежал полузасыпанный песком, ему казалось, так теплее. Беринг умирал.

«Командор поразил меня своим спокойствием и терпеливостью, — записал в дневнике Стеллер. — Он спросил меня: думаю ли я, что мы находимся на Камчатке? Я дал отрицательный ответ, так как обилие и доверчивость животных заставляют предполагать, что мы находимся в неоситаемой стране. На это он мне ответил: “Корабль наш уже не спасти; сохранил бы Бог только баркас!”»

Старшим офицером «Святого Петра» был лейтенант Свен Ваксель. Но ни он, ни третий по старшинству мастер Софрон Хитрово не могли заменить капитан-командора. Ваксель, несмотря на болезнь, мужественно вел корабль. Но теперь цинга скрутила, скорчила его. Хитрово совершенно обессилел.

Так начинался Петропавловск-Камчатский

Немногие, кто еще держался на ногах, продолжали перевозить с корабля больных. Печально и ужасно выглядел пустынный берег неведомой страны.

«Покойников, которых не успели еще предать земле, обгладывали песцы; не боялись они подходить и по-собачьи обнюхивать беспомощных больных, лежавших на берегу без всякой защиты. Иной больной кричит от холода, другой жалуется на голод и жажду. Цинга многим так страшно изуродовала рот, что от сильной боли они не могли есть — почти черные, как губка, распухшие десны переросли и покрыли зубы».

Стеллер сохранил и силу духа, и энергию. Он первым сошел на берег, первым подумал о зимовке. На берегу начали рыть землянки, прикрывали их сверху плавниковыми бревнами, парусами. В эти дни адъютант академии стал и лекарем, и пекарем, и добытчиком.

«Мы увидели, — словно подсмеиваясь, пишет Стеллер, — что чин, ученость и другие заслуги здесь не дают никакого преимущества и вовсе не помогают находить средства к жизни...»

К сожалению, не удалось разыскать ни одного портрета адъютанта академии Георга Вильгельма Стеллера. Наверное, и не существовало ни одного портрета. Как он выглядел, можно только догадываться. Наверное, насколько можно судить по характеру, он был похож на Паганеля и Дон-Кихота одновременно.

В Россию Стеллер приехал в 1734 году, ему было двадцать пять лет. Подающий надежды ученый, и только. Это теперь, двести пятьдесят лет спустя, мы можем написать — талантливый натуралист, вдумчивый, наблюдательный этнограф, страстный, не знающий усталости путешественник...

Академик С.Г. Гмелин писал о Стеллере: «Он вовсе не был обременен платьем... У него был один сосуд для питья... Он имел одну посудину, из которой ел и в которой готовились все его кушанья... Он стряпал все сам, и это опять с такими малыми затеями, что суп, зелень и говядина клались разом в один и тот же горшок и таким образом варились... Ни парика, ни

пудры он не употреблял, и всякий сапог и башмак были ему в пору. При этом его нисколько не огорчали лишения в жизни; всегда он был в хорошем расположении, и чем более было вокруг него кутерьмы, тем веселее становился он... Вместе с тем мы заметили, что, несмотря на всю беспорядочность, выказываемую им в его образе жизни, он, однако, при производстве наблюдений был чрезвычайно точен и неутомим во всех своих предприятиях... Ему было нипочем проголодать целый день без еды и питья, когда он мог совершить что-нибудь на пользу науки».

Кажется, портрет нашего героя уже нарисован. Но...

Пожалуй, у Стеллера было больше врагов, чем друзей. Да что там больше. Не было, наверное, ни одного человека, с которым бы он не поругался.

Тот же самый академик Гмелин чуть позднее (уже поссорившись с адъютантом) в запальчивости скажет: «Ему никто не смеет противоречить, потому что в противном случае навлечет на себя несчастье быть им преследуемым».

В экспедицию, в академический отряд, Стеллер по его страстной просьбе был зачислен в феврале 1737 года, а в январе тридцать восьмого отправился в далекую и манящую Сибирь.

Совсем незадолго до отъезда (видимо, в декабре) он женился на Бригитте Елене Мессершмидт, вдове известного естествоиспытателя доктора Мессершмидта. Стеллер был счастлив: его веселая, игривая «докторша» разделит с ним все радости предстоящего путешествия. Беринг, Ваксель и многие другие поехали в экспедицию вместе с женами и детьми, даже совсем маленькими. А его приемная дочь почти взрослая.

Бригитта, Бригитта, как он счастлив!

Но... молодая супруга адъютанта вполне удовольствовалась путешествием от Петербурга до Москвы, а здесь сообщила, что дальше не поедет.

Не будем обсуждать и не будем осуждать. Наверное, Бригитте нелегко было решиться: она жила в Сибири с Мессершмидтом и судила обо всем не понаслышке.

А Стеллер... Стеллер чувствовал себя полностью опустошенным. Его предали.

С тяжелым сердцем уезжал адъютант из Москвы. Казань — Екатеринбург — Тобольск — Томск — Енисейск... Много позднее Стеллер напишет: «Я совершенно забыл ее и впал в грех любви с Природой». Но, похоже, он будет неискренен. Кажется, Стеллер всегда продолжал любить Бригитту, хотя и относился к ней несколько иронично. Что же касается «грехопадения», то оно, безусловно, произошло задолго до женитьбы.

По дороге в Енисейск адъютант успел составить каталог птиц, трав, описание рек и рыб, употребляемых в Сибири лекарств. Из Иркутска он съездил в Кяхту за специальной китайской бумагой для укладки растений. Потом успел поработать в Прибайкалье, где собрал 1150 (!) видов растений. На Камчатку, в Большерецк, он прибыл в сентябре 1740 года; здесь его гостеприимно встретил Степан Петрович Крашенинников.

В ноябре Стеллер на собачьей упряжке отправляется к Авачинской губе, неподалеку от которой «имеется гора, временами выбрасывающая из себя огонь». Затем в январе едет к мысу Лопатка — южной оконечности Камчатки. Попутно Стеллер проводит самые разнообразные, в том числе интереснейшие этнографические, наблюдения.

И также попутно — то ли мешает ему в жизни горячность, то ли помогает — вступает в многочисленные конфликты с местной администрацией. Он, например, сообщает в сенат — никак не ниже! — о «непорядочных поступках» большерецкого приказчика, который «токмо время свое в пьянстве препровождает». Приказчик, в частности, не выдавал участникам экспедиции бумаги, из-за чего метеорологические «обсервации» приходилось записывать в «берестяные книги»...

В начале 1741 года Витус Беринг приглашает натуралиста «для морского вояжа» к берегам Америки, и в марте Стеллер переезжает в Петропавловскую гавань.

Стеллер, человек столь же энергичный, сколь и несдержанный в проявлении чувств, писал: «Во всем принят не так, как по моему характеру принять надлежало. Но яко простой солдат, и за подлого от него, Беринга, и от прочих признаван был, и ни к какому совету я им, Берингом, призыван (не) был, как что касается до учрежденного морского вояжа, так что тогда касалось до следствия бунтовщиков».

Во время плавания на «Святом Петре» он неоднократно публично обвинял офицеров в различных промахах и ошибках (действительных и мнимых), «в трусости» и даже «в измене и предательстве». Неудивительно и по человечески понятно, почему самые дельные советы Стеллера «с презрением» отвергались.

Когда цинга на корабле только начиналась, Стеллер предложил собрать на одном из Алеутских островов противоцинготные травы. Но это «было сочтено для лекарского помощника неподходящим делом, а для матросов лишним».

Однако спустя год после ужасной зимовки на острове Беринга Ваксель напишет: «Большую услугу оказал нам адъютант Стеллер, отличный ботаник, который собирал различные растения и указывал нам разнообразные травы. Могу с полной достоверностью засвидетельствовать, что ни один из нас не почувствовал себя вполне здоровым и не вошел в полную силу, пока не стал получать в пищу и вообще пользоваться свежей зеленью, травами и кореньями».

В Европе еще не знали о витаминах. Считали, что цинга — следствие сырости на корабле, «следствие особенного свойства и взаимного отношения составных частей атмосферного воздуха». Сведения о противоцинготных свойствах тех или иных трав Стеллер, несомненно, приобрел, изучая уклад жизни камчадалов. Он был внимательным и зорким наблюдателем. По его словам, камчадалы «собирают для лекарств, а также и для пищи на зиму сотни (!) различных семян, кореньев и трав».

Стеллер, безусловно, был первоклассным натуралистом, десятки и сотни растений он описал впервые, был первым на-

туралистом и на Байкале, и в Америке, и на острове Беринга. Его научные воззрения намного опережали время. Именно он одним из первых высказал мысль о влиянии внешних условий на изменчивость вида. Обсуждая опыт акклиматизации ячменя на Камчатке, он писал: «Любопытное изменение злака заключается в том, что колос развивается без ости, становясь очень большим и совершенно гладким, из чего ученики Природы могут ясно видеть, как вид меняется под влиянием климатических различий».

Вы помните, с каким трудом добился Стеллер разрешения сойти со «Святого Петра» на берег? Позднее свою статью он — первооткрыватель — назовет очень скромно и ядовито: «Описание растений, собранных за шесть часов в Америке». За шесть часов он успел собрать 143 вида!

А на острове Беринга Стеллер описал 218 видов — больше, чем до недавнего времени удавалось обнаружить ботаникам.

Удивительная тщательность! Особенно если учесть условия, в которых приходилось работать Стеллеру.

Сырость, а главное жестокие ветры (их скорость нередко достигает здесь 30 метров в секунду) делали жизнь в землянках на острове «предельно неудобной».

«Паруса, составлявшие крыши наших землянок, быстро ветшали и не в состоянии были противостоять постоянным сильным ветрам. Они разлетались при первом же порыве ветра, а мы оставались лежать под открытым небом. В эти моменты, кто обладал одеялом или шинелью, тот имел и дом, ибо единственным возможным средством укрыться от непогоды было натянуть на себя что-нибудь, покрыть все тело с головы до ног и лежать неподвижно до момента окончания пурги, которая иногда продолжалась довольно долго».

Не хватало дров. На острове рос только низкий ивняк; плавник — лес, выброшенный морем, лежал под снегом. Чтобы собрать дрова, нужно было ходить за пять—десять, а к вес-

не и за пятнадцать верст. Обувь совершенно износилась, и большинство ходило босиком.

К счастью, голод не грозил нашим путешественникам. Пожалуй, трудно себе представить большее обилие жизни, чем на этой земле. Неисчислимы стаи песцов совершенно не боялись человека. Ночью и днем они шныряли по землянкам, таская все, что попадалось, — сапоги, шапки, ножи, не говоря уже о мясе. Даже спать приходилось с палкой в руках, чтобы иметь возможность отогнать нахального зверя. Морские бобры, котики, тюлени, сивучи зачастую приходили на огонь, и для «охоты» не требовалось никакого оружия. Огромные стада морских коров неторопливо плавали у берегов. Самые крупные экземпляры достигали 8—10 метров в длину при весе до 3 тонн.

«До пупа походит на тюленя, от пупа до хвоста — на рыбу, — пишет Стеллер. — Череп напоминает лошадиный. Во рту вместо зубов две широкие плоские кости. Глаза этого гро-

Морская, или стеллерова, корова (внизу)

мадного животного не больше овечьих. Ноги состоят из двух суставов, из них крайний весьма похож на лошадиную ногу. Под передними ногами находятся грудные железы, содержащие большое обилие молока, превосходящего своей сладостью и жирностью молоко животных, живущих на земле. Медленно продвигаясь, они сдирают ногами морскую траву с камней и бесперывно жуют ее».

Приведенное описание может показаться читателю излишне длинным, но не спешите — это удивительное животное никогда не встречалось нигде, кроме как у Командорских островов. И единственным натуралистом, который видел его, был Стеллер.

Судьба морской коровы весьма поучительна. На свою беду она «обладала» удивительно вкусным мясом. На свою беду!

«Мясо детенышей напоминает поросенка, мясо взрослых — телятину. Оно варится в течение получаса и при этом так разбухает, что увеличивается в объеме почти вдвое. Топленый жир напоминает вкусом сладкое миндальное масло и исключительно приятен запахом. Мы пили его чашками, не испытывая никакого отвращения».

Мало того, мясо обладало целебными противочинготными свойствами и — трудно даже поверить! — в самые жаркие летние месяцы могло неделями лежать на воздухе и не портиться.

Промышленники, которые вскоре после Беринга устремились на восток — к Аляске, вдоль гряды Алеутских островов, вполне оценили все достоинства морской коровы. Отправляясь на промысел на два-три года, они брали продуктов всего на месяц, только чтобы добраться до Командорских островов. Здесь зимовали, заготавливали впрок (на года!) мясо и жир морских коров. Сушеное мясо употребляли даже вместо хлеба, жир «вместо хорошего масла, да и для зажжения огня в лампадах вместо свеч». Кожей коров обтягивали загодя заготовленные каркасы лодок. Такая лодка не боялась подводных камней («от буруна, как пузырь, безопасна») и была значительно легче деревянной.

Сам процесс «охоты» был как нельзя более доступен: коровы паслись у самого берега, выставив над водой спину и половину туловища.

«Один человек стоит на носу (лодки), имея в руках своих большой железный крюк, к которому привязан конец не тонкого троса, а именно дюйма в четыре. А другой конец того троса держат на берегу человек больше двадцати. И когда тем крючком человек в нее ударит что есть силы и увязит, тогда тянут за помянутый трос к берегу».

Казалось, что стада настолько велики... На всех хватит!

Первая морская корова была убита в мае 1742 года (в конце зимовки — в начале их боялись трогать). Последняя — самая последняя на Земле! — в 1768 году, всего двадцать шесть лет спустя!

Теперь ученые рассуждают о том, что этих животных было бы легко одомашнить. Молоко, тонны мяса, жира... Захватывающие перспективы! Если бы...

До сих пор время от времени появляются сообщения, что где-то видели корову в море, где-то выбросило ее на берег. Но это только слухи. Морская корова, корова Стеллера, перестала существовать.

Стеллер остался первым и единственным натуралистом, который ее видел. И рисунок, который приведен на странице 83, — тоже единственный.

В начале апреля стало окончательно ясно, что «Святой Петр» потерпел крушение у какого-то острова, а не у берегов Камчатки. Кос у кого опустились руки, но Стеллер, как всегда, сохраняет ироничность: «Мы решились сами работать из всех оставшихся сил... Мы начали обращаться с казаками вежливее и начали называть их по имени и отчеству, и вскоре заметили, что Петр Максимович стал гораздо услужливее прежнего Петрухи».

Всех страшила неопределенность: как добраться до материка? Или здесь, на острове, им суждено погибнуть?

И все же Стеллер продолжал научную работу. Удивительное дело, он по-прежнему полон энтузиазма: собирает гербарий, проводит специальные (этологические) наблюдения за жизнью лежбища котиков, описывает сивучей, неизвестных ранее птиц, морских бобров. «Я работал под открытым небом, — с юмором рассказывает Стеллер, — и не мог уйти от приливов и укрыться от огромной стаи песцов, которые все тащили из-под рук. Когда я рассматривал животное, песцы успевали украсть бумагу, книги, чернильницу, а пока я писал, они набрасывались на животное».

Академик Л.С. Берг, автор превосходной монографии по истории экспедиции Беринга, пишет: «Стеллер был первоклассным натуралистом, но совершенно аморальным человеком». В подтверждение своих слов Берг приводит один-два факта «бессмысленной жестокости» Стеллера по отношению к животным.

«Аморальный» — слово не совсем точное. Но вряд ли стоит упрекать Стеллера и в жестокости.

Натуралисты и врачи веками экспериментировали (и продолжают экспериментировать) на животных, в том числе и на живых. Без этого невозможно было бы развитие зоологии и медицины. Верно, в наше время методика экспериментов стала значительно более гуманной. Но два с половиной столетия назад о «жестокости» не очень-то задумывались.

Был ли Стеллер более «жесток», чем другие натуралисты — его современники? Пожалуй, да!

Стеллер с его ненасытным интересом к окружающему миру напоминает ребенка, который готов разломать любимую игрушку, лишь бы понять, что там внутри. Стеллер и на самом себе то и дело ставит не совсем обычные эксперименты. То он четыре недели не ест хлеб — ему интересно узнать, как скажется это на самочувствии. То в одиночку отправляется пешком из Большерецкого острога в Верхнекамчатский, питаясь по дороге чем бог пошлет: «рыбой, кореньями, травами и иными разными вещами». Согласитесь, не всякий сочтет подобные испытания необходимыми.

Наверное, нет оснований обвинять Стеллера в жестокости, а тем более в «аморальности». Стеллер любил животных. Он считал себя учеником Природы и благоговел перед ней, его всегда возмущали любые факты хищнического отношения к ней. «Только из жадности и из азарта, гоняясь за шкурами, убивали выдр, а мясо их бросали», — с негодованием пишет он об избиении морских бобров на острове Беринга. И разве не показательно, что во время работ на Баргузине его неизменно сопровождал любимец — совершенно ручной олень...

В апреле из обломков погибшего пакетбота стали строить новое суденышко, которое, как и старое, назвали «Святой Петр». Многих материалов не доставало. Смолу, например, пришлось гнать... из старых канатов. Но справились. К августу суденышко было готово.

Заготовили мясо морской коровы, запаслись водой и 13 августа вышли к берегам Камчатки.

Плавание, хотя и короткое, оказалось нелегким. Открылась угрожающая течь: конопатку вымыло водой, а помпы отказали. Все же, выбросив балласт — пушечные ядра и часть багажа, удалось обнаружить и заделать место течи. То под парусами, то на веслах к 26 августа добрались до Петропавловской гавани.

Чириков вернулся еще в прошлом году и уже отправил победные реляции. А их уже считали погибшими. Расторопный служивый успел даже распространить личные вещи Стеллера...

**Степан Петрович
Крашенинников.**
Родился 11 ноября 1711 года (?),
умер 8 марта 1755 года

Работы экспедиции заканчивались, но адъюнкты еще два года провел на Камчатке. Приходится только удивляться его энергии. В списке рукописей Стеллера реестры семян, трав, рыб, птиц, минералов, «Описание морских зверей», «Описание гнезд и яиц птичьих», «Описание пауков и других насекомых», «Описание лекарств, употребляемых от русских народов» и даже совсем уж диковинное «Описание выбрасывающихся из моря вещей».

Неизданные рукописи после смерти Стеллера — а жизнь его клонится к концу — были отчасти использованы С.П. Крашенинниковым в его знаменитом «Описании Земли Камчатки». Но большинство из них до сих пор не разобрано.

Нет нужды противопоставлять имена двух замечательных естествоиспытателей, как это нередко делают биографы. Крашенинников, впоследствии академик, а тогда еще студент, формально был подчинен Стеллеру. Но он прибыл на Камчатку тремя годами раньше и фактически проводил исследования самостоятельно. Студент Крашенинников, как и адъюнкты Стеллер, был полностью поглощен научной работой.

Можно думать, что взаимоотношения двух ученых не омрачались раздорами. Известно, например, что Стеллер хло-

«Карта генеральная всего Сибирского царства...»
Составил Ф. Татаринов, 1766 год

потал перед сенатом об увеличении жалованья студентам («о которых особливом прилежании представить можно») Степану Крашенинникову и Алексею Горланову. «Как оные из С.-Петербурга отправились, то были еще в молодых летах и малы, — пишет Стеллер, — а ныне уже находятся в совершенном возрасте и из определенного им жалования ста рублей провианту купить и лошадей нанять не могли б, ежели б оным я помощи не учинил из моих собственных денег взаим». В свою очередь Крашенинников в своем классическом труде многократно уважительно ссылается на Стеллера и прямо цитирует его рукописи.

Адъютант занимался на Камчатке не только научной работой. Именно он — еще в январе 1741 года — организовал в Большерецком остроге первую на Камчатке школу, чтобы «обучать казачьих и иноземческих детей русской грамоте». И не только организовал, но и содержал на собственные средства. Некоторое время спустя вторую школу открыли в Петропавловске Беринг и Чириков.

В Большерецке учителем стал приглашенный Стеллером ссыльный Иван Гуляев, который учил детей «как читать, так и писать, и арифметике наставлял...».

Ходатайствуя перед синодом об открытии школ, Стеллер просил прислать азбуки, буквари, псалтыри, молитвенники. Не было, конечно, ни учебников, ни бумаги. «Вместо бумаги, — писал Стеллер, — научил я их пергамент из кожи тюленьей делать, дабы всегда стираемые слова писали и так бы писать училися».

По обыкновению Стеллер неустанно «воюет» с местной администрацией: «Они ничего иного не думают, разве чтоб сорвать им в два года столько, сколько б им и их детям на несколько лет довольно было».

Адъютант конечно же и здесь нажил множество врагов. Доносы идут в Петербург один за другим.

И тут мы подходим к трагическому финалу нашего рассказа.

Еще в начале 1743 года Стеллер самовольно освободил из Большерецкой приказной избы «содержащихся под караулом по важным делам колодников». Это были 12 камчадалов, обвиненных в бунте против администрации.

Администрация отправила донос в Иркутск. Отсюда его ввиду особой важности дела переправили в Петербург.

Когда через полтора года Стеллер собрался уезжать с Камчатки, его дело все еще продолжало двигаться с нормальной «среднесибирской» скоростью. Но когда через два года Стеллер прибыл в Иркутск, здесь уже было получено распоряжение сената: «Ежели он по тому следствию явится виновен, держать в Иркутске в канцелярии под караулом».

Стеллер «дал от себя объяснение, что он велел отпустить помянутых камчадалов, потому что их в Большерецке некому было караулить и нечем кормить по недостатку тогда в рыбе».

«Притом же некоторые из тех камчадалов привезены были совсем напрасно», — утверждал Стеллер.

В Иркутске удовлетвоались этим объяснением, и 24 декабря 1745 года адъюнкту было дозволено продолжать путь.

Однако только через месяц, 30 января 1746 года, Иркутская канцелярия отправила в сенат донесение: «Винности Стеллеровой не признается». Это донесение дошло до Петербурга в середине августа — нормальная по тем временам «среднесибирская» скорость. Но до этого, в середине июля, в Петербург поступило известие, что Стеллер уже проехал Верхотурье.

— Как Верхотурье? — удивились в Петербурге. — Стеллер должен сидеть под караулом в Иркутске.

17 июля навстречу адъюнкту послан специальный курьер, чтобы заключить Стеллера под стражу и везти обратно в Иркутск «для производства о нем следствия».

Через месяц до столицы дошло наконец запоздавшее донесение о невиновности Стеллера. Вслед первому курьеру 20 августа выезжает второй:

«Стеллера из караула освободить».

Первый курьер застал альюнкта в Соликамске. Местные власти под стражей отправляют Стеллера в Иркутск.

18 августа (второй курьер еще не выехал из Петербурга) Стеллер пишет в Академию наук: «Определенный ко мне в дороге пристав не позволяет мне пространного рапорта послать; но я сей возвратный путь в Сибирь намерен в пользу употребить. И подлинно, еще много в Сибири забыл, что на сем пути паки исправить могу. Между тем от Императорской Академии наук прошу милостивого защищения. Сие есть одна подпора моего уже упавшего духа, что она также позаботиться о ея малом сочлене, дабы он не пропал понапрасну».

К тому времени, когда этот рапорт был получен Академией наук, Стеллера уже не было в живых...

Что же произошло?

Теперь, когда документы Второй Камчатской экспедиции уже освоены, об обстоятельствах смерти можно говорить достаточно уверенно.

Второй курьер успел нагнать Стеллера и его конвоира в Таре. Он привез указ — освободить Стеллера, разрешить ехать в Петербург.

Стеллер возвращается в Тобольск. так как у него обнаруживаются «признаки горячки»: то ли сильная простуда, то ли воспаление легких. Его уговаривают повременить с отъездом.

Без малого девять лет назад уехал он из Петербурга. Конечно, после только что пережитых потрясений, после стольких лет разлуки с любимой Бригиттой он не хочет задерживаться в Сибири.

Через два века в архиве будет найдено прошение Бригитты. Она вновь вышла замуж, стала госпожой Фрейзлейбен, но вознамерилась получить причитающиеся Стеллеру «провиантские деньги» за время зимовки на острове Беринга. И в подтверждение своих законных прав на 109 провиантских рублей и 17 копеек она приложила к своему прошению завешание альюнкта:

«Понеже я ныне весьма болен и не чаю живым быть, то прикажу по смерти моей все мои пожитки отдать жене и дочери моей. И сие есть моя последняя воля. Георг Вильгельм Стеллер».

Уже тяжело больной, за четыре дня до смерти, писал он это завешание. Он знал, что умирает. Он скончался 12 ноября 1746 года в Тюмени, на руках у врачей.

Через тридцать лет академик Паллас «видел место его погребения, очень еще известное тамошним старожилам».

При жизни у Стеллера было много врагов. Потом, после смерти, его достоинства и заслуги чуть было не заслонили необъективные суждения.

Со временем затерялась могила. Но труды его использовали и продолжают использовать тысячи ученых. Труды адъюнкта Российской Академии Георга Вильгельма Стеллера.

Неуживчивого, скромного, страстного...

ГЛАВА 5. ДЖЕНТЛЬМЕНОМ НУЖНО РОДИТЬСЯ, БОГОМ МОЖНО СТАТЬ

Имя человека, открывшего остров, навсегда остается в географической летописи. Что же тогда говорить о Куке, который открыл даже не десятки, а сотни островов!

Трижды корабли под его командованием обогнули земной шар, шесть раз переходили экватор. Кук впервые в истории пересек Южный полярный круг, Кук стал первым человеком, побывавшим и в Арктике, и в Антарктике, он воистину «избороздил» весь мир.

Наверное, просто невозможно составить полный список географических открытий капитана Кука. Он нанес на карты все восточное побережье Австралии и Новую Каледонию, Гавайские острова и Южную Георгию, Новую Зеландию, острова Общества, архипелаг Тонга, Маркизские острова, Новые Гебриды, архипелаг Туамоту, северо-западное побережье Северной Америки...

Джеймс Кук известен нам как величайший мореплаватель, но... Но как человек он нам почти неизвестен. Его английский биограф пишет: «Мы знаем о Куке все и в то же время ничего».

Двадцать три года, почти половину жизни, Кук день за днем методично вел подробнейший дневник. Он описывал погоду и корабельные работы, отмечал смены вахт. Дневник дает исчерпывающее представление о том, что делал Кук, но не о том, что он думал, каким он был.

Шестнадцать лет он состоял в браке с Элизабет Беттс. Но в дневниках ее имя не упоминается ни разу, а в известной био-

Джеймс Кук, 1776 год.
Родился 27 октября 1728 года,
погиб 14 февраля 1779 года

графам личной переписке лишь дважды, да и то вскользь. Имена шести детей ни в дневниках, ни в письмах не упомянуты ни разу. Известно только, что трое из них умерли в младенчестве, трое — в детстве.

Английский биограф Элистер Маклин пишет: «Уберечь от чужих глаз свою личную жизнь — для этого требуется немалое искусство. Однако Кук преуспел в этом».

О его родителях мы знаем только, что оба они были батраками-поденщиками на ферме в Йоркшире. Лет с шести батрачил и Джеймс.

В 1745 году (было ему неполных семнадцать) Кук пере-

брался в соседний городок, стал учеником бакалейщика. Лавка стояла на самом берегу моря, в шторм волны лизали ее порог.

Хотелось бы сказать, что море манило Кука. Но, возможно, дело обстояло проще: море сулило более обеспеченную жизнь.

Осенью 1746 года он поступил юнгой на кэт — судно, которое перевозило уголь. Кук побывал в Норвегии, Голландии, в портах Балтики, в частности в Санкт-Петербурге. В промежутках между рейсами юный Джеймс — это можно утверждать достоверно — целиком поглощен чтением и самообразованием. Он занимается штурманским делом, математикой и астрономией. Через девять лет судовладельцы предлагают ему должность шкипера на кэте. О чем еще может мечтать сын батрака? Но Кук по неизвестным нам причинам отказывает-

ся. В двадцать семь лет он добровольно поступает матросом на военный корабль. Почему? Здесь можно строить любые предположения.

Считалось, что матросская служба хуже каторги. Да так оно и было. Матросы жили в тесных кубриках, питались галетами и солониной, их секли за малейшую провинность, за неповиновение обрезали уши или... протаскивали под килем. На кораблях свирепствовали цинга, тиф, желудочные заболевания. Известно, что в боях за время Семилетней войны (1756—1763) погибло всего 1512 английских моряков. Болезни унесли еще пятьдесят тысяч жизней!

Воистину матросская служба была хуже каторги! Немногие шли служить на корабли Ее Величества по своей воле. Чаше вербовщики спаивали простаков в портовых тавернах и доставляли на борт «добровольцев» в мертвецки пьяном виде.

Кук стал матросом действительно добровольно...

И вновь постепенное продвижение по службе: подштурман, боцман, штурман. Кук говорил, что протащил себя («I dragged myself...») через все виды морской службы.

Во время Семилетней войны Кук участвует в осаде Квебека. Он уже штурман, ему поручено составить карту реки Святого Лаврентия. И под огнем французских пушек он ведет промеры, вновь и вновь расставляет вехи на фарватере.

После войны — гидрографическая съемка Ньюфаундленда и Лабрадора. Долгие пять лет. Любимая, но утомляюще од-

Дом моряка — море. 16 лет Джеймс Кук состоял в браке, но только три с небольшим года провел за это время в Англии. Элизабет Кук после смерти мужа прожила еще 56 лет

нообразная работа: сотни миль промерных галсов, тысячи, десятки тысяч пеленгов. И результат — новые и новые карты. Прекрасные карты, добавим. Лоциями Ньюфаундленда и Лабрадора, составленными в 1763—1767 годах, пользовались потом на протяжении столетия.

Способности и талант Кука давно замечены, его считают лучшим штурманом флота. Но..

Но Куку уже тридцать девять лет, а он все еще унтер-офицер. По мнению лордов Адмиралтейства, только джентльмен может быть офицером, а джентльменом нужно родиться, но нельзя стать.

Определение местоположения корабля в открытом океане в то время продолжало оставаться очень трудной задачей. Зачастую какой-нибудь остров открывали, наносили на карту и... снова «теряли» на многие десятки лет.

Англия вела тогда напряженную борьбу с Францией за новые колониальные владения. Ясно, что подобные «потери» никак не устраивали лордов Адмиралтейства. К их возмущению, кругосветная экспедиция, во главе которой был поставлен Джон Байрон, лед великого английского поэта, закончилась фактически безрезультатно. Байрон полностью потерял ориентировку в океане и, как пишет английский автор, «вернулся домой по чистой случайности, не открыв ни одного острова».

В 1768 году англичане приступили к организации новой экспедиции. Формально она должна была отправиться к одному из островов Тихого океана, чтобы наблюдать редкое астрономическое явление — прохождение Венеры между Землей и Солнцем. Но фактически целью экспедиции по-прежнему были поиск и захват новых земель.

Репутация Кука как навигатора и картографа была настолько велика, что вопреки всем традициям — это похоже на волшебную сказку! — сын батрака становится офицером, командиром корабля, начальником кругосветной экспедиции.

Для плавания Кук выбрал не фрегат и не крейсер, а неказистый кэт. Его назвали «Индевр» («Попытка»). На таких же

кораблях-угольщиках Кук уйдет и во второе, и в третье плавание. «Угольщики напоминали деревянный башмак и гроб одновременно», — пишет биограф Кука. Но зато они могли устоять в сильный шторм, были легки на ходу и благодаря малой осадке могли подойти чуть ли не вплотную к берегу.

Около трех лет продолжалось каждое плавание. Зачастую по несколько месяцев моряки не видели ничего, кроме бушующего моря. По многу раз за день взбирались они на реи, чтобы спустить или поднять паруса.

Сейчас на кораблях такого водоизмещения (около 400 тонн) плавают двадцать—тридцать человек. И нередко жалуются на тесноту, на отсутствие удобств. На борту каждого корабля Кука было около сотни человек. И еще пушки и боеприпасы к ним, товары для торговли с туземцами. И конечно запас продовольствия на три года.

Кук был сыном своего времени, не мог не быть. Он был строгим и даже жестоким командиром. Но одновременно он всесторонне заботился о здоровье экипажа: ввел в обязательный рацион свежее мясо, кислую капусту, хвойный отвар, при каждом заходе запасался свежими овощами и фруктами.

Хейнрих Циммерман, который был участником третьего плавания, оставил наиболее подробную характеристику Кука-капитана, Кука-человека:

«Кук был красивым, сильным, высоким, но немного сутуловатым человеком. Темный шатен. Лицо довольно суровое.

Он был чрезвычайно строг и так вспыльчив по характеру, что малейшее противоречие со стороны офицеров или матросов очень раздражало его и приводило в ярость. Он был безжалостен относительно выполнения корабельного устава и столь же безжалостно карал за нарушение его. Если что-нибудь бывало украдено у нас кем-нибудь из туземцев, то вахтенный жестоко наказывался за свою небрежность.

Вероятно, ни один капитан не обладал такой полнотой власти над подчиненными ему офицерами. Ни один из них ни-

когда не осмеливался противоречить ему. За столом в кают-компании он обычно сидел, не произнося ни слова. Он был действительно очень необщителен и сдержан. По мелочам простые матросы наказывались более строго, чем офицеры, но время от времени он бывал чрезвычайно приветлив по отношению к команде.

Он никогда не упоминал о религии и не хотел иметь священника на своем корабле, хотя Воскресение Христово праздновал. Он был справедливым и честным человеком во всех своих поступках и никогда не богохульствовал даже в ярости.

Он был шепетильно чистоплотен и настаивал, чтобы в этом ему следовали все люди на борту. По воскресеньям каждый член экипажа должен был одевать чистое платье.

Умеренность была одним из главных его достоинств. За все время плавания никто никогда не видел его пьяным. Любой из членов экипажа, кто, случалось, был слишком пьян, чтобы нести вахту, наказывался очень жестоко.

Кук ел очень мало, главным образом кислую капусту, солонину и немного гороха.

По субботам он был обычно более благодушен, чем в другие дни, и частенько выпивал лишний бокал пунша, провозглашая тост “за всех милых женщин”. Никогда, однако, не было ни малейшего повода подозревать его в связях с женщинами.

Все члены экипажа позволяли себе “сбиться с пути”, не могли зачастую “устоять” перед туземными женщинами. Он один оставался чист и непорочен.

Во всех других удовольствиях он был сторонником равенства. Пища и питье всегда, даже в особых обстоятельствах, распределялись поровну между офицерами и матросами.

Все считали, что он владеет каким-то тайным даром, чтобы предвидеть опасность и избежать ее... Часто бывали случаи, когда лишь он “предчувствовал” появление земли, и в этом предчувствии он всегда оказывался прав.

Он обладал инстинктивным умением общаться с туземцами, и было очевидно, что это общение доставляет ему удоволь-

ствии. Он был очень уважителен по отношению к островитянам. Однако в случае, когда они переставали оказывать ему почести или смеялись над ним, он приходил в ярость. Его гнев в такие минуты был ужасен, но он никогда не карал смертью. Он имел особое дарование объясняться с туземцами жестами и делал все, что мог, чтобы доставить им удовольствие, чтобы заслужить их дружбу подарками, интересными рассказами, и развлекал их демонстрацией европейских костюмов...

Он постоянно старался занять людей работой и, когда нечего было делать, приказывал спустить паруса и вновь поднять их или производил какие-нибудь маневры, чтобы экипаж был занят. Этой постоянной занятости в сочетании с умеренным образом жизни я приписываю тот факт, что здоровье команды было превосходным... Каждую неделю весь корабль тщательно мыли и окуривали сжиганием пороха... гамаки ежедневно выносились на палубу, где оставались до захода солнца...

Капитан Кук постоянно предостерегал нас от невоздержанного употребления мяса и всегда стремился обеспечить нас мукой для приготовления других блюд взамен мяса. Трижды в неделю часть нашего рациона составляла кислая капуста. Всякий раз, как мы подходили к земле, специальная партия сразу же отправлялась для сбора зелени, которую варили в супе. Если, однако, растительности не было, то забрасывали сети, чтобы мы могли иметь запас свежей рыбы и уменьшить количество мяса в нашем рационе. Всегда и везде первой его заботой было обеспечить нас свежей пищей...

На американском побережье и в Новой Зеландии мы делали нечто вроде пива. Обрезали побеги разных деревьев, вываривали их в воде, а затем добавляли на каждые 40 галлонов этой воды по кварте отвара солода и 5 или 6 фунтов сахара. Получался очень приятный и полезный для здоровья напиток, который мы употребляли вместо бренди... хотя многие обвиняли капитана Кука в корыстной экономии, поскольку он, используя это "пиво", сберегал запасы бренди...»

Надо заметить, что новый рацион, введенный Куком, нравился далеко не всем. Сказывалась многолетняя привычка английских моряков к галетам и солонине.

В самом начале первого плавания в дневнике Кука записано: «За отказ от получения своего пайка свежего мяса наказал двенадцатью ударами плетью матроса Генри Стивенса и солдата морской пехоты Томаса Денстера».

Позже Кук изменил тактику. Он, например, стал демонстративно поглощать огромные количества капусты и то и дело просил у кока хвойный отвар. Вскоре матросы уже начали поворовывать капусту из бочек, стоящих в трюме.

Благодаря новому рациону на кораблях Кука почти не было случаев цинги, хотя в других экспедициях того времени от нее нередко умирала четверть и даже половина команды. Характерно, что впоследствии Кук был избран членом Английского Королевского общества отнюдь не за свои замечательные плавания и открытия, а за введение на судах новых правил питания и гигиены.

Несмотря на строгость Кука, многие офицеры и матросы участвовали во всех трех его плаваниях. Кук обладал совершенно необходимым для капитана качеством — наказывая, он прощал. Он, например, охотно взял во второе плавание некоего морского пехотинца, который на «Индевре» был сурово наказан за попытку дезертировать. Показательно здесь и то, что морской пехотинец вновь хотел плавать под командой Кука.

Пожалуй, нельзя сказать, что моряки любили его. Сдержанность капитана граничила с неприступностью. Офицеры частенько были недовольны, что Кук не советуется с ними, не обсуждает планы. Он властвовал. Но уже после первого плавания его стали боготворить, ему поклонялись. «Он был нашей путеводной звездой», — писал один из офицеров.

Капитан сумел заразить команду своей решимостью, своей жадной открытию новых земель. «Тот, кто буква в букву придерживается приказов свыше, тот никогда не станет истин-

ным первооткрывателем», — писал Кук. Он был первооткрывателем по самому складу своего характера. Раз за разом он нарушал букву приказов Адмиралтейства, он умел и любил рисковать. «Судьба моряков, — читаем мы в его дневнике, — таит превратности, которые всегда ожидают их при плавании в неведомых водах. Если бы не то удовлетворение, которое испытывает первооткрыватель даже в том случае, если ждут его только пески и мели, эта служба была бы невыносима, особенно в столь удаленных местах, как эта страна, и при скудности съестных припасов. Мир едва ли простит путешественнику, если он, открыв землю, не исследует ее; его не оправдают перенесенные невзгоды и его обвинят в трусости и отсутствии настойчивости — все в один голос объявят его личностью, не пригодной для плаваний, совершаемых ради открытий. С другой стороны, если мореплаватель смело встретит все опасности, но результаты путешествия будут неудачны, его сочтут дерзким и неблагоразумным... Может показаться, что с моей стороны было неосторожностью пробыть среди этих островов и мелей так много времени... Если бы мы не посетили этих мест, мы не смогли бы дать сколько-нибудь толковый ответ... является ли эта земля материком или группой островов, что живет и растет на ней, соединяется ли она с другими землями».

Кук открыл миру Океанию — мириады островов, коралловых рифов в юго-западной части Тихого океана. Каждый из них был как бы отдельным своеобразным мирком со своей необычной фауной и флорой.

Большинство тихоокеанских островов было уже заселено до европейцев. Как считают ученые, неизвестные нам мореходы Юго-Восточной Азии задолго до начала нашей эры достигли островов Тонга, в начале нашей эры — Таити и Маркизских островов, затем Гавайских и острова Пасхи, а в XI—XII веках — Новой Зеландии. В те времена, когда европейские корабли еще боязливо жались к берегам, полинезийские и микронезийские мореходы смело уходили в открытый океан.

Они одинаково хорошо представляли себе и карту звездного неба, и карту морских течений. Они ориентировались по созвездиям и по цвету морской воды, по бликам на небе — отражениям далеких коралловых лагун и по едва уловимому запаху суши, который доносили ночные бризы.

Канака — «люди» — называли они себя.

В старой полинезийской песне поется:

Рукоять моего рулевого весла рвется к действию, —
Оно ведет меня к туманному, неясному горизонту,
К горизонту, который расстилается перед нами,
К горизонту, который вечно убегает,
К горизонту, который вечно надвигается,
К горизонту, который внушает сомнения,
К горизонту, который вселяет ужас...
Это горизонт с неведомой силой,
Горизонт, за который еще никто не проникал.

Многими своими открытиями Кук обязан юному таитяно-скому жрецу по имени Тупиа. Он составил для Кука карту Океании, на которую нанес семьдесят четыре острова, рассеянных в радиусе до двух тысяч миль от Таити. Он приблизительно указал даже азимуты этих островов!

Кук, как вы знаете, не получил никакого систематического образования. Но он был превосходным, вдумчивым наблюдателем, и его дневниковые записи о быте туземцев сохраняют научную ценность и до сих пор.

Советский этнограф С.А. Токарев пишет: «Этнографические заметки капитана Кука отличаются — на это уже не раз указывалось — прежде всего большой точностью и достоверностью. Кук умел подчас видеть яснее и понимать вернее, чем иной профессионал-ученый, то, что представлялось его глазам. Он видел не только внешние факты — тип, одежду, украшения, поведение туземцев, он умел распознать и социальные отношения; он разбирался даже в языках туземного населе-

ния, очень быстро овладевал ими настолько, чтобы объясняться с местными жителями без переводчика. Но главное даже не в этом. Главное, пожалуй, заключается в большой научной, именно научной, хотя Кук не принадлежал к ученому сословию, добросовестности его наблюдений и записей; он всегда резко разграничивал то, что он сам видел и понимал и то, что можно было предполагать, — разграничение, которое мы не всегда найдем у профессионалов-этнографов более позднего и даже нашего времени».

В большинстве случаев туземцы встречали англичан гостеприимно. Недаром один из архипелагов был назван островами Дружбы.

Кук по-своему любил туземцев. «Самый красивый народ не только в Тихом океане, но и во всем мире», — пишет он о жителях Маркизских островов. А население острова Элуа он называет «прекрасным народом на прекрасном острове».

Впрочем, все это не мешало английскому мореплавателю то и дело брать заложников по самому незначительному поводу, например из-за «украденной» безделушки.

И конечно, Кук не останавливался перед применением силы, если встреча была недружелюбной. Что могли поделаться аборигены со своими копьями, палицами против ружей и пушек? Несмотря на сопротивление, Кук высаживался на остров и водружал английский флаг.

Биограф Кука восторгается: «Один человек в течение всего лишь двух месяцев добавил к колониям Англии Новую Зеландию и вслед за ней Австралию». Кук понимал, какие ужасные беды несет туземцам европейская «цивилизация». «К вящему стыду цивилизованных христиан, — писал он, — мы развратили местных жителей... и после знакомства с нами у них появились потребности, которых никогда прежде туземцы не знали, и они только нарушили счастливое спокойствие, в котором жили их отцы и которым наслаждались они сами».

«Колонизация» не менее жестокое слово, чем «конкиста». Через полсотни лет после Кука население Таити сократилось

в десять раз. Через сотню лет маори — жители Новой Зеландии — и аборигены Тасмании уничтожены почти полностью.

Первое кругосветное плавание Джеймса Кука продолжалось два года десять месяцев и семнадцать дней. 13 июля 1771 года «Индевр» вернулся в Англию, а месяц спустя Кука принял король. Лейтенант Кук стал капитаном 3-го ранга. Кажется, уж тогда речь шла о новой экспедиции. Это второе плавание (1772—1775) по праву считают важнейшим событием в развитии географических представлений XVIII века.

Издавна люди были уверены в существовании огромного материка в Южном полушарии. По Птолемею, Терра Аустралис Инкогнита — Неведомая Южная Земля — была продолжением Африки и замыкала с юга Индийский океан в приэкваториальных широтах (приблизительно по 15° ю.ш.). На карте Ортелия (1570) «Южная земля, еще не известная» отступает в более высокие широты. Полуостровами этого материка считали и Огненную Землю, открытую Магелланом, и Новую Гвинсью.

В 1606 году испанский мореплаватель Педро Фернандес Кирос пересек Тихий океан и открыл — теперь мы это знаем — остров Эспириту-Санто в архипелаге Новые Гебриды. Островок этот раз в двадцать меньше Сицилии, но Кирос уверовал, что он достиг цели. Он дал стране звучное название «Южная Земля Святого Духа» (Tierra Australia del Espirito Santo) и заложил здесь Новый Иерусалим — столицу «огромного» материка.

«Эта сокрытая прежде Земля, — писал Кирос испанскому королю, — занимает четверть света и в этом качестве вдвое больше всех королевств и провинций, коими владеет ваше величество... При этом нет на ее рубежах ни турок, ни мавров, ни иных прочих народов, которые чинят беспорядки и смуты. Все открытые земли лежат в жарком поясе и кое-где доходят до экватора, а от экватора тянутся к югу, где до полюса, а где чуть поближе».

В середине XVIII века пышным цветом расцвела так называемая умозрительная география. Существование Южного материка теперь уже было научно обосновано.

Напрасно французский мореплаватель Бугенвиль с издевкой писал об «ученых», «которые в тиши своих кабинетов до помрачения рассудка философствуют о Земле и ее обитателях и упорно подчиняют природу прихотям своего воображения». Напрасно.

По мнению кабинетных географов, Южный материк должен был существовать, чтобы «уравновесить» массивы суши Северного полушария.

— Иначе, — глубокомысленно говорили географы, — Земля постоянно была бы повёрнута к Солнцу более тяжелой северной половиной.

Кроме того, существовало твердое убеждение, что морская вода вообще не может замерзать (в действительности она замерзает при температуре ниже нуля градусов). Считалось, что весь лед Северного Ледовитого океана образуется на реках Сибири и Северной Америки. А если так, то оставалось предполагать, что льды и огромные айсберги, которые встречались мореплавателям в южных широтах, выносят в океан многоводные реки неведомого материка.

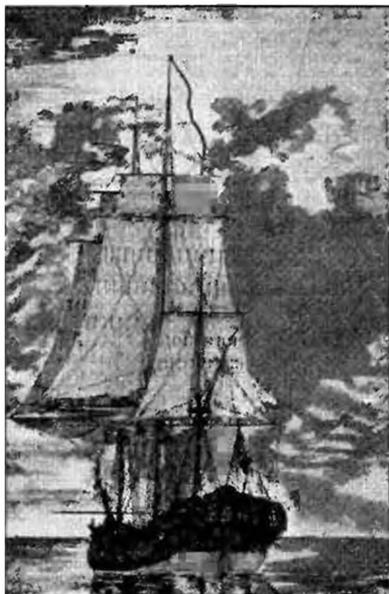
Английский географ Александр Дальримпль вычислил его протяженность — ни много ни мало 8516 километров! И даже сумел подсчитать население Южного материка — 50 миллионов человек!

Вся беда была в том, что к югу от 50-й параллели корабли заходили очень редко. Теперь Куку предписывалось «обойти земной шар в высоких широтах...»

13 июля 1772 года — ровно через год после возвращения «Индевра» — кэты «Резолюшн» и «Адвенчер» вышли из Плимута.

Кук стал первым, кто пересек Южный полярный круг. Это произошло 17 января 1773 года. Корабли были совсем не подготовлены к полярному плаванию, и температура в кубриках была приблизительно такая же, как и на палубе.

«Снасти все обмерзли и украсились сосульками, — писал Кук. — Наши ванты подобны были проволоке, паруса — слов-

Название «Резолюши» обычно переводят как «Решение», но правильное переводить «Решимость»

но доски или металлические листы, а шкивы примерзли к блокам так, что требовались большие усилия, чтобы приспустить или поднять марселя. Холод был нестерпимым, все море покрыто льдом».

Раз за разом Кук повторял попытки пробиться как можно дальше к югу. Он выполнил инструкцию Адмиралтейства: обошел вокруг света в высоких широтах.

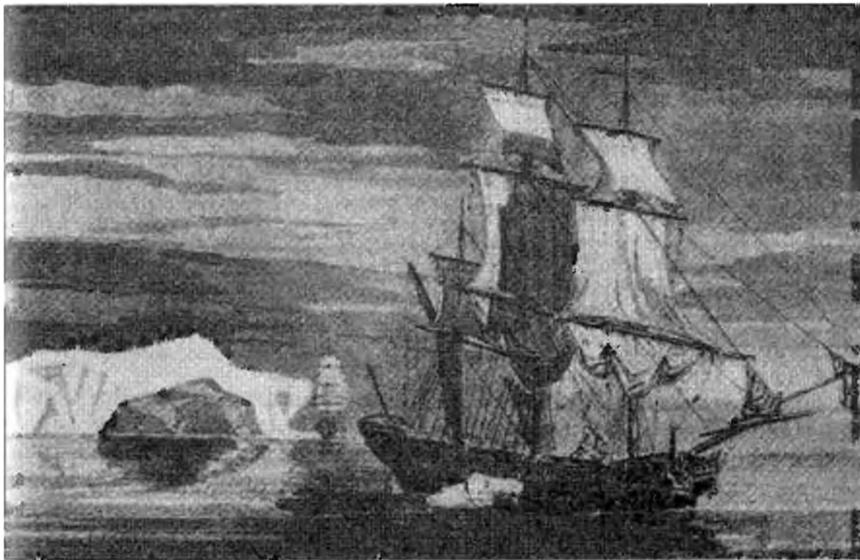
«Стремление достичь цели завело меня не только дальше всех прочих людей — моих предшественников, но и дальше предела, до которого, как я полагаю, вообще может идти человек, — писал Кук. — Внешний, или северный, край этого огромного ледяного поля состоял из битого льда или ледяных осколков, столь тесно сплоченных, что ничто не могло проникнуть туда. Примерно на милю дальше начинался твердый лед — одно сплошное компактное тело... В этом поле мы насчитали 97 ледяных холмов, или гор, и очень многие из них были чрезвычайно большие... Мы уже не могли ни на один дюйм продвинуться к югу, и поэтому не требуется никаких иных доводов, чтобы объяснить необходимость возвращения к северу; в это время мы были в широте $71^{\circ}10'$ с.ш. и в долготе $106^{\circ}54'$ з.д.»

К этому времени корабли уже разлучились. Тобайас Фюрно, капитан «Адвенчера», счел свою задачу выполненной и ушел в Англию. Все моряки «Резолюши» тоже были уверены, что плавание заканчивается. Все словно забыли об одержи-

но доски или металлические листы, а шкивы примерзли к блокам так, что требовались большие усилия, чтобы приспустить или поднять марселя. Холод был нестерпимым, все море покрыто льдом».

мости Кука: ведь не иссякли еще запасы продовольствия, команда здорова, а следовательно, плавание должно продолжаться!

Мидшипмен Джон Эллиотт (звание «мидшипмен» можно условно приравнять к званию «гардсмарин» в русском флоте) писал тогда: «Мы все в это время страшно измучились, ибо идя на О (*Ost. — Авт.*), вбили себе в голову, что следуем прямо к мысу Горн по дороге к дому. Наши запасы чая, сахара и всего прочего быстро расходовались, в связи с этим много намеков делалось капитану Куку. Но он лишь улыбался и ничего не говорил, так что даже первый его помощник не знал, когда мы покинем какое-либо место и когда придем в следующее. В этом, да и во всех прочих отношениях, он был самым подходящим человеком для такого плавания. И вот все наши надежды лопнули в одно мгновение, ибо... вместо того чтобы идти на О, капитан Кук приказал вести корабль на S. Мы были крайне изумлены, и был момент, когда на корабле едва не начался ропот».

**«Резолюши» и «Адвенчер» во льдах Южного океана.
Кук впервые пересек Южный полярный круг в 1773 году**

Приблизительно в это же время Кук записывал в дневнике: «Следует отдать должное моим спутникам — при любых обстоятельствах они проявляли готовность всеми возможными средствами содействовать мне в успехе задуманных предприятий. В этой связи вряд ли необходимо упоминать о том, что матросы всегда были расторопны и послушны и в данном случае отнюдь не желали, чтобы путешествие наше закончилось. Их радовала перспектива того, что плавание увеличится на год».

«Так кто же был прав: Эллиотт или Кук? — задает вопросы биограф. — Чего хотела команда — сразу же отправиться в Англию или еще один, а то и два года провести в южных морях и все это время испытывать лишения и тоску по родине?»

Можно сказать одно — мидшипмен Джон Эллиотт и капитан Джеймс Кук смотрели на мир разными глазами. Чай, сахар? Все страшно измучились? Ропот? Какая ерунда! Надо сделать все, что нужно, надо сделать все, что можно. А потом — сделать невозможное!

После плавания Кука сомнений не осталось: «уравновешивающий материк» не существует. «Я обошел теперь Южный океан в высоких широтах, — писал Кук, — и пересек его таким образом, что не осталось пространства, где мог бы находиться материк, — кроме как вблизи полюса, в местах недоступных для мореплавания».

Надо подчеркнуть, что Кук опровергал и отверг только существование огромного «уравновешивающего» материка. «Я не стану отрицать, — писал он, — что близ полюса может находиться континент или земля значительных размеров — напротив, я держусь мнения, что такая земля там есть».

Но географы были настолько потрясены крахом своих теоретических умозаключений, что навсегда постарались «забыть» о южном материке. По иронии судьбы, когда Антарктида была уже открыта, они продолжали «не верить» в ее существование. Забавное впечатление производят карты, составленные в начале XX века, на которых нанесены по пери-

метру сотни и тысячи километров побережья южного материка, а в центре ничтоже сумняшеся подписано — «Южный океан»!

Наверное, если бы Кук совершил только одно — первое — плавание, мы называли бы его великим мореплавателем. Он открыл миру Океанию! Теперь, после окончания второго, он стал величайшим. Он совершил переворот в географической науке. Авторитет Кука непререкаем. Когда через год Кук отправился в свое третье, последнее, плавание, Франция и США приняли совершенно беспрецедентное решение. Несмотря на войну с англичанами, несмотря на то, что их корабли на всех океанах безжалостно топят все суда англичан — и военные, и торговые, несмотря на все это, они объявляют неприкосновенными корабли английского мореплавателя Джеймса Кука.

Сын батрака — в зените славы!

Глядя на портрет Кука, написанный в это время, трудно избавиться от впечатления, что весь его облик источает какую-то всесокрушающую силу. Высокий лоб, прямой нос, резкие черты лица. Особенно выразительны глаза, взгляд которых, даже с портрета, нелегко выдержать.

Кук был равнодушен к славе, само достижение цели было для него лучшей наградой. Всего через 12 дней после возвращения в Англию он с тоской пишет старому другу: «...несколько месяцев назад мне казалось тесным все Южное полушарие, теперь же я ограничен стенами...»

Он был принят королем, получил звание капитана 1-го ранга, получил почетную и спокойную должность Главного смотрителя Гринвичского морского госпиталя... Но не прошло и года, как он вновь поднялся на капитанский мостик «Резолюшн».

На этот раз главной целью экспедиции были поиски Северо-Западного прохода — морского пути из Тихого океана в Атлантический, вокруг северных берегов Северной Америки.

12 июля 1776 года «Резолюшн» под командой Кука вышел в плавание. 10 ноября в Кейптауне к нему присоединился «Дискавери» под командой Чарльза Кларка.

В Тихом океане Кук вначале направился к любимым островам Дружбы, к архипелагу Тонга. Здесь корабли надолго задержались, бесцельно и неторопливо двигаясь от острова к острову.

Создается впечатление, что капитан просто-напросто устал. Много лет (если отбросить детство, ровно столько, сколько он прожил) Кук не знал отдыха, настойчиво идя вверх по лестнице жизни. В 1762 году он женился. Но из прошедших пятнадцати лет он только года три был дома, в промежутках между экспедициями. Все это плюс безумное напряжение двух подряд кругосветных плаваний — шесть лет! — не могло не сказаться. Он конечно же устал. Он стал еще более холоден, более неприступен в отношениях с подчиненными, более жесток в отношениях с туземцами. Иногда им овладевали безудержные приступы ярости, когда он уже не мог контролировать свои поступки. Мидшипмен Дж. Тревенен в своих записках называет такие припадки туземным словом «хейва» и поясняет: «хейва — это такая пляска у островитян южных морей, которая очень напоминает конвульсии».

Может быть, эта несдержанность и послужила первопричиной того, что произошло впоследствии?

Покинув архипелаг Тонга, корабли зашли на Таити, а затем взяли курс на север. По пути Кук открыл Гавайские острова, но не стал задерживаться для их обследования. Он стремился к берегам Аляски, к берегам Ледовитого океана.

Аляска и Алеутские острова были уже к тому времени открыты русскими моряками и заселены русскими промышленниками. Был нанесен на карты пролив, отделяющий Азию от Америки. Правда, у картографов мира еще оставались некоторые сомнения в точности данных Беринга, но Кук окончательно отверг их: «Отдавая должное памяти Беринга, я должен сказать, что он очень хорошо обозначил этот берег, а ши-

роты и долготы мысов определил с такой точностью, которую трудно было ожидать».

Сам Кук назвал одну из бухт в заливе Аляска бухтой Беринга — Берингсбей. А позднее один из участников его экспедиции, натуралист Г. Форстер, ввел в обиход такие привычные для нас названия — Берингов пролив, Берингово море...

Льды Чукотского моря оказались непреодолимыми. Вначале Кук прошел на восток, вдоль берега Аляски. У мыса Ледяного он был остановлен. Потом повернул на запад и дошел до мыса Северного (ныне мыс Шмидта). Надвигалась зима. Кук не смирился с поражением, он предполагал и следующим летом повторить попытку отыскания Северо-Западного прохода. «Я не остановлюсь в своем стремлении к великой цели этого путешествия», — писал он. А пока, в ожидании лета, корабли возвратились к Гавайским островам, чтобы закончить их обследование, произвести необходимый ремонт, запастись свежей провизией.

Пожалуй, нигде Кука не встречали так, как на Гавайях. По местным преданиям, бог Лоно — бог счастья, бог мира — давным-давно покинул острова и уплыл за море. Уплыл, но должен вернуться.

Кука и принимали как возвратившееся божество. Навстречу кораблям вышли полторы тысячи каноэ. Сотни пловцов скользили в воде, как стаи рыб. Тысячи островитян ожидали Кука на берегу, чтобы пасть ниц перед божеством...

Трудно быть богом... Повод был в общем-то ничтожный, даже и упоминать не стоит, но Кук вышел из себя.

«Капитан выразил сожаление в связи с тем, что поведение индейцев вынудит его применить силу, — пишет один из старших офицеров. — Он сказал, что в этом случае они не должны надеяться на то, что смогут над нами одержать верх...»

Однажды в разговоре Кук заметил: «Не могу понять, зачем Магеллану понадобилось вступать в никому не нужную стычку с туземцами».

Теперь сам Кук возглавил карательную экспедицию и приказал взять заложником короля Гавайских островов... Тысяч-

ная толпа возбужденных туземцев окружила капитана и десяток сопровождавших его солдат. Раздался залп. Сам Кук выстрелил и ранил туземца. Бог мира?! Кук повернулся спиной к толпе, чтобы подойти к шлюпке...

Из рапорта лейтенанта Кинга: «Он был уже у самой воды, когда один вождь ударил его в шею и плечо острой железной палкой: капитан упал лицом в воду. Индейцы кинулись к нему, с громким криком, сотни их окружили тело, добывая упавшего кинжалами и дубинками...»

Это произошло 14 февраля 1779 года в бухте Кеалакекуа Гавайских островов... Только 22 февраля останки Кука — скальп, голова без нижней челюсти, бедренная кость, кости предплечья, кисти рук — были погребены в море...

Англичане жаждали мщения. Но капитан Чарлз Кларк, возглавивший экспедицию после гибели Кука, проявил мудрость. Он запретил кровопролитие, понимая, что убийство не было преднамеренным.

«Имеются веские основания, позволяющие предположить, — писал Кларк, — что туземцы не зашли бы так далеко, если бы... капитан Кук не выстрелил по ним...»

После гибели Кука экспедицию возглавил 27-летний капитан «Дискавери» Чарлз Кларк

Последние дни своей жизни он был божеством для туземцев. Многие годы — божеством для моряков, которые участвовали в его экспедициях.

Теперь кораблям суждено было возвращаться в Англию без своего капитана.

Чарлз Кларк также не смог довести экспедицию до конца. Он умер от туберкулеза во время повторного плавания на поиски Северо-За-

падного прохода и похоронен на Камчатке, в Петропавловске. Ему было всего 27 лет, но моряком он стал в двенадцать, и последняя экспедиция была для него четвертым (!) кругосветным плаванием. Три из них он сделал под командой Джеймса Кука.

Из числа участников последней экспедиции только двенадцать стали капитанами, один — адмиралом. Имена многих из них широко известны. Капитан Джеймс Кинг после смерти Кларка привел в Англию «Резолюшн», капитан Джеймс Барни — «Дискавери». Капитан Джордж Ванкувер прославился впоследствии исследованиями берегов Северо-Западной Америки. Капитан Джозеф Биллингс, поступив на службу в России, возглавлял экспедицию в Северный Ледовитый океан, картировал Чукотку..

Рассказывают, что даже через полсотни лет стоило кому-нибудь бывшему юнге сказать: «Я плывал с капитаном Куком», — как перед ним снимали шляпы. Великий английский мореплаватель заслужил свою славу, как заслужили ее и те, кто стоял рядом с ним на палубах кораблей. Они прошли суровую школу — нам трудно вообразить ее суровость.

Безусловно, Кук был выдающимся мореплавателем, навигатором и картографом. Но не только это определило успех его экспедиций. И не только это позволило ему воспитать плеяду блестящих капитанов.

Во втором, главном, плавании его корабли назывались «Резолюшн» и «Адвенчер». В русских изданиях дневников Кука эти названия обычно переводят как «Решение» и «Предприятие» — не совсем точный перевод. Слово «resolution» имеет и второе значение — «решимость». И слово «adventure» означает не просто «предприятие», а обязательно «рискованное предприятие», «риск».

«Решимость» и «Риск» — вот что было написано на бортах кораблей Кука. Вот что было девизом его жизни.

Один из участников его последней экспедиции писал: «Природа одарила его живым и обширным умом, способнос-

ти которого он трудолюбиво и упорно развивал в зрелые годы. Его познания были необъятны и разнообразны, и в своей профессии он не знал себе равных. Обладая способностью трезво судить, большим мужеством и упорством, будучи особенно склонным к действию, он преследовал стоявшую перед ним цель с непреклонностью и всегда оставался в высшей степени деятельным и собранным, спокойным и невозмутимым среди опасностей; терпеливым и твердым в трудностях и неудачах; щедрым, когда того требовали обстоятельства; великим и оригинальным во всех своих начинаниях; энергичным и упорным при проведении их в жизнь. В любой самой трудной ситуации он был выше всех, не имея соперников и конкурентов, к нему были обращены все взоры, он был нашей путеводной звездой».

Капитан Джеймс Кинг отметил: «Знание, опыт, проницательность помогли ему так всесторонне овладеть своей профессией, что величайшие препятствия преодолевались и самые трудные плавания становились легкими и почти безопасными под его руководством...»

На мемориале, который сооружен в Англии в память о капитане Джеймсе Куке, выбиты слова:

«Он обладал в выдающейся степени всеми качествами, требуемыми для великих начинаний».

ГЛАВА 6. В ПОИСКАХ ЮЖНОГО КОНТИНЕНТА

Море всегда было разным — свинцово-серым или бирюзовым, голубым, пепельно-седым, ультрамариновым. Покойно-ласковое или вздыбленное громадами волн... Море всегда было рядом — за окошком отчего дома, за окном кабинета, за стеклом иллюминатора. Море обвевало прохладой, дышало ледяным холодом, бросало брызги в лицо. Море!

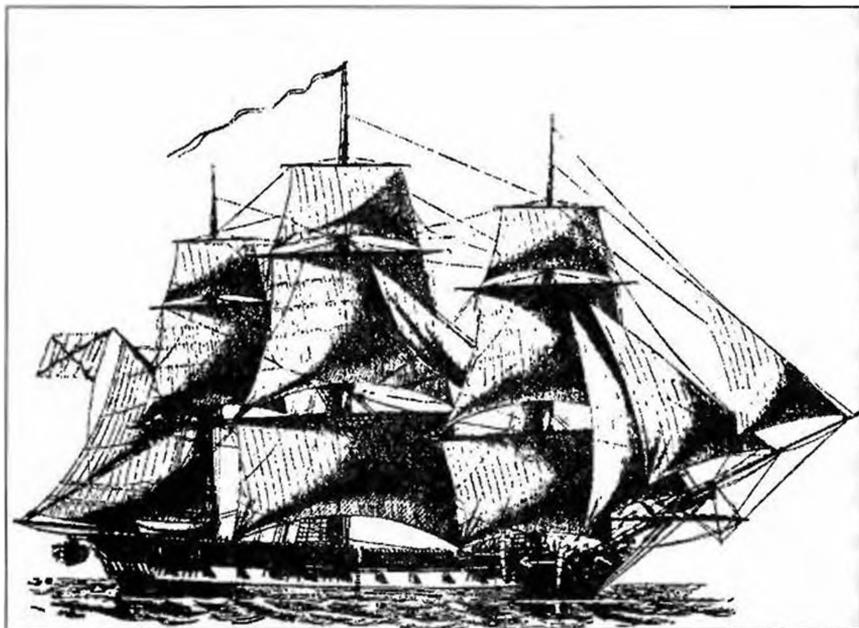
Он родился среди моря — на острове Сааремаа. Он совершил выдающееся кругосветное плавание, а если считать мили — обошел вокруг света десятков раз, не меньше. До конца своих дней он, полный адмирал, командуя Балтийским флотом, ежегодно уходил в море.

«Я родился среди моря. Как рыба не может жить без воды, так и я не могу жить без моря», — любил говорить Беллинсгаузен.

Начальником русской кругосветной экспедиции в высокие широты Южного океана он был назначен в самый последний момент. Вначале была утверждена кандидатура капитан-командора М.И. Ратманова,

Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен
(20.09.1778—25.01.1852)

Шлюп «Восток». Рисунок художника М. Семенова, выполненный на основании исторических и архивных материалов

но тот, сославшись на нездоровье, отказался. И только тогда в Петербург был вызван Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен, который служил в то время на Черном море.

23 мая он прибыл в столицу, а уже через шесть недель, 3(15) июля 1819 года, шлюпы «Восток» и «Мирный» вышли из Кронштадта.

В инструкции морского министра была четко сформулирована главная цель экспедиции — «открытия в возможной близости Антарктического полюса». Начальнику экспедиции предписывалось: «Ежели под первыми меридианами, под которыми он пустится к югу, усилия его останутся бесплодными, то он должен возобновить свои покушения под другими... повторяя сии покушения ежечасно как для открытия земель, так и для приближения к Южному полюсу».

Здесь необходимо сделать небольшое отступление. Действительно, Беллинсгаузен был назначен начальником экспе-

диции «почти случайно». Он не участвовал в разработке плана экспедиции, а к подготовке плавания подключился только в самый последний момент. Да и по поводу самого замысла экспедиции Фаддей Фаддеевич в беседе с государем императором откровенно высказал свои сомнения: «В настоящее время все моря исследованы, и невозможно уже сделать особенно важных открытий». На что Александр, усмехнувшись, ответил одним только словом: «Посмотрим».

Вспомните, Колумб, Магеллан, Беринг многие годы вынашивали планы своих экспедиций. Преодолевая препятствия, добивались их осуществления.

На первый взгляд сравнение с великими мореплавателями прошлого оказывается не в пользу Беллинсгаузена. Ведь он только исполнитель. И послужной его список тоже выглядит достаточно заурядно — обычная биография русского морского офицера.

В десятилетнем возрасте поступил в Морской кадетский корпус, в неполных девятнадцать, в 1797 году, становится мичманом, в 1804 — лейтенантом, в 1806 году — капитан-лейтенантом, в 1816 — капитаном 2-го ранга. Командовал фрегатами «Тихвинская Богородица», «Минерва», «Флора», служил на Балтийском, Черном морях.

И все же назначение Беллинсгаузена начальником экспедиции нельзя назвать случайным. Безупречное хладнокровие в любых, самых опасных ситуациях, умение рисковать, тщательно выверив обоснованность риска, — вот отличительные черты его характера.

В 1803 году Беллинсгаузен был включен в состав первой русской кругосветной экспедиции и здесь зарекомендовал себя как прекрасный гидрограф. Начальник экспедиции И.Ф. Крузенштерн писал в отчете: «Все почти карты рисованы сим... искусным офицером, он же составил и генеральную карту». Позднее Фаддей Фаддеевич провел обширные гидрографические работы на Черном море. И с полным основанием Крузенштерн горячо рекомендовал его на должность начальника

высокоширотной кругосветной экспедиции: «Наш флот, конечно, богат предприимчивыми и искусными офицерами, однако из всех тех, коих я знаю, не может никто, кроме Головина, сравняться с Беллинсгаузеном».

Полвека спустя знаменитый немецкий географ Август Петерман будет восторгаться: «Имя Беллинсгаузена можно прямо поставить наряду с именами Колумба, Магеллана... с именами тех людей, которые не отступали перед трудностями и воображаемыми невозможностями, созданными их предшественниками, с именами людей, которые шли своим, самостоятельным путем и потому были разрушителями преград к открытиям, которыми обозначаются эпохи».

Трудности и воображаемые невозможности... Лучше сказать так — воображаемые невозможности и невообразимые трудности!

Великий английский мореплаватель Джеймс Кук писал: «Риск, связанный с исследованием побережья в этих неизвестных и покрытых льдами морях, настолько велик, что я могу взять на себя достаточную смелость, чтобы сказать, что ни один человек никогда не решится сделать больше, чем я, и что земли, которые могут находиться на юге, никогда не будут исследованы».

Нам трудно представить себе все тяготы плавания под парусами среди льдов. Порой десятки огромных плавучих ледяных островов окружали шлюпы, безветривали паруса, увеличивая опасность столкновения. Порой снег и туман уменьшали видимость до полукабельтова.

«Настала мрачность и пошел снег, а вскоре за сим последовала буря. Порывы ветра набегали ужасные, волны подымались в горы... воздух наполнился водяными частицами, срываемыми ветром с вершин валов, и брызги сии, смешиваясь с несущимся снегом, производили чрезвычайную мрачность, и мы далее двадцати пяти саженей ничего не видели. Таково было положение при наступлении ночи!.. Мы беспрестанно ожидали кораблекрушения... Снег мел-

кий и крупный несло горизонтально; паруса и стоячий такелаж покрыты льдом толщиной до двух дюймов. Ежеминутно при сильном движении шлюпа падали сверху куски льда; лед сей нарастал от несущихся по воздуху ледяных капель и снега, которые, приставая к твердому телу... превращались в лед».

В записях участников экспедиции — десятки случаев, когда шлюпы были буквально на волосок от гибели.

Командир шлюпа «Мирный» капитан-лейтенант М.П. Лазарев свидетельствовал: «Льдину увидели уже так близко, что избегать ее было невозможно... К щастию, ударились прямо штевнем, если бы сие случилось немного правее или левее, то непременно были проломило, и тогда, конечно, никто бы из нас не рассказал, где были. Удар сей случился в 2 часа утра и столь был силен, что многих из людей выкинуло из коек».

Матрос шлюпа «Восток» Егор Киселев: «Случилось в самый праздник Рождества Христова, и ударились правым скулом обо льдину в 12 часов дни, было богослужение, и так ударились, что никто на ногах устоять (не мог), но, по щастию нашему, ударились об якорный шток».

«Щастие», — говорят оба: и командир шлюпа, и матрос. Но не всегда же только «щастие»! Так было и так есть — жизнь корабля зависит от выучки и мужества экипажа.

Начальник экспедиции Ф.Ф. Беллинсгаузен: «Неведение о льдах, буря, море, изрытое глубокими ямами, величайшие поднимающиеся волны, густая мрачность и таковой же снег, которые скрывали все от глаз наших, и в сие время наступила ночь; бояться было стыдно, а самый твердый человек внутренне повторял: «Боже, спаси!»

Отсутствие страха всегда свидетельствует только об одном — о непонимании опасности. Мужество не в том, чтобы не бояться, мужество в том, чтобы преодолевая страх, вновь и вновь идти навстречу опасностям. Шесть раз корабли русской экспедиции пересекали Южный полярный круг, в общей сложности сто дней лавировали среди льдов.

«Кук задал нам такую задачу, — писал М.П. Лазарев, — что мы принуждены были подвергаться величайшим опасностям, чтоб, как говорится, не ударить лицом в грязь».

Кругосветное плавание Джеймса Кука в Южном океане продолжалось 1003 дня, из них только 75 дней Кук провел южнее 60-й параллели. Кругосветное плавание русской экспедиции продолжалось 535 дней, и за 60-й параллелью корабли находились почти четверть этого времени — 122 дня.

Беллинсгаузен вынужден был рисковать. В тумане, в ночи специально выделенные матросы стояли по бортам и чутко прислушивались к рокоту волн, разбивающихся о невидимые ледяные острова. А вахтенный офицер прямо с бака командовал — вправо, влево, чтобы избежать столкновений со льдинами.

Даже Лазарев, храбрейший из храбрых, «идеал морского офицера», как пишет о нем один из участников экспедиции, порой считал, что Беллинсгаузен излишне рискует: «Итти в пасмурную ночь по 8 миль в час казалось мне не совсем благоразумно». На это замечание Беллинсгаузен отвечает: «Я согласен с сим мнением лейтенанта Лазарева и не весьма был равнодушен в продолжение таких ночей, но помышлял не только о настоящем, а располагал действия так, чтобы иметь желаемый успех в предприятиях наших и не остаться во льдах во время наступающего равноденствия».

Стоит отметить, что в самых сложных условиях и Беллинсгаузен, и Лазарев никогда не обременяли вахтенных офицеров мелочной опекой, не вмешивались в их распоряжения.

В морской практике Беллинсгаузена был достаточно необычный случай, который вполне характеризует его отношение к подчиненным. Многие годы спустя после окончания экспедиции он, уже вице-адмирал, командовал на Балтике флотской дивизией. Однажды в бурную ненастную ночь его корабли лавировали в Финском заливе. Неожиданно на одном из фрегатов взвился флаг: «Флот идет к опасности».

Безусловно, это было определенное нарушение субординации, что отнюдь не принято среди моряков. Поставьте себя на место адмирала: можно выразить свое неудовольствие молодому командиру фрегата, можно запросить у него дополнительных разъяснений, можно... К счастью, Беллинсгаузен всегда и во всем полностью доверял своим офицерам. Не переспрашивая, не колеблясь, адмирал тотчас приказал изменить курс всей кильватерной колонны. Эскадра была спасена!

Опасность действительно была рядом: линейный корабль «Арсис», замешкавшись с поворотом, выскочил на рифы.

Можно добавить, что молодым командиром фрегата, сумевшим заметить не обозначенные на карте рифы, был будущий прославленный адмирал Павел Степанович Нахимов...

Читая дневники Беллинсгаузена, невольно поражаешься той настойчивой педантичности, которую он проявлял в неустанной заботе о здоровье экипажа. Вот только одна цитата, дающая представление о порядках на шлюпах:

«Вахтенным начальникам поставлено в обязанность во время дождя стараться, чтобы по возможности служители были от него защищены и платье их не намокло, а ежели намокнет, то по смене с вахты переменить, не оставлять на палубе и выносить на назначенное место в барказ. Когда погода сделается ясною, служители, находящиеся на вахте, должны были сырое платье товарищей своих развесить для просушки, и как

Михаил Петрович Лазарев
(14.11.1788—23.04.1851)

чистота и опрятность много способствуют к сохранению здоровья, то я велел белье переменять два раза в неделю и строго за сим наблюдал для того, что иногда ленивый, желая избежать многого мытья, старается надеть в воскресенье белую рубаху заменить грязною в тот же вечер, дабы в следующую среду опять надеть ту же рубаху... Для мытья по удобности назначены были два дня в неделю, среда и пятница... Вахтенный лейтенант наблюдал, чтобы все служители, которые мыли белье, непременно снимали всю обувь, поднимали брюки выше колена; по окончании мытья все мыли ноги в чистой воде, вытирали их насухо и тогда уже одевались».

В то время в дальних плаваниях нежеланной, но частой гостьей была цинга. Однако на «Востоке» и «Мирном» заболевания почти не отмечалось. «Веселое расположение духа и удовольствие подкрепляют здоровье, — справедливо считал Беллингаузен. — Напротив, скука и унылость рожают леность и неопрятность, а от сего происходит цинготная болезнь».

По праздникам на шлюпах пекли пироги «с сорочинским пшеном (с рисом. — *Авт.*) и нарубленным мясом». На Пасху — куличи. Варили пунш с ромом и сахаром. Матросы забавлялись играми, пели песни. «После сего служители были столько веселы, как бы и в России в праздничные дни, не взирая, что находились в отдаленности от своей отчизны, в Южном Ледовитом океане, среди туманов во всегдашней почти пасмурности и снегах».

Во время заходов — и в Рио-де-Жанейро, и в Порт-Жаксоне (Сидней), и на островах Тихого океана — Беллингаузен всегда стремился закупить или выменять свежее мясо, кур, яйца, различные фрукты. Кокосовые орехи, бананы, ананасы, апельсины, лимоны, яблоки обычно просто складывались на палубе, и матросы ели их в любых количествах.

«В продолжение нашего пребывания при островах Отаити мы выменяли столько апельсинов и лимонов, что насолили оных впрок до десяти бочек на каждый шлюп, — пишет Беллингаузен. — Нет сомнения, что сии плоды послужат про-

тивуцинготным средством; прочих (плодов) осталось еще много, хотя не было запрещения оных есть всякому сколько угодно».

За все время плавания на шлюпах скончался от болезни только один человек — «нервною горячкою», по диагнозу лекаря. Еще двое погибли, упав с мачты.

Матрос Филипп Блоков (в записках другого матроса он назвал Филимоном Блоковым, а в списке команды значится как Филимон Быков) сорвался в бушующий океан в тот момент, когда, закрепив кливер, шел назад по бушприту. Немедленно был спущен ялик, но «по причине бывшего тогда большого хода, волнения и темноты ночи усилия наши спасти упавшего остались тщетны».

За скупыми строками дневника Беллинсгаузена, когда он пишет о несчастных случаях на судах, чувствуется искренняя боль утраты. «11 мая (1820 года). К крайнему нашему сожалению, сего числа умер слесарь Гумин (в списке команды — Матвей Губин) от раны, полученной 2-го числа мая в Порт-Жаксоне при падении с гротового свит-сарвиня, где обвивал медью мачту, дабы стропами оной не терло. Потеря сия была для нас тем прискорбнее, что мы лишились доброго человека и искусного слесаря. При отправлении из Порт-Жаксона я хотел оставить Гумина в городской госпитали, но штаб-лекарь утверждал, что опасность прошла и излечение его весьма верно. К сожалению, не всегда надежды наши исполняются, а когда дело идет о спасении жизни человека, не должно иметь излишнего на себя надеяния».

Читатель, конечно, знает, что и рукоприкладство, и линьки были тогда достаточно обычным делом во флоте. Но лучшие морские офицеры России истинно по-отечески заботились о матросах. Вспомните повесть К.М. Станюковича «Вокруг света на “Коршуне”». Герой повести командир фрегата Василий Федорович говорит: «Русский матрос — золото... Он смел, самоотвержен, выносив и за малейшую любовь отплачивает сторицей». Беллинсгаузен мог бы подписаться под эти-

ми словами. Он был действительно отцом-командиром, и это во многом предопределило успех экспедиции.

Еще в Атлантике, на подходе к антарктическим водам, удалось сделать первые открытия: островок Анненкова в архипелаге Южная Георгия, остров Лескова, остров Высокий (Торсона), остров Завадовского. Все они были названы в честь офицеров экспедиции.

Раз за разом пытались русские моряки пробиться к югу, но везде встречали льды. Иногда это были огромные ледяные поля, иногда гигантские ледяные острова, высота которых нередко достигала 100—140 метров.

Датой открытия Антарктиды принято считать 16(28) января 1820 года. В этот день шлюпы впервые подошли к ледяному барьеру материка в районе современного Берега Принцессы Марты.

«16 генваря достигли мы широты $69^{\circ}23'S$, где встретили матерый лед чрезвычайной высоты, и в прекрасный тогда вечер, смотря с салинга, простирался оный так далеко, как могло только достигать зрение», — писал М.П. Лазарев.

Зарубежные географы пытались одно время оспаривать приоритет русской экспедиции: Беллинсгаузен, мол, «видел континент, но не опознал его как таковой. Однако дневники участников экспедиции полностью опровергают эти нелепые измышления.

В начале февраля, когда шлюпы достигли широты $69^{\circ}07'30''$, Беллинсгаузен записывал: «Здесь за ледяными полями мелкого льда и ледяными островами виден материк льда, коего края обломаны перпендикулярно и которого продолжается по мере нашего зрения, возвышаясь к югу, подобно берегу».

Более того, Беллинсгаузен высказал удивительно прозорливые соображения о природе Южного континента: «Огромные льды, которые по мере близости к Южному полюсу подымаются в отлогие горы, называю я матерыми, предполагая, что когда в самый лучший летний день морозу бывает 4° , то

тогда далее к югу стужа, конечно, не уменьшается, и потому заключаю, что сей лед идет через полюс и должен быть неподвижен, касаясь местами мелководиям или островам... которые несомненно находятся в больших южных широтах».

Сейсмические и буровые работы, выполненные за последние десятилетия, позволили составить карту подледного рельефа Антарктиды. Выяснилось, что ледяной щит, толщина которого местами достигает четырех с половиной километров, действительно укрывает под собой не единый материк, как считалось раньше, а громадный архипелаг островов. Иногда ледник покоится на суше, иногда лежит на мелководьях, иногда находится на плаву. Шестой континент воистину материк льда...

Вообще создается впечатление, что научные результаты экспедиции и научные заслуги самого Фаддея Фаддеевича до сих пор не оценены по достоинству.

Случилось так, что два немецких ученых-натуралиста в самый последний момент (уже в Копенгагене) отказались от участия в экспедиции. Кажется, они не вполне доверяли мореходному искусству русских моряков. Так или иначе найти им замену не удалось ни в Копенгагене, ни в Лондоне; экспедиция ушла в море без натуралистов.

«Они отказались для того, что будто бы им дано мало времени на приуготовление к путешествию, — с иронией пишет Беллинсгаузен. — Может быть, они и правы, но я как военный думаю, что ученому довольно привезти с собою одну свою ученую голову».

Впрочем, и без натуралистов на шлюпах дважды в сутки проводились метеонаблюдения (отмечались сила и направление ветра, волнение, температура воздуха, давление, абсолютная влажность). Раз в сутки, если позволяла погода, определялось магнитное склонение. Время от времени измерялась температура и определялась плотность воды на различных глубинах, оценивалась скорость течений — поверхностных и глубинных.

Начальнику экспедиции пришлось самому собирать гербарий в Австралии (он включал 77 видов растений), готовить географо-статистический отчет «Краткое известие о колонии в Новом Южном Валлисе». В его книгу, изданную в 1831 году, включены исторический обзор «Замечания об острове Отаити» и небольшой словарь языка туземцев острова Фейсе.

Со всем этим Беллинсгаузен прекрасно справлялся, доказывая, что достаточно «привезти с собою» просто умную голову.

Естествоиспытатель — почти забытое теперь слово. «Натуралист, специалист по естественным наукам», — сухо объясняет современный толковый словарь.

Если же попытаться найти синоним, более подходящим кажется «мыслитель», «натурфилософ», человек, который стремится познать природу, окружающий мир, стремится разобраться в причинах того или иного явления.

Беллинсгаузен, не будучи натуралистом, был подлинным естествоиспытателем.

Используя штилевую погоду, и офицеры, и матросы увлеченно занимались несложными опытами:

«Ежели взять пустую портерную бутылку, закупорить хорошо пробкою, привязать к лоту и опустить в море, (то) при поднятии бутылки она будет наполнена водою и крепко закупорена, с тою разностью, что пробка оборотится другим концом кверху... Повторяя опыты на разных глубинах океана, мы удостоверились, что сие всегда последует с бутылкою, таким образом опущенною от тридцати до сорока сажен, а менее тридцати сажен сего не случится».

«Признаться, сначала сие приводило всех нас в недоумение, — пишет Беллинсгаузен, — но после многих таковых опытов мы заключили...»

Прервем здесь цитату. Не столь важна причина этого явления (читатель и сам найдет объяснение), важен естествоиспытательский дух, присущий Беллинсгаузену и его помощникам.

«Таковы опыты, — совершенно справедливо отмечает в заключение Фаддей Фаддеевич, — хотя с первого взгляда покажутся маловажными, но впоследствии послужить могут к важным открытиям, подобно упавшему с дерева яблоку, которое подало великому Невтону мысль о системе всеобщего тяготения...»

В литературе уже отмечалось, что Беллинсгаузен, опираясь на свои наблюдения, а зачастую и на многочисленные опыты, сумел объяснить многие явления, которые в то время вызвали недоумение у географов. Однако его теории, опубликованные в книге «Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане...» (тираж... 600 экземпляров), остались незамеченными, а стало быть, и непризнанными. Он, например, первым сумел понять механизм образования коралловых атоллов, однако позже эта заслуга была приписана Чарлзу Дарвину.

На страницах своей книги моряк Беллинсгаузен смело вступал в полемику с признанными учеными авторитетами. Он умел внимательно наблюдать и делать правильные выводы, сколь бы парадоксальными они ни казались.

Так было с происхождением саргассов — странных водорослей, которые когда-то вызвали почти мистический ужас у моряков Колумба, а потом — в течение трех с половиной столетий! — служили объектом яростных споров ученых. На многие сотни миль покрыта поверхность Саргассова моря этими гигантскими плавающими растениями. Диаметр их стебля достигает порой сорока — пятидесяти сантиметров, а длина — ста и более метров!

«Путешественники и натуралисты разных мнений о сих растениях, — пишет Беллинсгаузен. — Некоторые полагают, согласно с географом Гумбольдтом, что трава сия растет на подводных камнях и мелях и, оторванная рыбами и моллюсками, всплывает на поверхность моря; другие заключают, что она приносима течением из Мексиканского залива. Я полагаю, что ни первое, ни последнее мнение неосновательны: мнение Гумбольдта — потому, что трава находится на таком месте, где глу-

бина моря простирается более нежели на триста сажен; на таковой глубине, как известно, всякая растительность исчезает; и невероятно, чтоб моллюски и рыбы отделяли беспрерывно, в течение нескольких столетий и на одном и том же месте такое множество травы, которое занимает пространство на тысячу миль. Судя по свежести кустов, я не могу согласиться с мнением, что трава приносима течением из Мексиканского залива, ибо путь сей составляет три тысячи миль, самые же близкие берега — острова Зеленого Мыса и Азорские — в расстоянии восемьсот сорок и тысячу пятьдесят миль. Хотя около сих островов мы встречали такую траву, но в весьма малом количестве, и, вероятно, она по временам бывает заносима из так называемого Травяного моря. Не находя у самых свежих кустов ни малейшего признака отломка корневого стебля, я заключаю, что трава сия, вероятно, может произрастать на поверхности моря, не имея сообщения со дном морским».

Растения без корней! Нужно было обладать немалой научной смелостью, чтобы высказать подобную «еретическую» мысль!

Но все же самый впечатляющий пример научной прозорливости Беллинсгаузена — его рассуждения о замерзании морской воды.

Еще в XVIII веке ученые твердо верили, что морская вода вообще не может замерзнуть. Ведь льды, которые моряки встречали в море, были обычно пресными. А раз так — значит, они образовались на реках, а не в море.

Михаил Васильевич Ломоносов — естествоиспытатель, которому не откажешь в проницательности, писал: «После часто повторенных опытов нашел я, что вода, в которой растворено было столько соли, сколько ее содержится в одинаковом количестве морской воды, не замерзает даже при самой большой стуже до твердого чистого льда. Вода эта застывает лишь в роде сала, не прозрачного и сохраняющего соленое свойство воды». Отсюда Ломоносов делал дальнейшие выводы: «Столь крепкий, прозрачный и пресный лед, каков тот, из которого

образуются стамухи, не может сам собою замерзать в море... Ледяные поля, или стамухи, берут свое начало в устьях больших рек».

Послушаем Беллинсгаузена: «1820 года февраля 5, при 4° мороза, я вывесил на открытый воздух в равной высоте от поверхности моря две жестянки, одну подле другой, налив первую пресною, а другую соленою водою. В 8 часов следующего утра, когда мы вышли из льдов, морозу было $2\frac{3}{4}$ градуса, вода оказалась замерзлая в обеих жестянках... Мы начали рассматривать воду в обеих жестянках сравнительно и нашли, что лед от пресной воды был многим плотнее, а лед соленой воды хотя той же толщины, но рыхлее и состоял из горизонтальных плоских тонких слоев, из которых верхние уже присоединялись один к другому, а по мере отдаленности к низу были рыхлее, так что самые нижние слои еще не соединились. Когда сей рыхлый лед поставили в тени стоймя и оставшаяся на оном соленая вода стекла, тогда, по растаянии льда, она оказалась почти пресною, и ежели бы я имел более терпения дать обтечь всей соленой воде, то, без сомнения, от растаявшего льда происшедшая была бы совершенно пресная; в большее сему доказательство приведу, что с ватдерштагов неоднократно отламывали лед, который во время морозов составляется от брызгов и водной пены сосульками и корою под носом шлюпа, и вода из сего льда выходила пресная. Таковой опыт вопреки многим писателям доказывает, что из соленой воды составляется лед так же, как из пресной, для сего нужно несколько градусов более мороза».

Действительно, морская вода, а точнее океанская (в морях соленость воды зачастую бывает меньше, чем в океане), начинает замерзать при температуре несколько ниже 0° (около минус 1,9°) и образует вначале «рыхлый» соленый непрозрачный лед «в роде сала». Дело в том, что этот молодой лед содержит внутри себя капсулы рассола. Однако постепенно рассол стекает, и через некоторое время морской лед становится крепким, прозрачным и пресным.

Морская вода замерзает! К сожалению, этот вывод Беллинсгаузена остался вовсе незамеченным, и географы по-прежнему продолжали верить в существование «открытого моря» в центре Полярного бассейна — «за поясом льдов, вынесенных в океан реками». По словам Нансена, еще в начале нашего века (!) ученые только скептически усмехались, когда он пытался уверить их, что морская вода все-таки замерзает...

В начале марта 1820 года (в Южном полушарии уже началась зима) шлюпы зашли в Австралию, в Порт-Жаксон, а затем, как предписывала инструкция, направились в тропическую часть Тихого океана, к островам Общества. Здесь, к востоку от Таити, удалось открыть большую группу островов, которая получила название Острова Россиян.

В инструкции, которую получил Беллинсгаузен, отмечалось особым пунктом: «...во всех землях, к коим будут приставать и в которых будут находиться жители, поступать с ними с величайшей приязнью и человеколюбием, избегая сколько возможно всех случаев к нанесению обид или неудовольствий».

Вы помните, королева Изабелла тоже повелевала, чтобы с индейцами обходились «как можно лучше и с любовью». Но конкистадоры и колонизаторы — испанцы, португальцы, англичане, голландцы — всегда и везде, не задумываясь, силой оружия прокладывали себе дорогу. Травили туземцев собаками, рубили мечами, вешали, сжигали.

Вспомните Колумба: «Адмирал вошел в бухту и бросил там якорь. На берегах ее наши люди увидели столько индейцев, что казалось, будто вся земля покрыта ими... Они оглашали воздух криками... и кидали дротики... Адмирал решил, что было бы неразумным оставить безнаказанно дерзость... Наши люди на лодках подошли вплотную к берегу и выстрелили в них из арбалетов. И когда им хорошенько задали, их обуял страх. А люди наши высадились, и индейцы... обратились в бегство... и вслед им выпустили с корабля собаку, которая кусала их и причиняла большой урон».

И вот совершенно аналогичная ситуация — сравните! Дневниковая запись Беллинсгаузена:

«Лишь только мы приблизились, чтобы пристать к берегу, островитяне все же с ужасным криком и угрозами замахали пиками, препятствуя нам приставать. Мы старались ласками, бросая к ним на берег подарки, привлечь и склонить их к миру; но в том не успели. Брошенные вещи охотно брали, а допустить нас к берегу не соглашались. Мы выпалили из ружья дробью поверх голов их, они все испугались... Видя, что сим никакого вреда им не делаем, они ободрились, но после при всяком выстреле приседали к воде и плескали на себя воду, потом дразнили нас и смеялись над нами, что им никакого вреда сделать не можем. Сие явно доказывает, что смертоносное действие огнестрельного оружия им неизвестно. Видя исходящий огонь из ружья, вероятно, заключали, что мы их хотим обжечь, для того мочили тело водою... Таковое упорство принудило нас возвратиться... Ежели бы мы решились положить на месте несколько островитян, тогда, конечно, все прочие пустились бы в бегство, и мы бы имели возможность без всякого препятствия выйти на берег... Не желая употребить действие пороха на вред островитян, я представил времени познакомиться их с европейцами. Когда мы от острова уже довольно удалились, тогда из лесу на взморье выбежали женщины и, приподняв одежду, показывали нам задние части тела своего, хлопая по оным руками, другие плясали, чем, вероятно, хотели нам дать почувствовать слабость сил наших. Некоторые из служителей просили позволения, чтоб островитян наказать за дерзость, выстрелить в них дробью, но я на сие не согласился...»

В сентябре 1820 года экспедиция вновь вернулась в Порт-Жаксон. Шлюпы, особенно «Восток», нуждались в безотлагательном ремонте.

Беллинсгаузен еще в Кронштадте обратил внимание на ряд существенных конструктивных недостатков флагманского шлюпа — недостаточную прочность корпуса, излишне высо-

кий рангоут... Фактически «Восток» был построен в расчете на кратковременные плавания по Балтийскому морю, шторма и льды были шлюпу противопоказаны. Каждый раз, форсируя ледяные перемычки, Беллинсгаузен, по его собственным словам, находил «одно утешение в мысли, что отважность иногда ведет к успехам». В Кронштадте, став начальником экспедиции только за 42 дня до ее отправления, Фалдей Фалдеевич мало что мог изменить. Потом в Рио-де-Жанейро корабельные плотники несколько усилили крепления шлюпа, поставив дополнительные кницы. Теперь в Порт-Жаксоне пришлось все же уменьшить рангоут, полностью перевооружить шлюп. Матросы тщательно проконопатили судно, всю носовую часть заново обили медью. Но все это были только вынужденные полумеры. Уже на девятый день после выхода из Порт-Жаксона Беллинсгаузен записывал: «В полдень в носовой каюте около форштевня оказалась течь... вода входила так сильно, что слышно было ее журчание, но в какое место, невозможно было видеть за обшивкою... Убавление всего рангоута и парусов, постановление всех пиллерсов и понижение тяжести всей артиллерии довольно ощутительно уменьшили движение верхней части шлюпа «Восток», однако же я не смел нести много парусов, дабы через то, умножая ход, не увеличить течи в носовой части».

Участник экспедиции писал по этому поводу: «Не слишком приятно предпринимать и обыкновенное плавание на судне с течью, тем более можно бы призадуматься идти на таком судне в южные льды, где можно ожидать жестоких бурь и почти неизбежных о льды ударов, но бесстрашного капитана Беллинсгаузена ничего поколебать не может, он отважно пускается под полюс и с ненадежным шлюпом!»

Поправить ничего было нельзя, и шлюпы русской экспедиции шли все дальше на восток, обследуя тихоокеанский сектор Южного океана. Вновь и вновь пытался Беллинсгаузен пробиться к югу. Но вновь и вновь вставал на пути неодолимой преградой матерый лед.

5 января 1821 года шлюпы в шестой раз пересекли Южный полярный круг. 8 января удалось достичь самой высокой за все время плавания широты — $69^{\circ}53'$. В этот же день, когда видимость ненадолго улучшилась, на горизонте заметили скалистый остров. Его назвали островом Петра I.

«Русским предоставлена была честь впервые приподнять угол завесы, скрывающей отдаленный таинственный юг, и доказать, что за ледяною стеною, его опоясывающею, таятся острова и земли», — писал один из офицеров шлюпа «Мирный».

15 января вновь был усмотрен высокий скалистый берег, простиравшийся к югу. «Я называю обретение сие берегом потому, — отмечает Беллинсгаузен, — что отдаленность другого конца к югу исчезала за предел зрения нашего... Внезапная перемена цвета на поверхности моря подает мысль, что берег обширен, или по крайней мере состоит не из той только части, которая находилась перед глазами нашими».

Конечно, очень заманчиво доставить в Петербург хоть кусок камня с этих самых южных земель, но лед не позволил подойти к берегу ближе чем на 15 миль.

Только через 75 лет после открытия Антарктиды — 24 января 1895 года — человек впервые ступит на берег Южного континента...

Еще в начале января течь на «Востоке» резко усилилась. Матрос Егор Киселев записывал в эти дни: «Была большая погода, шквалы со снегом и большая качка, и тут у нас повредило пять книц, и сделалась в судне течь, от 9 до 10 дюймов в час прибывало». 9—10 дюймов — это 25 сантиметров в час. Воду приходилось непрерывно откачивать, но, несмотря ни на что, Беллинсгаузен еще провел тщательную съемку Южных Шетландских островов, доказав, что это именно архипелаг, а не часть материка, как утверждал американский капитан В. Смит.

Течь тем временем продолжала усиливаться. Кругосветное плавание было уже завершено, Беллинсгаузен решил возвра-

шаться. И тут на пути к Рио-де-Жанейро положение стало просто критическим.

«Сделалась большая погода и качка, тут мы с помпы не сходили и качали день и ночь воду, откачать не можем и клали на гитовы шлюпку», — записывал в дневнике матрос Егор Киселев.

Взять шлюпку на гитовы означает подготовить ее к спуску на воду, иначе говоря, подготовиться к самому худшему: к тому, чтобы оставить судно. К счастью, шторм был непродолжительным, и через три недели шлюпы благополучно дошли до Рио-де-Жанейро. Здесь пришлось простоять почти два месяца, занимаясь ремонтом кораблей.

Замечательно, что и теперь, когда экспедиция фактически закончилась, Беллинсгаузен устроил обсерваторию на одном из прибрежных островков, и офицеры постоянно упражнялись в астрономических определениях, уточняя одновременно координаты островка.

Надо отметить, что в экспедиции были лучшие по тем временам навигационные приборы. И методы определений использовались новейшие. Долготы, например, определялись по лунным расстояниям. На стоянке в Рио-де-Жанейро сам Беллинсгаузен провел за два неполных месяца 390 измерений, Завадовский — 380, Лазарев — 325, Торсон, Лесков и Симонов — по 315, Парядин — 280.

В конце этого сухого, бухгалтерского реестра невольно хочется поставить восклицательный знак. Всего, таким образом, долгота Крысьего острова была определена в 2310 лунных расстояний!

Неудивительно, что точность астрономических определений экспедиции всегда была высочайшей. Это отмечалось впоследствии неоднократно.

Через восемьдесят лет французский полярный исследователь Шарко с восхищением писал: «В тумане и мгле мы легко нашли остров Петра I, потому что он указан Беллинсгаузенем именно там, где он находится».

Трудно удержаться, чтобы не привести еще один поразительный пример — измерение высоты вулкана Эгмонт на Северном острове Новой Зеландии. Джеймс Кук определил ее в 12 199 футов, а натуралист Георг Форстер — в 14 760 футов. Измерения Михаила Петровича Лазарева дали значительно меньшую высоту — 8 232 фута. По современным данным, высота этого вулкана — 8 260 футов. Восклицательный знак явно напрашивается вновь...

Рассказывать о последнем переходе через Атлантический океан нет, наверное, нужды. 24 июля 1821 года Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен с удовлетворением и гордостью записывал в дневнике: «В 6 часов утра 24 июля достигли Кронштадта, салютовали крепости и стали на якорь на том самом месте, с которого отправились в путь. Отсутствие наше продолжалось 751 день; ...в (общей) сложности прошли всего 86 475 верст; пространство сие в $2\frac{1}{4}$ раза более больших кругов на земном шаре».

Карта плавания с показанием всех земель, открытых русскими моряками, стала итогом экспедиции: двадцать девять островов и огромный материк льда — Терра Аустралис Инкогнита, Антарктида!

«Почти случайно» Беллинсгаузен назначен начальником экспедиции, но отнюдь не случайно экспедиция под его командованием добилась блестящих результатов. Читатель согласится, начальник экспедиции проявил незаурядное мужество, непреклонную настойчивость в достижении цели.

После возвращения Фаддей Фаддеевич получил звание капитан-командора, был награжден орденом Владимира 3-й степени. М.П. Лазарева произвели в капитаны 2-го ранга, офицеры получили ордена Владимира 4-й степени и Анны 3-й степени. Всем участникам экспедиции, в том числе и нижним чинам, до конца службы было положено двойное жалованье. Матросам, кроме того, сократили на три года обязательный срок службы.

Впоследствии Беллинсгаузен занимал должности дежурного генерала морского министерства, генерал-цейхмейстера морской артиллерии. Через пять лет, став контр-адмиралом, командовал отрядом кораблей, посланных в Средиземное море.

В 1828 году Фаддей Фаддеевич во главе гвардейского экипажа отправился сухим путем с Балтийского моря на Черное. Здесь во время турецкой кампании участвовал во многих сражениях на море и на суше.

«Благородство, спокойствие и хладнокровие были отличительными чертами его характера, — писал современник. — Он равно сохранял присутствие духа как в борьбе с полярными льдами, так и в огне против неприятеля».

В 1830 году Беллинсгаузен получил звание вице-адмирала, в 1843 году стал полным адмиралом в один день с М.П. Лазаревым.

Беллинсгаузен и Лазарев... Нет нужды сравнивать заслуги двух прославленных адмиралов. Оба они всю жизнь крепили морскую славу России, каждый на своем посту.

Командир шлюпа «Мирный» Михаил Петрович Лазарев был одним из самых блестящих и храбрейших морских офицеров. Еще в 1813—1816 годах он совершил кругосветное плавание на корабле российско-американской компании «Суворов». После окончания экспедиции — еще одно на фрегате «Крейсер». Таким образом, он был и остается единственным русским моряком, трижды обогнувшим земной шар в должности командира корабля.

В 1827 году, во время знаменитого боя в Наваринской бухте, линейный корабль «Азов» под командованием М.П. Лазарева уничтожил пять кораблей противника и впервые в истории русского флота получил высшее боевое отличие — кормовой Георгиевский флаг и вымпел.

С 1837 года и почти до самой смерти (умер он в 1851 году) адмирал Лазарев командовал Черноморским флотом. Он воспитал блестящую плеяду прославленных адмиралов — Г.И. Бу-

такова, В.И. Истомина, В.А. Корнилова, П.С. Нахимова, снискавших впоследствии неувядаемую славу во время героической обороны Севастополя...

Адмирал Беллинсгаузен скончался годом позже Михаила Петровича Лазарева — в 1852 году. Тринадцать последних лет он был главным командиром Кронштадтского порта и военным губернатором Кронштадта. И каждый год выходил в море, командуя Балтийским флотом.

В Кронштадте он пользовался общей любовью и офицеров, и матросов. Он остался тем же отцом-командиром, терпеливо вникавшим во все мелочи матросского быта. При нем, например, были насажены огороды для снабжения экипажей свежими овощами. Он добился увеличения мясного пайка для матросов, настоял на постройке новых казарм, госпиталей.

Тогда же началось озеленение Кронштадта, и памятник Фаддею Фаддеевичу Беллинсгаузену стоит сейчас в сквере, когда-то им созданном.

После смерти адмирала на столе в его кабинете была найдена записка:

«Кронштадт надо обсадить такими деревьями, которые цвели бы прежде, чем флот пойдет в море, дабы на долю матроса досталась частица летнего древесного запаха...»

ГЛАВА 7. ГЕНЕРАЛ ОТ ГЕОГРАФИИ

Нередко рядом с фамилией того или иного путешественника ставят эпитеты «замечательный», «выдающийся», «прославленный», «великий». Но только Пржевальского называли путешественником гениальным.

По Центральной Азии он прошел 29 585 километров. Почти кругосветное путешествие! Прибавьте сюда тысячи километров Уссурийской тайги, многие тысячи километров радиальных маршрутов.

Он пересекал безводные пустыни, где только кости верблюдов отмечали следы заброшенных караванных дорог. Он впервые достиг верховьев Желтой реки — Хуанхэ, верховьев Голубой реки — Янцзы и вышел к берегам таинственных озер Кукунор и Лобнор. Он стал первым исследователем веками недоступного для европейцев заоблачного Тибета.

Пржевальский открыл десятки видов животных, больше двух сотен видов растений. Несомненно, он сделал многое из того, что не удавалось ранее никому! Но...

**Николай Михайлович
Пржевальский
(12.04.1839—1.11.1888)**

Но правомерно ли вообще подобное сочетание слов — путешественник гениальный? Ведь путешественниками становятся, а гениальными рождаются.

Впрочем, сам Николай Михайлович как раз и утверждал: «Путешественником нужно родиться...»

Он родился в селе Кимборы Смоленской губернии 31 марта (12 апреля 1839 года. Отец его умер, когда старшему сыну Николаю было всего семь лет. Мать — Елена Алексеевна осталась с тремя детьми.

Много лет спустя расскажет Николай Михайлович о своем детстве, о любимой «мамке» — крепостной Макарьевне, о влиянии на него дядьки, брата матери, страстного охотника.

«Рос я в деревне дикарем, воспитание было самое спартанское, я мог выходить из дому во всякую погоду и рано пристрастился к охоте. Сначала стрелял я из игрушечного ружья желудями, потом из лука, а лет двенадцати я получил настоящее ружье».

Страсть к охоте он сохранил на всю жизнь. Именно страсть. «Я очень хорошо помню таких охотничьих походов, которые с холодной точки зрения могли показаться явным безумием, но которые совершенно оправдываются в глазах охотника», — писал Николай Михайлович. Однажды во время разлива он по плечи в воде перебрел речку, а потом, раздевшись, подползал к уткам по обледенелой земле. В другой раз с одним патроном в стволах подпустил раненого медведя на четыре шага и свалил его у самых ног. В самые критические моменты он умел сохранять полное хладнокровие. О меткости его ходили легенды.

Несомненно, охотничьи приключения и породили страсть к путешествиям, стали прекрасной подготовкой к экспедиционной жизни...

В 1855 году Пржевальский первым учеником окончил смоленскую гимназию. Перед ним открывались многие дороги, но он поступил вольноопределяющимся на военную службу. Сам Николай Михайлович позднее объяснял свое решение так: «Героические подвиги защитников Севастополя постоян-

но разгорячали воображение 16-летнего мальчика, каким я был тогда». Он мечтал о подвигах, но действительность оказалась совершенно не похожей на любимую книгу «Воин без страха», которой он зачитывался в гимназии. Вместо подвигов — муштра, по вечерам — карты.

Юнкера и вольноопределяющиеся должны были ежедневно собираться на строевые занятия: один, проиграв мундир, приходил в разорванном халате, другой без сапог, а третий в сюртуке без рукавов.

Казенные деньги, выдававшиеся на продовольствие, пропивались. Пржевальский, уклоняясь от кутежей, все больше времени проводил на охоте, собирал гербарий, всерьез занялся орнитологией. Став уже прапорщиком, он передал начальству рапорт, в котором просил, чтобы его перевели на Амур... Вместо ответа — трое суток ареста.

После пяти лет службы Николаю Михайловичу удалось поступить в Академию Генерального штаба. По окончании учебы он был направлен в Полоцкий полк. Еще в академии Пржевальский подготовил курсовую работу «Военно-статистическое обозрение Приамурского края». Рукопись представил в Русское Географическое общество, и его избрали в действительные члены общества. А вскоре Николай Михайлович начал преподавать историю и географию в Варшавском юнкерском училище.

Лектором он был прекрасным. Пользуясь своей феноменальной памятью, мог цитировать наизусть целые страницы из дневников любимых путешественников. Говорил увлеченно, страстно.

Пожалуй, именно тогда, в юнкерском училище, он сформировался как географ широкого профиля.

— География — это землеописание, — утверждали географы старой школы.

— География — наука о Земле, — настаивал Пржевальский. И это был принципиальный, если хотите, философский спор.

Как образуется роса? Что такое облако, гром, молния? Как возникают течения в океане? Что мы знаем о внутреннем строении земного шара? Почему параллельны противоположные берега Атлантического океана?

Николай Михайлович стремился не только сообщить географические факты, но и показать их причинную связь, взаимозависимость, совокупное влияние на органическую жизнь на Земле. Несомненно, скромный преподаватель юнкерского училища разбирался в географии значительно лучше многих своих ученых критиков.

В 1867 году были опубликованы «Записки всеобщей географии для юнкерских училищ», подготовленные Н.М. Пржевальским. К этому времени он уже добился наконец перевода в Восточную Сибирь.

«Дикость, ширь, свобода бесконечно мне понравились», — писал Пржевальский. Тысячи километров проплыл он по Амуре, по Уссури, прошел по Уссурийской тайге.

«Как-то странно видеть это смешение форм севера и юга... В особенности поражает вид ели, обвитой виноградом, или пробковое дерево и грецкий орех, растущие рядом с кедром и пихтой. Охотничья собака отыскивает вам медведя или соболя, и тут же рядом можно встретить тигра, не уступающего в величине и силе обитателю джунглов Бенгалии».

Освоение этих богатейших краев в то время только началось. В селе Хабаровка (нынешнем Хабаровске) было 111 домов, во Владивостоке — около 50. Правительство заселяло Дальний Восток неимущими крестьянами из нечерноземных губерний, беднейшими забайкальскими казаками, отставными солдатами и матросами, каторжниками, выслужившими срок своих работ. «Голод и нищета с различными пороками, всегда им сопутствующими, довели это население до полного морального упадка, заставили его махнуть на все рукой и апатично покориться своей злосчастной участи», — с горечью писал Николай Михайлович.

Административные злоупотребления чиновников, с которыми то и дело приходилось сталкиваться, просто потрясли Пржевальского. В газете «Петербургские ведомости» появляется его гневное письмо: «...мне лично не раз приходилось быть свидетелем... как брали у казака продавать его последнюю корову, или как наказывали старика-отца за неисправность детей, или как местный доктор, вскрывая трупы умерших, находил в желудке куски сапожной кожи и глины, которую несчастные страдальцы ели вместо хлеба насущного...» И еще: «Нет ни одной пакости, ни одного самого гнусного дела, которое не совершалось бы здесь совершенно открыто, как будто так и следует...»

Два с половиной года провел Пржевальский на Дальнем Востоке. Тысячи километров пройдено, 1600 километров покрыто маршрутной съемкой. Бассейн Уссури, озеро Ханка, побережье Японского моря... Подготовлена к печати большая статья «Инородческое население Уссурийского края». Собрано около 300 видов растений, изготовлено более 300 чучел птиц, причем многие растения и птицы на Уссури обнаружены впервые.

В Николаевске-на-Амуре Пржевальский обрабатывает коллекции, начинает писать книгу «Путешествие в Уссурийском крае».

Николаевск был в то время центром Приморья. Здесь жили главным образом чиновники и торговцы, искренне считавшие, что если на один рубль нельзя заработать в год три, то не стоит деньги брать в руки.

«Водка и карты, карты и водка — вот девиз здешнего общества», — писал Пржевальский.

К картам тогда пристрастился все же и Николай Михайлович.

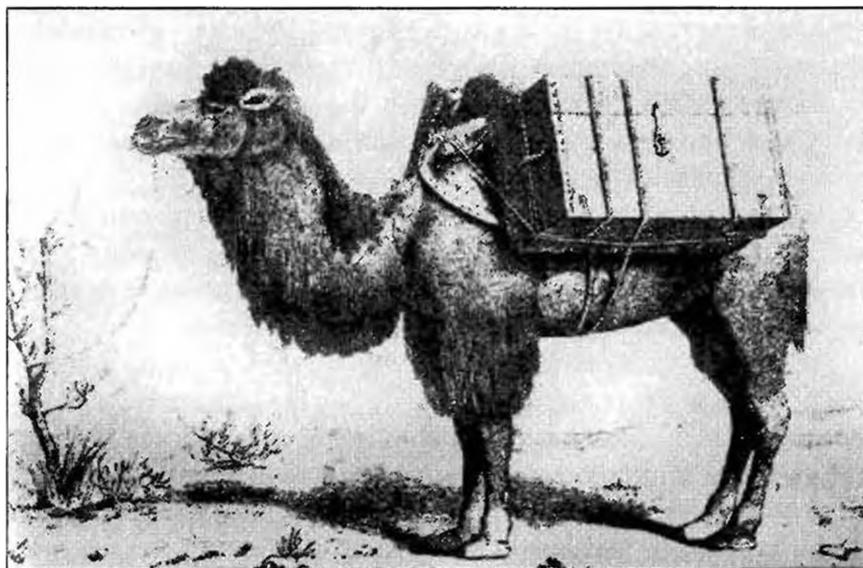
Юлий Михайлович Шокальский, почетный президент Географического общества, биограф Пржевальского, писал: «Всякий талантливый человек — непременно и страстный по характеру...» И продолжал: «...так было и с Пржевальским: он или беззаветно предавался жизни исследователя, или не прочь был участвовать в азартной игре».

Рассказывают, что играл Николай Михайлович страстно, смело, рискованно, но только с купцами, чиновниками и никогда не допускал товарищей-офицеров в свою партию. А уезжая из Николаевска, он бросил карты в реку: «С Амуром прощайте и амурские привычки». И действительно, никогда больше не садился за карточный стол. Выигрыш же дал ему определенную материальную независимость, он вложил эти деньги в организацию первой экспедиции в Центральную Азию...

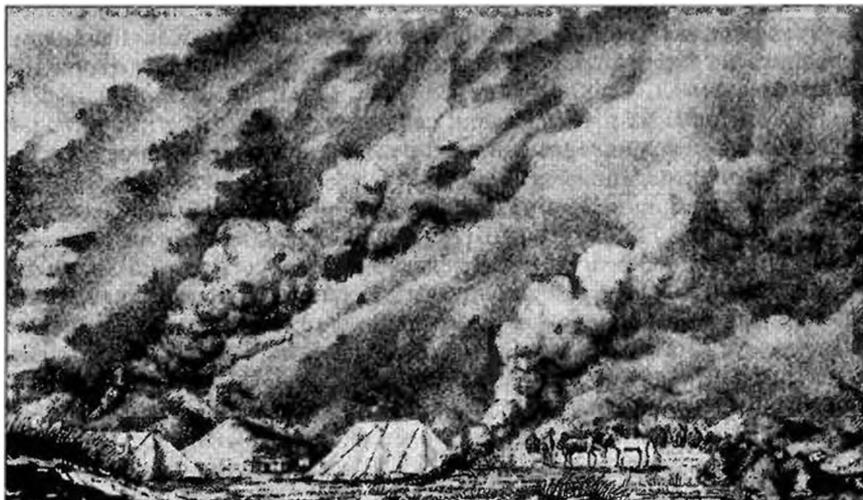
В январе 1870 года Николай Михайлович вернулся в Петербург. Ему за тридцать. Имя его еще никому не известно, но он уверен в себе, знает свои возможности.

В марте он впервые взошел на трибуну Географического общества — обветренное в странствиях лицо, ясные голубые глаза и такая же ясная, четкая манера изложения.

«Он был высокого роста, хорошо сложен, но худощав, симпатичен по наружности и несколько нервен. Прядь белых волос в верхней части виска при общей смуглости лица и черных волосах привлекала на себя невольное внимание».

Навьюченный верблюд

Пыльные смерчи в пустыне

Он говорил о сделанном, об уссурийском путешествии и о своих планах...

Всего сотню лет назад огромное белое пятно оставалось на географических картах в самом центре нашего континента. И не только естественные преграды были тому причиной!

Китайская империя в то время только начинала пробуждаться от многовековой изолированности. К иностранцам в лучшем случае относились настороженно.

Еще выступая в первое путешествие, Пржевальский, словно бросая вызов, избрал караванный путь, по которому, опасаясь нападения разбойничьих шаек, уже в течение одиннадцати лет не осмеливался пройти ни один караван.

«Следы дунганского истребления встречались на каждом шагу, — писал Николай Михайлович. — Деревни, попадавшие очень часто, все были разорены, везде валялись человеческие скелеты и нигде не было видно ни одной живой души».

В том первом путешествии в отряде, включая самого начальника, было всего четыре человека. Пржевальский прекрасно понимал грозящие отряду опасности. Из продоволь-

ствия взяли с собой тогда только пуд сахара, мешок риса и мешок проса. Еще приборы, бумагу для гербария, 40 килограммов пороха, 160 килограммов дробы, десятки коробок с патронами. Взяли отчасти для того, чтобы добывать себе пищу, отчасти для того, чтобы защищаться.

Во втором, третьем, четвертом путешествиях отряды Пржевальского были более многочисленными (в четвертом — 21 человек), но всегда к участникам экспедиции оставалось обязательным требование — каждый должен быть хорошим человеком и хорошим стрелком.

Только прекрасная подготовка экспедиций и безупречная личная храбрость дали Пржевальскому возможность проникнуть туда, где не ступала еще нога европейца.

Каждое из четырех путешествий по Центральной Азии продолжалось по два-три года. И каждое было воистину подвигом.

Иногда зимой замерзала ртуть в термометрах — температура понижалась до минус 40 градусов. Летом песок накалялся до плюс 70.

Переход через пустыни Южного Алашаня оказался особенно трудным. На сотню верст ни капли воды. Редкие колодцы были зачастую отравлены дунганями.

«Раскаленная почва пустыни дышит жаром, как из печки... Голова болит и кружится, пот ручьями льет с лица и со всего тела. Животные страдают не менее нас. Верблюды идут, разинув рты и облитые потом, словно водою».

Однажды случилось так, что воды осталось несколько стаканов. Они вышли в семь утра и шли девять часов, словно по раскаленной сковородке. Верная легавая Фауст не могла идти, выла, ложилась на песок. Взяли ее на верблюда, мочили голову водой — не помогло, собака издохла.

«Мы брали в рот по одному глотку, чтобы хотя бы немного промочить совсем почти засохший язык. Все тело наше горело как в огне, голова кружилась. Еще час такого положения — и мы бы погибли».

На Тибетское нагорье во время первого путешествия они вышли зимой и здесь, на высоте 3—4 тысяч метров, провели два с половиной месяца. Пржевальский вспоминал, что малейший подъем казался очень трудным, чувствовалась одышка, сердце билось очень сильно, руки и ноги тряслись, по временам начинались головокружение и рвота.

Стояли жестокие морозы, а топлива не было, и ночи они проводили в юрте без огня. Постель состояла из одного войлока, посланного на мерзлую землю. Из-за холода, из-за большой высоты, из-за сухости и разреженности воздуха заснуть не удавалось — только забыться. Но и в забытьи мучило душу, порождавшее тяжкие кошмары.

«Жизнь наша была, в полном смысле, борьба за существование, и только сознание научной важности предпринятого дела давало нам энергию и силы для успешного выполнения своей задачи».

Пржевальского по праву называют первооткрывателем Центральной Азии. Достаточно сказать, что до его экспедиций в этом огромном регионе не было сделано ни одного астрономического определения. На китайских картах, которыми единственно и пользовались географы, Тибет, например, был показан на триста километров южнее своего истинного положения. Три градуса по широте!

Пржевальский провел маршрутную съемку на протяжении 30 тысяч километров, определил астрономически 63 пункта. Тибет, верховья Хуанхэ, верховья Янцзы, хребет Алтынтаг... Везде он был первым из европейцев и лишь в очень редких случаях пользовался своим правом первооткрывателя, почти всюду сохраняя местные названия. Как исключение появлялись на карте «озеро Русское», «озеро Экспедиции», «гора Шапка Мономаха».

«Пусть первое из этих названий свидетельствует, что к таинственным истокам Желтой реки впервые проник русский человек, а второе — упрочит память нашей экспедиции».

На берегах таинственного Лобнора, в «стране Лоп», Пржевальский был «только» вторым... после Марко Поло! Николай Михайлович с законной гордостью писал: «Опять то, о чем недавно мечталось, превратилось в факт действительности... Еще не прошло года с тех пор, как профессор Кесслер... предсказывал о Лобноре как о совершенно загадочном озере — теперь же эта местность достаточно известна. То, чего не могли сделать в течение семи веков, сделано в семь месяцев».

Загадочное озеро стало, однако, предметом оживленной дискуссии между Пржевальским и немецким географом Рихтгофеном.

Судя по китайским картам начала XVIII века, Лобнор находился совсем не там, где его обнаружил Пржевальский. Кроме того, вопреки историческим известиям и теоретическим рассуждениям географов озеро оказалось пресным, а не соленым.

Рихтгофен считал, что русская экспедиция открыла какое-то другое озеро, а истинный Лобнор лежит севернее. Николай Михайлович ответил на замечание немецкого ученого небольшой заметкой в «Известиях Русского Географического общества». Затем он посетил Лобнор вторично, в полемику вступил его ученик Петр Кузьмич Козлов. И только через полвека загадка Лобнора была решена окончательно.

Лоб по-тибетски означает «илистый», нор — по-монгольски «озеро». Оказалось, что это болото-озеро время от времени меняет свое местоположение и свой гидрологический облик. На китайских картах оно было изображено в северной части пустынной бессточной впадины Лоб. Но затем реки Тарим и Кончедарья устремились на юг. Древний Лобнор постепенно исчез, на его месте остались только солончаки, блюдца небольших озерков. А на юге впадины образовалось новое озеро, которое открыл и описал Пржевальский.

В 1923 году вновь произошли резкие изменения в дельтах Гарима и Кончедарьи. Воды последней ушли на восток. Лобнор Пржевальского стал мелеть, осолоняться, распался на несколько отдельных водоемов, площадь которых все уменьша-

лась. А на севере впадины вновь возродился Лобнор, который был нанесен на китайские карты...

Джозеф Гукер, известный исследователь Гималаев, писал: «Стенли и Ливингстон были отважнейшими пионерами, но они только сумели проложить на карте пройденный путь, для изучения же природы ими ничего не сделано... Один Пржевальский соединил в своем лице отважного путешественника с географом и натуралистом».

Дважды в Петербурге устраивались грандиозные выставки. Коллекции, собранные экспедициями Пржевальского, включали 702 экземпляра млекопитающих, 1200 пресмыкающихся и земноводных, 5010 экземпляров птиц (50 видов), 643 экземпляра рыб (75 видов), более 15 000 экземпляров растений (около 1700 видов).

Пржевальский доказал, что существует дикий верблюд. Именно дикий, а не одичавший, как считали многие ученые. Подлинной сенсацией стало открытие прапрапра... предка современных лошадей — дикой лошади Пржевальского. Многие десятки видов животных названы в честь Пржевальского и его спутников: лошадь, верблюд, тибетский медведь-пищуход, олень беломордый, журавль черношейный, соловей, улар, дрозд, рябчик, фазаны, ящерицы...

Академик А.А. Штраух отмечал: «Зоологическая коллекция Пржевальского составляет гордость Академического музея... Материал этот не имеет себе равного...»

Одна из первых работ Николая Михайловича называлась «инородческое население Уссурийского края». Нанайцы, удэгейцы, орочи — их быт, обычаи, верования тщательно описал Пржевальский.

И во всех последующих его книгах много интереснейших этнографических наблюдений. Николая Михайловича поразили, например, рыжеволосые голубоглазые мачинцы, которые, по преданию, пришли в незапамятные времена из Индии и поселились в районе Кэрийских гор.

Во времена Пржевальского малые народности Китая еще сохраняли свою индивидуальность, свой язык. Внимательный взгляд путешественника мог подметить своеобразие внешности, одежды, обычаев. Этнографические коллекции Пржевальского, рисунки и фотографии его помощника Всеволода Ивановича Роборовского и сейчас могут помочь проследить пути древних миграций народов.

«Недалеко к северу от Синина обитает небольшой, но весьма интересный народ далды, которых ордосцы называют “цаганмонгол”, то есть белые монголы... — пишет Николай Михайлович. — По своему наружному типу мужчины-далды много походят на китайцев и частью на монголов... Далдянки отчасти напоминают наших деревенских женщин и совершенно отличаются от китаянок не только своею физиономиею, но также костюмом, прическою и особенно головным убором... Только у женщин сохранился здесь тип, свидетельствующий о том, что они принадлежат скорее к арийской, нежели к монгольской расе. Почему женщины в данном случае оказались устойчивее мужчин — объяснить не умею...»

Известный антрополог З.Ю. Петри говорил: «Если бы Пржевальский не оставил никаких других научных результатов путешествий, кроме заметок о различных народностях, то и тогда он имел бы право на звание великого путешественника...»

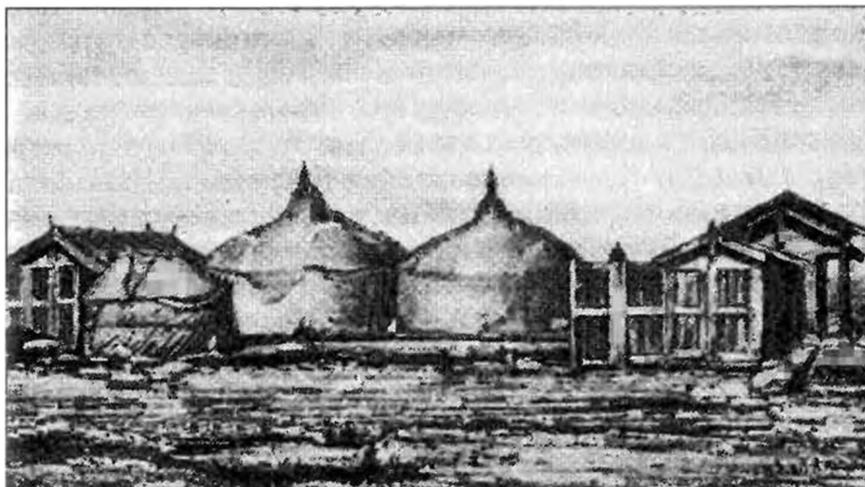
Приходится только удивляться разносторонности его интересов — география, ботаника, зоология, этнография...

После путешествия по Уссурийскому краю Пржевальский получил Серебряную медаль Русского Географического общества. После первого путешествия по Центральной Азии — Большую золотую медаль Русского Географического общества. Золотую медаль Парижского географического общества и «высочайшая» награды — чин подполковника, пожизненную пенсию в 600 рублей ежегодно. После второго путешествия по Центральной Азии Николай Михайлович был удостоен чина полковника, стал почетным членом Академии наук, Ботани-

ческого сада, получил медаль имени Гумбольдта от Берлинского географического общества и Королевскую медаль от Лондонского. После третьего путешествия награжден орденом Владимира 3-й степени, удостоен звания почетного члена Русского, Венского, Венгерского географических обществ, почетного доктора зоологии Московского университета, почетного члена С.-Петербургского университета, С.-Петербургского общества естествоиспытателей, Уральского общества любителей естествознания и, наконец, звания почетного гражданина Санкт-Петербурга и Смоленска. После четвертого путешествия Пржевальский был удостоен чина генерал-майора, стал почетным членом Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, получил знаменитую медаль «Вега» от Стокгольмского географического общества и Большую золотую медаль от Итальянского Академия наук России удостоила Николая Михайловича Золотой именной медали с надписью: «Первому исследователю природы Центральной Азии».

Как видите, даже краткий и неполный перечень наград и почетных званий Пржевальского достаточно велик. «По временам ласки приятны и дикому зверю», — иронизировал Николай Михайлович. Но вообще же он относился ко всей этой «суете» снисходительно-безразлично. Когда, например, в связи с избранием почетным гражданином Петербурга его портрет решили установить в Думе, он просил употребить выделенные на это средства «для устройства стипендии при одном из здешних реальных училищ».

О нем и его путешествиях регулярно писали русские газеты. На выставках в Петербурге, на его лекциях побывали многие тысячи людей. И не было тогда в России имени более популярного, чем имя Пржевальского. Даже в тот дотелевизионный век Николая Михайловича неизменно узнавали в поездах, на улицах. К нему обращались с просьбами о пособиях, о предоставлении места, о пенсии, о скорейшем производстве в следующий чин.

Усыпальница Чингисхана

Иногда эти «прошения» немало веселили Пржевальского.

«Вам, родимый мой, все власти нашего города бьют челом; кум мне сказывал, что вас повесили в Думе, что вы в почете в нашем городе, что вам все сделают. Так ради бога отыщите мою собачку, кличка ея Мурло, маленькая, хорошая, с бельмом на глазах; крыс и мышат ловит. И буду я, вдова безутешная, весь длинный век Бога за вас молить. Живу я на Петербургской [стороне], Зелениной [улице] № 52 дома, у сторожа гвардейского, что под турку ранен, Архипом прозывается».

Обласканный общим вниманием, почестями, наградами, Николай Михайлович по-прежнему мечтал об одном — о новых путешествиях.

«Как вольной птице трудно жить в клетке, так и мне не ужиться среди цивилизации... Верите ли, покоя не имею, смотря по карте, сколько в Тибете еще не известных мест, которые я могу и должен исследовать».

Вот уж действительно — путешественником нужно родиться. В Петербурге, в Москве его раздражает «вечная суматоха, толкотня человеческого муравейника». В деревне не лучше: «такая неурядица, такие беззакония и такое торжество поро-

ка, каких нигде не встречал я в самых диких ордах Центральной Азии». Уединившись в имении, он признается в письме: «Среди лесов и дебрей смоленских я жил все это время жизни экспедиционной, редко когда даже ночевал дома — все в лесу, на охоте».

В 1870 году началось его первое путешествие в Центральную Азию, и из пятнадцати последующих лет больше девяти провел он в экспедициях. Ему уже сорок семь, но он по-прежнему не женат.

«Моя профессия не позволяет мне жениться. Я уйду в экспедицию, а жена будет плакать... Когда кончу последнюю экспедицию, буду жить в деревне, охотиться, ловить рыбу и разрабатывать мои коллекции. Со мною будут жить мои старые солдаты, которые мне преданы не менее, чем была бы законная жена».

После смерти дяди, потом матери он жил со своей любимой нянюшкой — Макарьевной. Из экспедиции всегда присылал и привозил ей подарки, а отправляясь в очередное путешествие, наказывал управляющему: «Нужно только как-нибудь обставить Макарьевну, чтобы она не скучала. Расходы я для этого сделаю какие угодно. Пусть откуда хочет выпишет себе подругу или возьмет кого-либо из родственников — я на все согласен, лишь бы моя любимая старуха могла жить спокойно».

Еще в июне 1881 года Пржевальский купил Слободу, небольшое имение верстах в ста от Смоленска, на берегу сказочно прекрасного озера Сопша.

«Местность вообще гористая, сильно напоминающая Урал. Озеро Сопша в гористых берегах, словно Байкал в миниатюре... Лес — как сибирская тайга, и рядом леса пошли на сто верст».

Хозяином Пржевальский был требовательным, рачительным, но весьма своеобразным. Сельское хозяйство меньше всего заботило Николая Михайловича. «Я смотрю на имение не как на доходную статью, — писал он, — а как на дачу, в ко-

торой можно было бы отдохнуть после трудов. Для кого мне собирать: детей у меня нет, а для себя? — мне ничего не надо».

В Слободе Пржевальский разбирал коллекции, обрабатывал дневники, писал отчеты. Итогом каждой новой экспедиции становилась новая книга. Пятую из них — «От Кяхты на истоки Желтой реки...» — Пржевальский открывает интереснейшей главой: «Как путешествовать по Центральной Азии». В ней много разделов: «Снаряжение», «Укладка багажа», «Продовольствие», «Гигиена», «Обыденная жизнь в пути»... Но нас интересуют два: «Личность путешественника» и «Факторы успеха».

— Цветущее здоровье, крепкие мускулы, сильный характер, энергия и решимость, научная подготовка, прирожденная страсть к путешествию, беззаветное увлечение своим делом, — перечисляет Пржевальский необходимые путешественнику качества.

— Должен быть отличным стрелком, не должен гнушаться никакой черной работы, не должен иметь избалованных вкуса и привычек, не должен знать простуды, должен иметь ровный, покладистый характер...

Всеми этими качествами Пржевальский обладал в полной мере. Друзья особо отмечали, может быть, самые главные черты его характера: «Николай Михайлович был человеком вполне чистым, правдивым до наивности, откровенным и верным другом». Он оставался всегда искренним в проявлении чувств — симпатии, любви, ненависти. И когда случалось ему ошибаться, разочаровываться в людях, он страдал до слез.

Во втором путешествии не оправдал надежд Николая Михайловича некий Евграф Ш., и Пржевальский записывает в дневнике:

«20 сентября. Тяжелый день. Сегодня я отправил обратно в Кульджу, а оттуда в полк Ш., оказавшегося совершенно негодным для экспедиции (по своей умственной ограниченности и неспособности к какому-либо делу). Ни снимать птиц, ни стрелять, ни делать съемки — ничего не умел бедный Евг-

раф. Сначала я думал, что он научится всему этому, но вот прошло уже более месяца, а Ш. остался тем же... Я вынужден был его прогнать как человека совершенно бесполезного. Тяжело мне было решиться на это, Евграф ко мне лично привязан, притом он доброй души... Однако необходимость взяла верх. Я отправил Евграфа, хотя вчера вечером и сегодня утром я плакал несколько раз как ребенок...»

Пржевальский всегда очень тщательно подбирал участников экспедиции, особенно своих помощников. Желающих было предостаточно, но зачастую ни одна из кандидатур не казалась Николаю Михайловичу подходящей.

«Надо втолковать желающему со мной путешествовать, что он ошибется, если будет смотреть на путешествие как на средство отличиться и попасть в знаменитости. Напротив, ему придется столкнуться со всеми трудностями (и лишениями), которые явятся непрерывною чередой на целые годы; при этом его личная инициатива будет подавлена целями экспедиции, он должен будет превратиться в бессловесного исполнителя».

Помощниками его становились всегда совсем молодые люди: 16-летний Ягунов, 20-летний Пыльцов, 18-летний Эклон, 23-летний Роборовский, 20-летний Козлов.

«Особенной грамотности и дворянской породы от юноши не требуется! — считал Пржевальский. — Желательно, чтобы юноша поехал по увлечению, а не из-за денег... Прежде всего нужен хороший человек».

Он относился к ним как к сыновьям. Ягунов по его настоянию (и протекции) поступил в юнкерское училище, Козлов сдал экзамены за реальное и тоже поступил в юнкерское, Роборовский готовился к экзаменам в Академию Генерального штаба.

Ф.Л. Эклон был помощником начальника во второй — Лобнорской — экспедиции. После возвращения в Петербург награды, почести слегка вскружили голову Федору Леонтьевичу. Пржевальский пишет письмо:

«Дорогой мой Федя!.. Теперь начну внушение, которое ты не только прочитай, но и прими к сведению. Жизнь самосто-

ятельная в полку оказала на тебя уже то влияние, что ты сделался в значительной степени *mon cher*'ом. Кокетки, рысаки, бобровые шинели, обширные знакомства с дамами полусвета — все это, увеличиваясь прогрессивно, может привести если не к печальному, то, во всяком случае, к нежелательному концу: сделаешься ты окончательно армейским ловеласом и поведешь жизнь пустую, бесполезную. Пропадет любовь к природе, охоте, к путешествиям, ко всякому труду. Не думай, что в такой омут попасть трудно, наоборот, очень легко, даже незаметно, понемногу...

Во имя нашей дружбы и моей искренней любви к тебе прошу тебя перестать жить таким образом. Учись, занимайся, читай — старайся наверстать, хотя сколько-нибудь, потерянное в твоём образовании. Для тебя еще вся жизнь впереди — не порти и не отравляй ее в самом начале...

Я не говорю, чтобы ты совершенно отказался от удовольствий, но стою на том, чтобы эти удовольствия не сделались окончательно целью твоей жизни. Послушай меня, Федя!..

Пиши. Искренно тебя любящий Н. Пржевальский».

Некоторое время спустя Эклон повинился, и Пржевальский пишет: «Дорогой Федя! Ты просто подарил меня своим письмом: оно рассеяло закравшиеся было сомнения насчет твоего гуляющего поведения и еще более убедило меня, что я имею в тебе нелицемерного, искренно преданного друга. Верь, что со своей стороны я тебя люблю всею душою — ты мой питомец, ты мой свет».

Ко всем своим спутникам Николай Михайлович относился по-отцовски, лучше сказать, как старший брат. Они были друзьями. У них были свои дорогие им обычаи, шуточные ритуалы, понятные только им, шутки. У каждого шуточное прозвище: казак Телешов — Телешка, казак Дондок Иринчинов — Дидон, Козлов — Кизо, Пржевальский — Пшева.

Заканчивая четвертое путешествие, Николай Михайлович в приказе по экспедиции с законной гордостью писал: «Мы

пускались в глубь азиатских пустынь, имея с собою лишь одного союзника — отвагу; все остальное стояло против нас: и природа, и люди... Мы жили два года, как дикари, под открытым небом, в палатках или юртах, и переносили то 40-градусные морозы, то еще большие жары, то ужасные бури пустыни... Но ни трудности дикой природы пустыни, ни препоны со стороны враждебно настроенного населения — ничто не могло остановить нас. Мы выполнили свою задачу до конца — прошли и исследовали те местности Центральной Азии, в большей части которых еще не ступала нога европейца. Честь и слава вам, товарищи! О ваших подвигах я поведаю всему свету. Теперь же обнимаю каждого из вас и благодарю за службу верную... от имени науки, которой мы служили, и от имени Родины, которую мы прославили».

Не правда ли, удивляет это слово «товарищи», с которым полковник царской армии обращается к рядовым солдатам, казакам. Да, они были товарищами — без различия чинов и званий. Ели из одного котла, вместе мерзли, голодали; когда приходилось, вместе смотрели в лицо смерти. Он имел право написать: «...мы все одна семья».

Некоторые казаки, солдаты участвовали в двух, трех, четырех экспедициях Пржевальского. И слова телеграммы П. Чабая и Д. Иринчинова, спутников по первому путешествию, — это не только слова: «Память о Вас перейдет из рода в род, с Вами готовы в огонь и воду».

Сохранилась часть переписки Николая Михайловича с забайкальским казаком Пантелеем Прокопьевичем Телешовым. По настоянию Пржевальского он выучился читать и писать, освоил работу препаратора. И вот первое, еще не очень грамотное письмо из Кяхты: «...обучаюсь в грамоте, печатное теперь могу читать прямо, а не по складам, присланные вами книги я прочитал все, а писал сейчас лично это писанное мною письмо».

Несколько месяцев спустя: «...учусь грамоте учительнице вечерами; умею читать писать, знаю четыре действия из ариф-

метики, меры; познакомился с картой Китайской Империи и Тибета, знаю реки, горы и города... День и ночь думаю о том, как бы скорее отправиться в новую экспедицию».

Пржевальский писал Телешову регулярно. Рассказывал о своей жизни, о планах, о строительстве нового дома в Слободе, посылал книги, различные «подарочки», звал к себе.

2 февраля 1887 года: «В этот дом я перееду на житье в мае. Наверху есть и для тебя комната, в которую можешь переселиться когда только захочешь».

29 марта: «Если вздумаешь ко мне поехать, то телеграфируй, я сейчас же переведу по телеграфу тебе на проезд деньги».

28 апреля: «Сюртук, жилет и панталоны заказаны тебе... Будут высланы в начале мая. Получишь, вероятно, летом. Это мой тебе подарок к именинам 27 июля. Кланяйся от меня Дидону».

27 июля: «В Слободе все здоровы и все тебе кланяются, часто о тебе вспоминают. В новом доме одна комната стоит пустая и ждет, чтобы ты в нее приехал».

Две темы всегда остаются главными в письмах: «приезжай ко мне» и «не женись». Вторая звучит постоянно, все настойчивее, как заклинание.

«...Будь осторожен в выборе невесты. Сам ты, наверное, будешь превосходным мужем; а какова-то будет жена? Да и уже воли тогда не будет. Одно только утвердительно тебе скажу: если худо будет жить дома или в Кяхте — приезжай ко мне, я очень рад буду».

«Будь здоров и не женись».

«...Главное — не женись. Тогда всему конец — путешествиям и пр.». Многие годы спустя, в 1923 году, прославленный путешественник Петр Кузьмич Козлов, готовясь к новой экспедиции, встретит в Забайкалье старого казака Пантелея Прокопьевича Телешова: «Телешка, милый Телешка... растрогался и растрогал меня сильно...».

Оба уже далеко не молоды — по шесть десятков лет, но оба сохранили юношеский энтузиазм. Через два дня Петр Кузьмич запишет в дневнике:

«Сегодня один из лучших дней моей жизни: совершенно неожиданно согласился со мною отправиться в далекое путешествие милый Телешка. Главное — по его собственной инициативе... По этому поводу мы все ликуем: у нас есть учитель, у нас сохранятся традиции моего учителя и мои...»

В Слободе (ныне Пржевальском) в Доме-музее Пржевальского хранится фотография из альбома Николая Михайловича: молодая красивая женщина с цветами в пышных волосах. Под фотографией одно только слово: «Она». А на обороте — стихотворное посвящение:

Взгляни на мой портрет!
 Ведь нравлюсь я тебе?
 Ах, не ходи в Тибет!
 В тиши живи себе
 С подругой молодой!
 Богатство и любовь
 Я принесу с собой.

Была ли это действительно «она»? Или портрет только шутка друзей, хорошо знавших отношение Пржевальского к женитьбе?

Сам Николай Михайлович в начале 1886 года писал в частном письме: «Речь о генеральше вероятно останется без исполнения, не те уже мои года, да и не такая моя профессия, чтобы жениться. В Центральной же Азии у меня много оставлено потомства — не в прямом, конечно, смысле, а в переносном: Лоб-Нор, Куку-Нор, Тибет и проч. — вот мои детища».

Высочайшим указом ему присвоен чин генерал-майора. Генерал от географии... Ему уже под пятьдесят. Он не совсем здоров, но по-прежнему мечтает о новых путешествиях.

В бурю, в бурю снова...
Отдохнув, сказал пловец:
«Знать, я жребия такого,
Что в затишье не жилец».

Перед отъездом из Слободы Пржевальский написал «Инструкцию» для управляющего именем:

«1. Заведывание домашним хозяйством и скотом поручаю Макарьевне, все остальное — Вам...

3. Охота и рыбная ловля в моих владениях безусловно запрещаются для кого бы то ни было, разрешается лишь ловля рыбы удочкою...

17. Дрова зимою рубить не где попало, а в одном месте — на болотах в Гостянине или за озером Сопша...»

Десятки пунктов в этой инструкции. Кажется, Николай Михайлович предусмотрел все, что должно и что может случиться в его отсутствие: «...два куста жасмина (взять из-под дома) высадить поодиночке в клумбы по углам балкона...

Если рижские сливы вымерзнут, то не заменять их ничем...

В проходе от ворот между амбарами посадить два куста сирени...

Ландрина, если издохнет, похоронить в саду возле больших берез за вторым прудком...»

Может быть, в этой педантичной предусмотрительности как раз и заключается секрет неизменного успеха экспедиций Пржевальского, секрет его гениальности как путешественника? Он умел предвидеть все, и за долгие годы путешествий в его экспедициях не погиб ни один человек, не было ни одного серьезного заболевания, травмы.

24 августа 1888 года, едва поезд отошел от московского перрона, Николай Михайлович записывает в дневнике: «Радость великая! Опять впереди свобода и дело по душе... Но для успеха его необходимо прежнее счастье, которое да не отвернется ныне от меня».

Все было как прежде. С ним ехали его верные помощники Всеволод Иванович Роборовский и Петр Кузьмич Козлов. Но

прежнее счастье отвернулось от него. Не довелось ему увидеть ни кустов жасмина, ни сирени «в проходе от ворот». Кажется, и старый Ландрин пережил хозяина.

В районе Пишпека (с 1926 по 1991 г. Фрунзе, ныне — Бишкек) всю предшествующую зиму свирепствовал брюшной тиф. Видимо, Пржевальский заразился, напившись сырой воды во время охоты в плавнях.

Козлов писал: «Мы долгое время не хотели верить, чтобы Пржевальский мог позволить себе делать то, чего не позволял нам, в данном случае — никогда не пить некипяченую воду, а сам... сам пил и сам признался в этом...»

Он лежал с высокой температурой, бредил, временами впадал в забытие. Но, оставаясь верным себе, успел отдать все необходимые распоряжения на случай... На случай смерти. Рассказывают — попросил поддержать его, встал во весь рост, огляделся кругом... «Ну, теперь я лягу», — были его последние слова...

И последнее распоряжение он отдал сам: «Похороните меня непременно на Иссык-Куле, на красивом берегу...»

В гроб его положили в экспедиционной одежде, с любимым скорострельным «ланкастером». Так он просил. Место для могилы выбрали в двенадцати верстах от Каракола — на высоком обрывистом берегу.

«Провожающих было много, и все, даже дамы, шли пешком... На перекрестках дорог встречалась масса всадников-киргизов, стоявших с обнаженными головами. Всю дорогу пели певчие, сменяемые оркестром. Стояла прекрасная погода, солнце пригревало по-летнему, верхи Тянь-Шаня искрились словно в серебре, в прозрачной синеве неба реяли грифы-монахи... Заветное желание покойного было исполнено: прах его остался навсегда в Азии, и могила его находится у подножия Небесного хребта».

Антон Павлович Чехов писал в некрологе: «Один Пржевальский... стоит десятка учебных заведений и сотни хороших книг». Экспедиции Пржевальского, изданные им труды, глубокие по содержанию и увлекательные по форме, воспитали целую плеяду выдающихся русских путешественников; не только Роборовский и Козлов были его учениками, но и многие другие, даже не знавшие его лично: Иван Васильевич Мушкетов, Григорий Ефимович Грум-Гржимайло, Василий Васильевич Сапожников, Александр Ксаверьевич Булатович, Владимир Афанасьевич Обручев, Владимир Клавдиевич Арсеньев...

Над могилой, на вершине девятиметровой скалы, сложенной глыбами гранита, распростер крылья бронзовый орел — символ бесстрашия, силы, ума. Под орлиными когтями на бронзовом листе — карта Азии, в клюве — оливковая ветвь, эмблема мирных завоеваний науки.

А на могильном надгробии скромная надпись: «Путешественник Н.М. Пржевальский». Так он завещал.

ГЛАВА 8. ЧЕЛОВЕК С ЛУНЫ

Каарам-тамо — «Человек с Луны» — называли его папуасы. «До меня никто положительно не был в этом месте Новой Гвинеи, и папуасы воображали себя единственными жителями земного шара», — писал Николай Николаевич Миклухо-Маклай.

Для них он действительно был инопланетянином. А они для него?

Ученые спорили: кто они, папуасы, — люди или животные? Он не сомневался — люди! Но их разделяли даже не века — тысячелетия...

Много написано о проблеме контакта космических цивилизаций. Вспомните «Аэлиту» Алексея Николаевича Толстого, вспомните произведения Уэллса, Ефремова, Брэдбери, Лема, братьев Стругацких... В этих увлекательных книгах контакт цивилизаций — фантастика.

В дневниках Миклухо-Маклая — действительность!

Странно, с этой точки зрения — как хронику контакта — никто не пробовал читать дневники путешественника. Многие авторы как-то упрощают взаимоотношения Миклухо-Маклая с туземцами. Создается впечатление, что стоило только протянуть руку и сказать: «Я — друг», как все трудности оставались позади. Эдакая пастораль...

На самом деле начало контакта было отнюдь не легким.

Из дневников Миклухо-Маклая: «Они размахивали копьями, которые держали в руках. Один из них был даже так нахален, что копьем при какой-то фразе, которую я, понимает-

ся, не понял, вдруг размахнулся и еле-еле не попал мне в глаза или в нос. Движение было замечательно быстро, и, конечно, не я был причиной того, что не был ранен, — я не успел двинуться с места, где стоял, — а ловкость и верность руки туземца, успевшего остановить конец своего копья в нескольких сантиметрах от моего лица... Не раз потешались они, пуская стрелы так, что последние очень близко пролетали около моего лица и груди... и даже подчас без церемоний совали острие копий мне в рот или разжимали им зубы...»

Двенадцать лет провел Миклухо-Маклай в путешествиях: Кронштадт — Острова Зеленого Мыса — Рио-де-Жанейро — Вальпараисо — остров Пасхи — Самоа — Новая Гвинея (Берег Маклая) — острова Тернате, Тидоре, Целебес, Люсон — Гонконг — Сингапур — остров Ява — Новая Гвинея (берег Папуа-Ковиай) — Сингапур — тропические леса полуострова Малакка — Бангкок — вновь тропические леса полуострова Малакка — Сингапур — Ява — Каролинские острова — острова Адмиралтейства — Новая Гвинея (Берег Маклая) — Сингапур — Ява — Сидней — Новая Каледония — Новые Гебриды — Санта-Крус — острова Адмиралтейства — Соломоновы острова — Луизиана — южный берег Новой Гвинеи — острова Торресова пролива — восточное побережье Австралии: Сомерсет, Куктаун, Гаунсвилл, Брисбен — внутренние части Австралии —/Сидней — южный берег Новой Гвинеи — Сидней — Сингапур —

**Николай Николаевич Миклухо-Маклай (17.07.1846—14.04.1888).
Фотография сделана зимой
1886/87 года в Петербурге**

Суэцкий канал — Генуя — Кронштадт. Пожалуй, никто из наших соотечественников не повидал столько земель. Двенадцать долгих лет...

Он стал забывать русский язык, стал, по его словам, «белым папуасом». Унижаясь и стыдясь, он с трудом добывал деньги на продолжение своих путешествий. Был тяжело болен — лихорадка, ревматизм, острая невралгия, анемия, общее истощение организма. При росте 167 сантиметров он весил около 44 килограммов...

Во имя чего все это? Тоскливое одиночество, физические страдания, вновь и вновь беспредельный риск контакта...

Не декларативная христианская «любовь к ближнему» была его движущей силой. В Бога он вовсе не верил, верил в науку. Вся жизнь его — бескорыстное, самозабвенное служение науке.

Родился Николай Николаевич Миклухо-Маклай в селе Рождественском близ города Боровичи Новгородской губернии 5(17) июля 1846 года. Отец его, Николай Ильич Миклуха, был инженером путей сообщения, к концу жизни дослужился до должности коменданта Николаевского вокзала в Петербурге.

Не совсем понятно, как и почему появилась вторая часть фамилии — «Маклай». Встречающиеся в литературе рассуждения о каких-то шотландских предках, кажется, совершенно беспочвенны. Отец его был родом из небогатой казачьей семьи, мать, урожденная Беккер, по семейным хроникам, «немецко-польского происхождения». Может быть, права внучатая племянница великого путешественника, утверждавшая, что фамилию «Маклай» носил один из предков в разветвленном роде Миклуха. Ясно одно, именно Николай Николаевич уже после смерти отца сделал свою фамилию двойной. Впервые приставка «Маклай» появляется в его письмах из-за границы с 1866 года, причем впоследствии нередко как поместный титул «де Маклай», «фон Маклай».

Поместий у семьи не было, жили на заработок отца. В 1857 году Николай Ильич умер, оставив жену с пятью детьми. Старшему, Сергею, — двенадцать лет, Николаю — одиннадцать, Ольге — восемь, Владимиру — четыре, Михаилу — полтора года.

Мать Екатерина Семеновна была женщиной редких душевных качеств. Ее отец, выйдя в чине подполковника в отставку, служил врачом в московской больнице для чернорабочих и дружил с Федором Петровичем Гаазом — знаменитым доктором Гаазом.

Судя по всему, нравственные устои в семье в немалой степени сложились под влиянием чудаковатого доктора.

Младший сын Михаил годы спустя вспоминал: «Мать в юности знала некоторых членов кружка Герцена, в 40-х гг. в Москве, по ее рассказам, кажется, Кетчер (если память мне не изменяет) приносил ей книги тайком от родителей. Она знала д-ра Гааза, этого гуманного деятеля, облегчавшего участь ссылаемым в Сибирь, она потом рассказывала о его оригинальном костюме и его деятельности».

О докторе Гаазе написано немало: врач московской пересыльной тюрьмы, бескорыстный лекарь бедноты, бесстрашный защитник униженных и неправых.

«У Гааза — нет отказа», — сложилась в то время поговорка.

После его смерти почитатели опубликовали своеобразное духовное завещание доктора — обращение к русским женщинам.

«Торопитесь делать добро!» — было его девизом.

Личное общение с доктором Гаазом не могло не наложить глубокий отпечаток на всю жизнь Екатерины Семеновны. Наверное, эти слова не раз слышали и дети: «Побеждайте зло добром... Торопитесь делать добро!»

Брат Михаил писал позднее, что Николай Николаевич впитал «с молоком матери... идеи справедливости и гуманности... идеи шестидесятых годов». «Гимназии Н.Н. не удалось кончить вследствие его влияния на товарищей и любви заводить с учителями разговоры на политические темы», — вспоминал Михаил Николаевич.

Из письма Николая Николаевича к матери — Екатерине Семеновне (17.02.1873):

«Только... благодаря моей нервной эластичной и крепкой натуре, которую Вы понимаете, потому что сами ее имеете, я перенес все хорошо, здоров и готов на все, что потребуется для новых путешествий и исследований»

медицинский факультет.

Жилось все эти годы трудно. В июне 1864 года он пишет Екатерине Семеновне: «За май месяц... всего на квартиру и на мое содержание я издержал 12 р. На платье я ничего не издержал, благо что вы... снабдили меня изрядным количеством черных ниток...» В сентябре: «С тех пор как я за границую, я решительно ничего не покупал, не делал относительно моего гардероба... Мой черный сюртук почти совсем разлезается;

В 1863 году будущий великий путешественник поступил вольнослушателем на физико-математический факультет Петербургского университета, но уже полгода спустя был и оттуда исключен «без права поступления в другие русские университеты».

С большим трудом удалось добиться разрешения на выезд за границу, чтобы продолжить образование. Он уже знал, чего хочет; в записной книжке за 1863 год список прочитанных книг: К. Фогт. «Естественная теория мироздания», И.М. Сеченов. «Рефлексы головного мозга», А.Н. Бекетов. «Обновление и превращение в мире растений»...

Два семестра Николай Николаевич слушал лекции на философском факультете в Гейдельбергском университете. Потом перебрался в Лейпциг и, наконец, в Иену, где поступил на

оказывается, что, зашивая какую-нибудь дыру, нитка крепче сукна, и зашивать — это увеличивать дыру». Даже письма домой он зачастую вынужден посылать без марок: «Не франкирую, потому что более недели у меня нет ни гроша».

Мать далеко не всегда могла помочь деньгами, и Николай Николаевич подрабатывал граверными работами, благо хорошо рисовал.

Однако, несмотря на постоянную нужду, узнав о гражданской казни Н.Г. Чернышевского, о высылке его в Сибирь, Николай Николаевич решает послать ссыльному хотя бы немного заработанных денег. Мать в письме умоляет: «Деньги для Чернышевского можешь выслать, когда хочешь, да все же нужно быть осмотрительным по возможности».

Все эти годы, да и всю последующую жизнь, Миклухо-Маклай, по его собственным словам, «работал как вол». От постоянной работы с микроскопом глаза настолько переутомлялись, что он был вынужден иногда за деньги приглашать людей, которые читали ему вслух. Он даже пролежал два месяца в йенской клинике, получив в результате переутомления легкий паралич левой стороны лица.

В Йене Николай Николаевич слушал лекции известного биолога Эрнста Геккеля, и в 1866—1867 годах вместе с ним отправился на Канарские острова, где занимался анатомией губок, изучал мозг хрящевых рыб. Затем Миклухо-Маклай работал в зоологических музеях Дании, Норвегии, Швеции, Франции. А после окончания университета уехал на Сицилию, в Мессину.

В марте 1869 года Николай Николаевич впервые отправляется в самостоятельное путешествие.

«Красное море совсем почти не исследовано с зоологической стороны, и притом по своему положению оно принадлежит к самым интересным касательно фауны. Я положительно знаю, что ни один из зоологов не отправится сюда, и поэтому я решил сделать что могу для исследования некоторых меня особенно интересующих сторон фауны».

Н.Н. Миклухо-Маклай
в экспедиционном костюме.
Фотография первой половины
1870-х годов

Мать сумела выслать ему только около трехсот рублей — явно недостаточно. Но это совсем не смущает Николая Николаевича. Уже заканчивая свое путешествие, он писал сестре: «Я знал, что денег моих не хватит мне. Здесь, как и везде, есть добрые люди, которые готовы и за честь считают помочь ученому... И действительно, не имея более ни гроша, я занял у одного французского негодяя... 200 франков, чтобы добраться до Суэца. Там я имею в запасе другого знакомого, который поможет мне доехать до Александрии; там же живет русский агент... некий Пашков, который обещал меня даром доставить в Константинополь, а оттуда шаг — и я в Одессе».

Всю жизнь он будет нуждаться, всю жизнь будет вновь и вновь искать денег на продолжение исследований. Но убежденность в правильности избранного им пути никогда не покинет его.

«Я иду — не скажу по известной дороге (дорога — это случайность), но по известному направлению, и иду на все, готов на все. Это не юношеское увлечение идеею, а глубокое сознание силы, которая во мне растет...»

В 1859 году Чарлз Дарвин опубликовал «Происхождение видов путем естественного отбора». Нет, не Бог создал окружающий нас мир: растения, животных, человека. Если есть Бог, то имя его — естественный отбор, утверждал Дарвин. Можно проследить, как развивались отдельные виды расте-

ний и животных, и наблюдать, как изменяются они сейчас в зависимости от внешних условий.

Вначале Миклухо-Маклай изучал простейших животных — губок — в Атлантике, в Средиземном и Красном морях. Возвратившись после пятилетнего отсутствия в Россию, он изучил богатую коллекцию северных губок. Его интересовали вопросы изменчивости. Порой казалось, что две губки из разных мест относятся к совершенно различным видам, но потом, при изучении промежуточных форм, становилось ясно, что это один и тот же вид, изменяющийся (изменившийся) под влиянием меняющихся условий внешней среды.

Может быть, и образование человеческих рас тоже связано с различными условиями обитания?

В то время антропология — наука о происхождении и эволюции человека — только еще зарождалась. Вопрос о единстве человеческого рода был одним из самых главных.

Моногенисты считали, что все человеческие расы произошли от общих предков. Полигенисты пытались доказать, что от разных. Белая, черная, желтая расы — это самостоятельные виды, утверждали они. Такие же разные, как, скажем, ворон, орел и сова. Даже некоторые дарвинисты, и в их числе учитель Миклухо-Маклая Эрнст Геккель, считали, что культурно отсталые народы лишь некое «промежуточное звено» между европейцами и их далекими предками-обезьянами.

Особенную остроту этому спору придавала, с одной стороны, все еще процветающая работорговля, а с другой — колониальная экспансия европейских держав в Африке, в Юго-Восточной Азии, в Океании.

Миклухо-Маклай был убежден, что решить этот спор невозможно за письменным столом, «без собственного внимательного наблюдения... отличных от нас рас». Впрочем, само он был уверен — нет рас высших и рас низших, расовые отличия возникли под влиянием различных условий окружающей среды.

Вернувшись после пятилетнего отсутствия в Петербург, Николай Николаевич выступил с докладом на заседании Русского Географического общества, а затем направил секретарю общества письмо, в котором изложил свои планы и просил о поддержке. Совет общества предоставил Миклухо-Маклаю небольшую денежную субсидию и, главное, добился разрешения, чтобы путешественник был доставлен на Новую Гвинею на военном корвете «Витязь».

Почему именно на Новую Гвинею? Да потому, что она была исследована в наименьшей степени. Даже о размерах острова не было единого мнения. Жители Новой Гвинеи еще не испытывали на себе влияния цивилизации.

«Читая описания путешествий, почти что во всех я находил очень недостаточными описания туземцев в их первобытном состоянии, — писал позднее Миклухо-Маклай. — Путешественники или оставались среди этих туземцев слишком короткое время, чтобы познакомиться с их образом жизни, обычаями, уровнем их умственного развития и т.д., или же главным образом занимались собиранием коллекций, наблюдением... животных, а на людей обращали совершенно второстепенное внимание. С другой стороны... расы эти, как известно, при столкновении с европейской цивилизацией с каждым годом исчезают...»

Около года заняла подготовка путешествия. Но не подбор снаряжения и не закупка продовольствия волновали Николая Николаевича. Позднее моряки «Витязя» были потрясены: оставаясь на Новой Гвинее, Миклухо-Маклай «имел всего два пуда рису и баночку с надписью “жир для пищи”».

Все это время Николай Николаевич посвятил доработке плана экспедиции. Он консультировался со всеми крупнейшими учеными Европы, и постепенно программа исследований приобрела законченный вид. Изучение изменчивости животных организмов в зависимости от условий их обитания стало второстепенной задачей. Главное — человек, важнее всего — антропологические и этнографические работы.

Уже с борта «Витязя», от берегов острова Мадейра Миклухо-Маклай писал матери: «Я решил после долгого обсуждения вопроса отчасти изменить мой первоначальный план — остаться в путешествии 6 или 7 лет, без возвращения в Европу».

А в день отплытия из Кронштадта Николай Николаевич послал два письма. Одно — семье: «До свидания или прощайте. Держите обещания ваши, как я свои». Другое — любимому другу, князю Александру Александровичу Мещерскому: «В случае, если я не вернусь из предстоящего путешествия желаю, чтобы все, что мне следует или придется перешло сестре моей Ольге». Это второе письмо было запечатано в конверт с надписью «Вскрыть, если не вернусь»...

Возможно, эти записки покажутся излишне трагичными. И все же риск не вернуться был действительно реален. Мало кто верил в успех задуманного предприятия. Верил ли сам Маклай?

Шесть лет спустя он будет отговаривать итальянца Пальди, согласившегося остаться на одном из островов Меланезии в качестве торгового агента:

«Если вам жизнь дорога, если вы когда-нибудь надеетесь жениться на вашей возлюбленной, то не оставайтесь здесь... Вы проживете здесь месяц, может быть два, а, возможно, также только день или другой по уходе шхуны.

— Что же, вы думаете, меня убьют туземцы? — спросил Пальди недоверчиво.

— Да, — ответил я решительно».

Через три года Николай Николаевич вновь посетил этот островок: «Об участии Пальди от Ахмата узнал я следующее: спустя немного месяцев (три или четыре) по уходе шхуны до деревни Суоу (где жил Ахмат) дошла молва, что белый, оставленный в деревне Пуби... был убит и все вещи его забраны туземцами. Защищался Пальди перед смертью или был убит во сне, Ахмат не слышал...»

Что пережил Миклухо-Маклай тогда, 27 сентября 1871 года, когда, приспустив флаг у хижины, салютовал уходящему «Витязю»?

«Первая мысль, пришедшая мне в голову, была та, что туземцы, пользуясь уходом огромного дымящегося страшилища, могут каждую минуту нагрянуть в мое поселение, разнести мою хижину и сваленные в беспорядке вещи и что отныне я предоставлен исключительно самому себе, все дальнейшее зависит от моей энергии, воли и труда».

Первое знакомство с папуасами состоялось, еще когда «Витязь» стоял на рейде. Вначале туземцы пытались воспрепятствовать высадке Маклая на берег, потом боязливо сторонились. Как поведут они себя теперь?

Местом своего обитания Николай Николаевич выбрал побережье залива Астролябия. Белые люди здесь еще не бывали. Поблизости несколько деревень, но Миклухо-Маклай построил свою хижину в отдалении от них, на мысу, который он назвал мысом Уединения. Матросы расчистили небольшую площадку в девственном лесу, в качестве фундамента вбили в землю шесть брусьев, на высоте около метра настелили пол будущего жилища.

Четыре с половиной метра в длину, ширина и высота — меньше двух метров. Стены хижины из тонких досок, частично из парусины. Крыша из листьев саговой и кокосовой пальм. Одна комната в хижине — для слуг, другая — для Николая Николаевича. Стол, две корзины, образующие койку, складное кресло — вот и вся мебель.

Вместе с Миклухо-Маклаем остались слуги, нанятые им на островах Самоа. Один из них, полинезиец Бой, вскоре заболел и умер. Швед Ульсон, бывший матрос купеческого судна, оказался трусом и лентяем.

В тот день, когда ушел «Витязь», из соседней деревеньки Гумбу пришла «делегация», чтобы удостовериться в том, что странный «тамо-русс» действительно остался. Туземцы принесли кокосы, сахарный тростник, но часть из них держались в стороне с копьями и луками.

Тридцатого сентября появился Туй, первый из папуасов, с которым познакомился Миклухо-Маклай, а следом за ним показалась целая вереница туземцев. Принесли посуду, поросенка, кокосовые орехи. «С большим интересом рассматривали каждую вещь... Мало говорили и вообще не шумели». С удовольствием слушали музыку, непритязательную игру Боя на полинезийской губной гармошке.

На следующий день Миклухо-Маклай впервые решился на ответный визит.

«Брать или не брать револьвер?.. Я не уверен, как я, имея револьвер у пояса, поступлю... если туземцы в деревне начнут обращаться со мною неподходящим образом... Но я убежден, что какая-нибудь пуля, пущенная некстати, может сделать достижение доверия туземцев невозможным, т.е. совершенно разрушит все шансы на успех предприятия. Чем более я обдумывал свое положение, тем яснее становилось мне, что моя сила должна заключаться в спокойствии и терпении. Я оставил револьвер дома...»

Николай Николаевич хотел дойти до ближайшей деревеньки, где уже знали его, но по ошибке пошел не по той тропинке и, войдя в деревню, не увидел знакомых лиц...

Тогда-то и разыгралась та самая сцена — свист стрел, замах копья... Острие его останавливается в нескольких сантиметрах от лица Маклая...

«В эту минуту я был доволен, что оставил револьвер дома...»

Попробуйте вы, читатель, в эту минуту найти решение. Вот он, контакт цивилизаций, разделенных тысячелетиями. Нагнаны тетивы, занесены копья...

Кажется невероятным: Миклухо-Маклай... лег спать?! Подтащил циновку, валявшуюся поблизости, расшнуровал богинки, расстегнул пояс, закрыл глаза и... заснул.

Проспал он часа два.

«Открыв глаза, я увидел нескольких туземцев, сидящих вокруг циновки... Они разговаривали вполголоса, жуя бетель.

Они были без оружия и смотрели на меня уже не так угрюмо... Я решил идти домой и стал приводить свой костюм в порядок. Эта операция очень заняла окружающих меня папуасов. Затем я встал, кивнул головой в разные стороны и направился по той же тропинке в обратный путь, показавшийся мне теперь короче, чем утром...»

Вы знаете, конечно, пройдет немного времени (немного ли?) и Маклай станет желанным гостем в любой деревне, станет «тамо боро-боро» — верховным вождем папуасов.

Сон на циновке «под сенью» взметнувшихся копий, думается, немало озадачил туземцев. И с этой, наверное, минуты начала расти и крепнуть слава ни на кого не похожего, непостижимо бесстрашного, как видно, бессмертного белого человека.

«Маклай, скажи, можешь ты умереть? Быть мертвым, как люди Бонгу, Богати, Били-Били?»

Много лет спустя после того дня будет задан этот вопрос. Папуасы знают, убеждены, что Маклай не может сказать неправду. «Баллал Маклай худи» (Слово Маклая одно) — новая поговорка туземцев окружающих деревень.

«Скажи я “да”, я поколебаю сам значительно свою репутацию... Сказать “нет” — нельзя... завтра или через несколько дней какая-нибудь случайность может показать туземцам, что Маклай сказал неправду».

Вот вам, читатель, еще одна возможность самостоятельно найти решение. Даили нет? Несколько десятков туземцев, собравшихся в буамбраму, хижине заседаний, напряженно замолкли.

«Я нашел мой ответ. Сняв со стены... тяжелое и острое копье, которое, метко брошенное, могло причинить неминуемую смерть, я подошел к Саулу, стоявшему посреди буамбрамы и следившему за моими движениями. Я подал ему копье, отошел на несколько шагов и остановился против него. Я снял шляпу, широкие поля которой закрывали мое лицо, я хотел, чтобы туземцы могли по выражению моего лица видеть, что

Маклай не шутит и не моргнет, что бы ни случилось. Я сказал тогда: “Посмотри, может ли Маклай умереть?” Нелюбопытный Саул хотя и понял смысл моего предложения, но даже не поднял копье и первый заговорил: “Арен, арен!” (нет, нет!). Между тем некоторые из присутствовавших бросились ко мне, как бы желая заслонить меня своим телом от копья Саула... ответ оказался удовлетворительным».

Удивительным, воистину сверхъестественным мужеством обладал этот невысокий болезненный человек.

В 1874 году сотня головорезов во главе с неким капитаном Мавары, самозванным раджей острова, ставленником малайских «властей», напала на небольшую деревеньку, где на этот раз поселился Маклай. Некоторые жители были убиты, другие уведены в плен. Хижина Маклая разграблена.

Несколько недель спустя Маклаю и капитану Мавары довелось встретиться. Кругом были люди Мавары, но Маклай действовал решительно. Выхватив пистолет, он скомандовал: «Связать его!»

«Этот человек, который был вдвое или втрое сильнее меня... теперь дрожал всем телом...»

Наверное, такое вот хладнокровное мужество было необходимо. Маклай выказывал его неоднократно. Но сила — плохой помощник при установлении контакта.

«Вы хотите, чтобы туземцы вас боялись благодаря револьверу и ружью, — говорил Николай Николаевич, обращаясь к Пальди, — я же добивался и добился их доверия и дружбы».

Пожалуй, еще поселившись на мысе Уединения, вдали от деревень папуасов, Миклухо-Маклай сделал первый, самый важный шаг в установлении контакта. Он не вторгся в их владения, не нарушал установившегося уклада жизни. Он расчистил площадку в девственном лесу и поселился рядом.

Этологи — ученые, изучающие поведение животных, пишут, что даже у братьев наших меньших есть некие «представления о справедливости». Известный ученый Конрад Лоренц советует: если хотите «познакомить» двух животных, приво-

дите сильное к слабому. Даже собака в значительной степени потеряет свою агрессивность, попав в дом, где живет кошка.

Папуасы, приходя к хижине Маклая, вели себя робко — ведь это была не их территория. И сам Маклай, впервые посетив туземную деревню, действовал «в традициях» наших предков.

Конечно, он проявил огромное мужество, когда лег спать (и уснул!) среди враждебно настроенных папуасов. Но, кроме того, он инстинктивно выбрал единственно верный путь — продемонстрировал свои добрые намерения, если хотите — беззащитность...

И потекли день за днем, неделя за неделей, месяц за месяцем.

«Сплю я здесь обыкновенно от 9, редко от 10 часов вечера до 5 утра; на сиесту (от часу до двух пополудни) полагается еще час. К этим восьми или девяти часам прибавлю на еду три раза в день около часа с половиной, на разговоры с туземцами и слугами уходит еще один час. На работу, таким образом, мне остается около 12 часов в день».

За первые четыре месяца он всего пять раз побывал в соседней деревне Горенду; но не из страха, а из боязни быть навязчивым.

Заметив, что папуасы прячут от него жен и детей, Маклай каждый раз предупреждал свистком о своем приходе в деревню. Заметив, что от него скрывают многие стороны быта, обряды, не старался разузнать то, что держали от него в тайне.

«Знание языка, я убежден, — единственное средство для удаления недоверия», — писал Миклухо-Маклай.

Безусловно, взаимное непонимание — одно из главных препятствий для установления контакта. Только читая дневники путешественника, начинаешь понимать, насколько это препятствие труднопреодолимо.

«Все, на что нельзя указать пальцем, остается мне неизвестным», — записывает он, уже прожив два месяца среди папуасов.

Сколько времени, труда, выдумки нужно было употребить, чтобы узнать перевод одного только слова!

Вот одна из историй, рассказанная Николаем Николаевичем.

«Как объяснить, что желаешь знать слово “хорошо”?.. Берешь какой-нибудь предмет, о котором знаешь, что он туземцу нравится... и говоришь “хорошо”, стараясь при этом делать довольную физиономию. Туземец знает, что, услышав русское слово, он должен сказать свое, и говорит какое-нибудь. Потом показываешь другой предмет, делаешь кислую физиономию и бросаешь его с пренебрежением... Пробираешь несколько раз с различными туземцами — слова выходят различные. Наконец, после многих попыток и сомнений, я наткнулся на одного туземца, который, как я был убежден, меня понял. Оказалось, слово “хорошо” по-папуасски — “казь”».

Месяца два Маклай употреблял слово «казь» в смысле «хорошо» и туземцы каждый раз с довольными физиономиями кивали головой — «казь», «казь». Но потом сам Николай Николаевич заметил, что как будто не все его понимают. Решил проверить, отыскал самого сметливого папуаса. Показал черепки разбитого горшка, а потом целый, хороший.

«Ваб!» — говорит папуас.

Николай Николаевич вновь решил проверить. Показывает несъедобный плод, а потом хороший. Спрашивает: «Ваб?» — «Ваб!» Показывает дырявый башмак, а потом целый: «Ваб?» — «Ваб!»

Теперь уже слово «ваб» Николай Николаевич употреблял в смысле «хорошо», но через месяц выяснил, что «казь», оказывается, название табака, а «ваб» означает «большой горшок».

Опять неудача!

Тогда Маклай прибегнул к хитрости: «Я стал давать пробовать разные соленые, горькие, кислые вещества и стал прислушиваться к тому, что говорят пробующие своим товарищам. Я узнал, что “дурно”, “скверно” — одним словом, “нехоро-

шо” выражается словом “борле”. С помощью слова “борле”, которое оказалось понятным для всех, я добился от Туя значения противоположного, которое есть “ауе”».

Эта запись в дневнике датирована 25 января 1872 года. По-надобилось четыре месяца, дабы понять, что «хорошо» звучит по-папуасски как «ауе»!

Нет, не просто давался язык. Еще труднее было завоевать доверие.

Несомненно, Маклай всегда был искренен, без искренности нет доверия. Но в то же время он строил свое поведение по некоему продуманному сценарию с учетом особенностей психологии папуасов.

Он лечил жителей окрестных деревень, дал им гвозди, ножи, топоры, научил выращивать дыни, тыквы, папайю, кукурузу. Русские слова «нож», «тапорр», «арбуз» и сейчас остаются в диалекте бонгу.

Маклай искренне хотел быть полезным, хотел стать другом для папуасов. И тем не менее всегда сохранял дистанцию, преднамеренно окружая себя неким ореолом таинственности.

Вы помните, наверное, как ночью, укравкой Миклухо-Маклай хоронил Боя, не желая, чтобы папуасы узнали о смерти слуги белого человека. Как поджег он в блюдечке спирт и как папуасы упрашивали его «не зажечь моря».

Часто и самые невинные действия Маклая — приготовление ко сну, чаепитие — казались туземцам загадочными.

Когда по незнанию он нарушал какие-то «табу» — оставлял недоеденным кушанье или беззаботно отбрасывал в сторону банановую кожуру, туземцы и это считали проявлением «неземного» могущества.

Каарам-тамо — «человек с Луны».

Папуасы верили, что Маклай умеет летать, может вызвать и прекратить дождь или землетрясение, обеспечить успех в военных действиях.

Он был добрым волшебником — дарил, лечил, предупреждал войны между деревнями. И однажды пришли к нему «тамо

боро» — большие люди, вожди окрестных деревень, чтобы просить его остаться навсегда с ними, стать «тамо боро-боро»...

Пятнадцать месяцев прожил Николай Николаевич среди папуасов. Потом в июне 1876 года вновь вернулся на Берег Маклая. «Я держу слово и возвращаюсь не единственно как естествоиспытатель, а также как и «покровитель» моих черных друзей... Решился защищать, насколько могу, их правое дело — их независимость в случае европейского вторжения».

Уже тянулись к Новой Гвинее руки колонизаторов — голландцев, англичан, немцев, американцев. Не приходилось сомневаться: «Колонизация... кончится истреблением папуасов».

Болезни, алкогольные напитки, проституция, торговля людьми — далеко не исчерпывающий список злодеяний колонизаторов.

Очевидец писал: «Охота за черными была любимым спортом колонистов. Выбирали день и приглашали соседей с их семьями на пикник. После обеда джентльмены брали ружья и собак и в сопровождении двух-трех слуг отправлялись в лес искать черных. Иногда им удавалось подстрелить женщину или одного-двух мужчин.

«Охота на черных птиц» — назывался этот «вид спорта».

Эрнст Геккель считал, что «черные» близки к питекантропу, что они лишь некая промежуточная форма в ряду переходных видов от обезьяны к белому человеку.

Такие взгляды становились знаменем расизма, служили «оправданием» колониальных притязаний.

Наука о народах существовать вне политики не может!

Николай Николаевич убедился, что все факты, выдвигаемые в защиту подобных «теорий», не выдерживают критики.

Утверждали, например, что у папуасов волосы якобы растут пучками, что у них какая-то особенная жесткость кожи, «неполноценный» череп, что с обезьянами их «роднит» оттопыренный в сторону большой палец ноги...

Эдакая глупость!

Николай Николаевич доказал, что волосы у папуасов растут «совершенно так же, как у европейца». Что жесткость кожи отнюдь не врожденная и возникает исключительно по причине незащищенности тела папуаса от постоянного воздействия солнца, ветра, дождей. Оттопыренность большого пальца объясняется тем, что папуасы, не зная крючков, используют ноги при ловле рыбы.

Миклухо-Маклай описал эту необычную ловлю: «...вода там была немного ниже колен, и дно, разумеется, хорошо видно. Вдруг Туй сделал энергичный прыжок, и одна из рыбок оказалась пойманной. Туй ловил их ногой. Он сперва придавил ее ступней, потом поднял, ухватив между большим и вторым пальцем ноги».

Множество единичных наблюдений, фактов приводили к одному и тому же выводу: условия обитания, уклад жизни полностью объясняют — и определяют! — особенности строения тела папуасов, даже цвет их кожи.

«Дойдя... при помощи беспристрастного наблюдения до положения, что части света с их разными условиями жизни не могут быть заселены одною разновидностью *species homo*... и додумавшись, что поэтому существование различных рас совершенно согласно с законами природы, приходится признать за представителями этих рас общие права людей и согласиться, что истребление темных рас не что иное, как применение грубой силы, и что всякий честный человек должен восстать против злоупотреблений его».

Николай Николаевич мечтал образовать независимый Папуасский Союз. Он хотел надеяться, что сумеет еще предотвратить вторжение колонизаторов. Он шлет письма, телеграммы: генерал-губернатору Нидерландской Индии, статс-секретарю английских колоний лорду Дерби, премьер-министру Великобритании Уильяму Гладстону, рейхсканцлеру Германии Отто Бисмарку..

Гладстону: «Мы искренне надеемся, что имперское правительство не признает и не поддержит политику насилия, людокрадства и невольничества».

Бисмарку: «Туземцы берега Маклая отвергают германскую аннексию...»

Он сам прекрасно понимал: «Мои увещания пощадить “во имя справедливости и человеколюбия” папуасов походят на просьбу, обращенную к акулам не быть такими прожорливыми!»

Только через двенадцать лет, в августе 1882 года, Миклухо-Маклай приехал в Россию.

«Желтовато-бледное лицо его носило на себе отпечаток испытанного горя, страданий... И худые щеки, и тусклый взор, и впалая грудь, и еле слышный голос, и частое хватание за бок достались путешественнику как вечные, неудаляемые знаки, которые наложили на него испытанные им лишения и болезни».

Двенадцать лет...

Бывало, годами не получал он никаких вестей из России, странствуя по островам Океании. Каждое новое его путешествие, высадка на каком-нибудь меланезийском острове были новым контактом. Конечно, Николай Николаевич уже имел опыт, но этот опыт подсказывал: контакт может таить любую неожиданность. И, отправляясь на попутной шхуне в очередное плавание, русский путешественник вписывал в договор с капитаном §4: «В случае если г. Миклухо-Маклай будет убит туземцами одного из островов, капитан... обещает не делать никаких насилий относительно туземцев под предлогом “наказания”...»

Порой болезни на недели приковывали его к постели: жестокие пароксизмы лихорадки, ревматизм. Месяцами он не мог оплатить счета и вынужден был занимать деньги под проценты.

От Географического общества еще перед началом экспедиции Миклухо-Маклай получил ссуду в полторы тысячи рублей. Позднее три тысячи рублей пожертвовал В.Л. Нарыш-

кин — член-соревнователь Географического общества, богатый меценат. Семь тысяч семьсот рублей с помощью друзей сумел собрать Александр Александрович Мещерский, тысячу дал Иван Сергеевич Тургенев; тысячу — Павел Михайлович Третьяков. Но и этих денег было недостаточно для новых путешествий.

Итальянский путешественник и ботаник О. Беккари, дважды встречавшийся в Океании с Миклухо-Маклаем, в 1879 году писал: «Еще в первое мое путешествие я застал его в весьма неудовлетворительном физическом и нравственном состоянии, но теперь его почти нельзя было узнать. Известие о почти полном разорении его семейства нанесло сильный удар его организму, уже истощенному всякого рода утомлениями, непрерывными лишениями и климатом тех стран, в которых он жил и которые он при всем том тщательно исследовал. Он страдает от этого тем более, что все его коллекции, антропологические и другие рисунки его, заметки — словом, все плоды его размышлений... находятся в руках нескольких банкиров и купцов, которым он должен был оставить все свои научные сокровища в обеспечение уплаты по нескольким займам, без которых он не мог бы осуществить предначертанного им себе обширного плана изысканий. Таким образом, он находится в плену — не имеет никаких средств возвратиться в Европу... Опасаюсь, что при таких условиях он проживет недолго: физические и нравственные силы его окончательно не выдержат бремени безвыходного, самого трагического и ужасного положения; есть повод опасаться еще худшего, и необходимо сделать все, что только можно, для спасения его... чтоб сохранить науке такого человека и такие труды, а родине его — честь считать его в числе своих сынов».

Петербургская газета «Голос» опубликовала письмо Беккари и объявила общественную подписку. В результате Миклухо-Маклай получил 4500 рублей и смог частично расплатиться с долгами...

Россия встречала его восторженно — общественные выступления, лекции, чтения, обеды.

В одном из писем к брату Николай Николаевич рассказывает, как его принимали в Москве:

«Вчера состоялось чтение в Общ. Любит. Естествознания в зале Технического Музея, что на Лубянке... Г. Губернатор, Митрополит, 2 архиерея и т.д., и т.д. присутствовали. Давка у дверей была страшная, наконец толпа без билетов ворвалась. Мне присуждена большая золотая медаль Общ. М. Люб. Естествознания и т.д. В воскресенье я принял обед, который дают мне профессора и другой ученый люд московский. Я принял под условием: дать мне бифштекс, молоко и не заставлять говорить».

Говорил он плохо — тихим прерывистым голосом, невыразительно. Отвык от русского языка, иногда с трудом подбирая слова. Но слушали его, несмотря ни на что, восторженно. Известный путешественник по Русскому Северу этнограф К.Д. Носилов вспоминает: «Билеты все распроданы... в зале тысячная толпа... почти нечем дышать, но все слушают, слушают слабый, но внятный голос... И шум аплодисментов награждает его за каждый факт... голос его то и дело прерывается, чтобы дать этой разнообразной толпе... выразить свой восторг, симпатию, порывы души хорошему русскому человеку».

Конечно, он открывал слушателям совсем иной, неизвестный, экзотический мир. Но не это вызывало восторг, а сама личность путешественника.

Двенадцатилетние его странствия были воистину подвигом — все понимали это. Однако, кажется, самого Николая Николаевича мало кто понимал. Одни полагали, что в его прошлом кроется какая-то личная трагедия, заставившая его возненавидеть жизнь или по крайней мере цивилизацию, другие считали его просто чудаком и честолюбцем, желавшим во что бы то ни стало «отличиться», прославиться.

Но он был вовсе не честолюбив, более того, безразличен и к славе, и к богатству. В течение 12 лет о его странствиях, о

его работах знали только немногие ученые. За все эти годы только два десятка коротких его сообщений, писем были опубликованы в России, да и то в специальном издании «Известия Русского Географического общества». Пожалуй, впервые внимание русской общественности к деятельности Миклухо-Маклая привлекла газета «Голос», рассказав о его бедственном положении.

Возвращаясь в 1882 году в Россию, Николай Николаевич с горечью писал: «Я никогда не имел времени подумать о средствах к жизни на будущее время. Оказывается теперь, что мне не на что жить».

Первый биограф Миклухо-Маклая, его друг, французский публицист Габриэль Моно (муж младшей дочери Герцена — Ольги Александровны) в 1882 году писал: «Маклай ненавидит шарлатанство и рекламу. Он служит науке, как иные служат религии; он отрешился, насколько это возможно для человека, от всякого личного интереса».

Так было и так есть: для некоторых наука только средство, один из путей, которые ведут к славе и достатку. Для Миклухо-Маклая наука была целью жизни, высоким призванием.

С горечью писал Николай Николаевич: «К сожалению, весьма многие из т. наз. «ученых» относятся к науке как к дойной корове, которая обязана снабжать их ежедневным продовольствием, что делает из ученых ремесленников и иногда даже просто шарлатанов. В таком случае научная истина — дело второстепенной важности для таких господ (а их, к сожалению, много), наука, приносящая им больше грошей, — самая привлекательная...»

Всю свою жизнь он меньше всего заботился о себе, об известности, о благополучии, достатке: вы помните расплывающийся сюртук, который он беспрестанно пытался починить в студенческие годы, два пуда риса и баночку жира, которыми он «запасся», отправляясь на Новую Гвинею.

Можно привести еще более «странные» примеры его отрешенности от всего земного.

«Спроси мать: в каком месяце и которого числа я родился?» «Спроси, пожалуйста, у матери — в каком году я родился?» Подобные вопросы не раз встречаются в письмах Николая Николаевича к сестре и брату.

Дело, конечно, не в рассеянности, дело в умении подчинить всю свою жизнь тому, что кажется главным.

Сам Николай Николаевич считал вполне определенно: «Чем больше мозг наш имеет достойной его работы, тем менее он тратит его деятельность на свою особу».

Не в этой ли полной самоотрешенности истоки его хладнокровного мужества, его терпеливого подвижничества?

Брат Михаил Николаевич писал: «Насколько я знаю, Н.Н. никогда не был влюблен... Без всякого сомнения, он был расположен и симпатизировал некоторым девушкам и женщинам, но это чувство никогда не превозмогало его целей и оно было мимолетно».

Кажется, не совсем прав брат. Сохранилось письмо Николая Николаевича на немецком языке к некоей «милостивой государыне»:

«Вы будете удивлены, получив эти строки, но у меня есть к Вам маленькая просьба: не могли бы Вы прислать мне Вашу фотографию как память о сегодняшнем дне. Благодаря нашему краткому знакомству Вы знаете, в каких руках будет Ваш портрет, и я смею надеяться, что Вы не откажете мне в этой малости. Коль скоро я получу Вашу фотографию, я позволю себе переслать Вам свою.

Пишу на вокзале в Гамбурге и не знаю — должен ли я остаться или ехать дальше...

В любом случае прошу ответа — с фотографией или без нее...

Вы не сможете отказать будущему Новогвинейскому отшельнику в этом маленьком датском воспоминании.

Жду!..»

В письмах из Океании несколько раз мелькают инициалы: «N.», «N.A.», «H.G.». Николай Николаевич просит Мещерского передать H.G. «искренно-дружеский поклон» и сообщить,

что «фотография ее, которую получил, кажется, в 1869 году и которая со мною, совсем пожелтела».

Опять фотография! Конечно, это совпадение может быть случайным, отождествлять «милостивую государыню» с Н.Г. нет пока что никаких оснований. Удовольствуемся тем, что тайна Н.Г. была недавно раскрыта. Биограф Миклухо-Маклая Борис Николаевич Путилов пришел к неожиданному, но весьма убедительному выводу: «Все говорит за то, что инициалами Н.Г. в письмах Мешерскому обозначена Наталья Александровна Герцен». Добавим, пожалуй, что после кончины Николая Николаевича вдова его получила письмо от Натальи Александровны. Необычное, наверное, письмо.

«Я хотела бы познакомиться с нею, — записывала в дневнике вдова. — Я думаю, она очень добра и любила и уважала моего дорогого Нильса...»

С Маргаритой Кларк-Робертсон Николай Николаевич познакомился в Сиднее в декабре 1881 года. Отец ее, бывший премьер-министр английской колонии Новый Южный Уэльс, оказывал Николаю Николаевичу помощь в организации морской зоологической станции, которую предполагалось открыть в Сиднее.

Уезжая в Россию, Миклухо-Маклай увозил с собой фотографию Маргариты Робертсон. На обратной ее стороне дата — февраль, 1882 — и аббревиатура — шесть латинских букв: N.V.D.C.S.U.

Во время захода в Александрию Николай Николаевич послал ей официальное предложение.

Рита была согласна.

Однако, вернувшись в Сидней, Николай Николаевич убедился, что все родственники и почти все друзья его невесты настроены резко против. От Миклухо-Маклая требовали, чтобы он представил специальное разрешение на брак по протестантскому обряду.

Сам Николай Николаевич еще в студенческие годы порвал с религией, но под давлением обстоятельств вынужден был телеграфировать в Петербург гофмаршалу двора: «Требуется

разрешение государя для моей женитьбы на протестантке по протестантскому обряду».

Брату он пишет: «Рита, бедная, не знает, кого слушаться, — меня или отца своего, которого она очень любит... Я не думал никогда, что такое простое на вид дело, как взять жену, сопряжено будет для меня с такою кучею хлопот, неудобств и помех разного рода».

27 февраля 1884 года свадьба наконец состоялась.

Родственники Маргариты, по-видимому, так и не примирились с их браком. Но сами молодожены были счастливы.

Отвечая на одно из поздравлений, Николай Николаевич пишет: «Вы вполне правы, называя меня счастливым человеком. Я понимаю теперь, что женщина может внести истинное счастье в жизнь человека, который никогда не верил, что оно существует на свете...»

Два сына родились один за другим, с разницей в один год, — Алик и Аллан (Володя)...

Тучи тем временем все сгущались над Берегом Маклая, и он вновь и вновь пытался защитить своих друзей. Возникает новый план основать русское поселение, коммуну либо на Берегу Маклая, либо на одном из островов Океании.

Вначале казалось, что этот план может осуществиться. Миклухо-Маклай специально поехал в Россию, добился аудиенции у царя, который обещал поддержку. В газетах было опубликовано объявление, и число желающих поселиться на островах Тихого океана быстро достигло двух тысяч человек. Однако комиссия, созданная под председательством министра иностранных дел, сочла план Миклухо-Маклая нереальным, не соответствующим интересам России.

«Несмотря на эту неудачу, Н.Н., однако же, не потерял надежды со временем осуществить задуманный им план...»

Такими вот словами надежды Миклухо-Маклай завершил автобиографический очерк, написанный уже в больнице, перед самой смертью...

Летом 1887 года Николай Николаевич перевез в Петербург жену, сыновей. Как она, австралийка, никогда не видевшая снега, перенесет русскую зиму?

Сам Николай Николаевич, приезжая в Петербург, всегда жестоко страдал от ревматизма, невралгий. Но необходимо было завершить подготовку дневников к изданию. Кроме всего прочего от этого зависело материальное благополучие семьи: жить по-прежнему было не на что.

Поселились они на Галерной улице, в доме 53. Сняли квартиру на год.

Михаил Николаевич писал матери: «Его жену видел и вчера, и нынче — она симпатичная, чистая англичанка, спокойная, у нее хорошие глаза; она худа и низка ростом, так что они друг к другу. Дети хорошие и красивые, но очень худые и шуплые... Жаль, что я не могу говорить с женою брата. Хочется, да нельзя, и ей, по-видимому, хочется».

На Николая Николаевича свалились непривычные заботы: надо покупать мебель, посуду, нанимать прислугу. А денег нет.

Уже в первые дни он пишет брату Сергею: «Пришли, пожалуйста, денег — у меня осталось только несколько рублей».

Дети постоянно хворали, жена не могла не чувствовать себя одинокой в чужой стране, без знания языка.

1 января 1888 года, наверное по совету Николая Николаевича, она начала вести дневник. Короткие записи в расходной книге. Один день — одна страничка.

1 января. «Мы не знаем, что ждет нас в наступающем году... С Божьей помощью я встречу все лицом к лицу...»

А дальше обыденные каждодневные записи: расходы, жалобы на дороговизну, на холода, на безденежье.

6 января она записывает: «Мадам Богданова говорит, что я — “тема дня”! Петербургский предмет разговоров: люди спрашивают друг друга, видели ли они английскую красавицу. Говорят: Миклухо-Маклай так ревнив, что не разрешает никому видеть свою жену, он держит ее взаперти, чтобы она принадлежала только ему. Идиоты — если... правда, что они говорят такие вещи».

Она действительно неделями не выходит из дома. Николай Николаевич, ее любимый Нильс, тяжело болен.

«Я чувствую себя очень одинокой, и мне сегодня очень грустно. Я хочу, чтобы мой любимый мог закончить свою работу, чтобы мы могли уехать. Не то чтобы мне не нравилась Россия, но климат...»

8 января. «Сегодня вечером опять был приступ ревматизма в коленях и в руках. И с 4 часов он был опять совершенно обес- силен головной болью».

15 января. «Ему очень трудно есть — у него опухла одна сторона лица, он иногда едва может открыть рот... Он страдает ужасно... у него сильные боли... Ревматическая боль усиливается, его несчастное лицо совершенно искажено от боли».

Она живет ожиданием: вот станет Нильсу чуть получше, кончит он рукопись, они получат деньги, хотя бы немного. Конечно, проклятое безденежье угнетает и его, усиливает болезни.

13 января. «Теперь он очень беспокоится о деньгах. У нас осталось совсем мало. Не могу ли я что-нибудь сделать, чтобы заработать немного? Он совершенно, полностью не способен работать, а мы не можем жить без денег. Это его очень изводит».

18 января. «Как я хотела бы сделать что-нибудь, чтобы достать денег, у нас осталось совсем мало, и бедный Нильс совсем не может работать или писать статьи, чтобы получить что-нибудь. Другие женщины зарабатывают, почему я не могу? Нильс говорит, что он не позволит мне этого. Но я очень хочу».

20 января Николай Николаевич пишет записку: «Брат Миск. По случаю нездоровья я не мог приготовить вовремя 2-ю половину статьи моей для Н.В. ("Нового времени". — Авт.),

Девушка оран-утан, алакский полуостров. Страница полевого дневника Н.Н. Миклухо-Маклая

почему я не могу получить за нее гонорар. Но я приготовил ее сегодня к отправке в редакцию и, вероятно, получу деньги завтра или послезавтра. Если можешь, пришли мне руб. 10. Я их возвращу тебе, как только получу из редакции...

М.М.».

И приписка: «Здоровье положительно не лучше».

А на следующий день, 21 января, был день ее рождения. Многое, наверное, вспомнилось, передумалось.

«Сегодня мне 29 лет! Мария В. и Миск пришли на обед, отпраздновать... Бедный Нильс, конечно, не мог прийти в столовую».

К ним в дом приходят немногие: брат Михаил с женой, В.Ф. Суфшинский — товарищ Николая Николаевича по гимназии, антрополог А.П. Богданов, журналист Модестов.

За те двенадцать лет, что он странствовал, о нем почти забыли, потом рукоплескали, а теперь...

27 января их дом неожиданно посетил великий князь Николай Михайлович. Только соболезнования, никакой помощи. В дневнике Маргариты вновь и вновь холодная тоска беспросветной нужды. «Сама мысль просить денег приводит меня в ужас...»

1 февраля пришел брат Владимир, принес 75 рублей: «Он очень, очень хороший, знал, что нам надо... Это очень большая помощь для нас, хотя мы не можем заплатить 50 рублей за квартиру».

16 февраля мать прислала 800 рублей — доходы с небольшого именица Малин, которое она после смерти мужа купила в Киевской губернии.

Николая Николаевича к этому времени уже положили в клинику, к знаменитому профессору Боткину.

«Я не могу писать, я думаю о нем и переживаю за него, там — мой несчастный любимый! Такой больной, такой больной — и одни чужие вокруг него, я не хочу этого, я не хочу этого. Да поможет Бог — ему должно стать лучше!»

Теперь день за днем в дневнике почти только и остаются

записи о состоянии его здоровья. И еще о деньгах. Каждый день она ездит к нему в клинику. Поездка — 60 копеек.

Николаю Николаевичу то лучше, то хуже. В двадцатых числах марта появляется надежда на выздоровление. Профессор Боткин говорит, что скоро его можно будет взять домой. То ли действительно было некоторое улучшение, то ли Сергей Петрович Боткин не хотел, чтобы они теряли надежду — и он и она.

Но ее-то любящее сердце обмануть нельзя.

28 марта. «Была с Нильсом почти весь день... он выглядит очень больным. Он вел себя так странно, был такой нервный и возбужденный сегодня, что совершенно напугал меня. Он настоял на том, чтобы сесть и начать паковать вещи, после чего был совершенно измучен и близок к обмороку...»

31 марта. «Я никогда прежде не видела его в таком плохом состоянии. Я боялась оставить его... Одна только я понимаю его по-настоящему... Я убеждена, что он в очень опасном состоянии — я даже боюсь думать об этом. Боже... пощади моего любимого».

2 апреля. «Всю прошлую ночь и весь день каждые 10—15 минут он был на моих руках... Мой любимый умирал, я знала это. Днем мой дорогой страдал ужасно. Он был в сознании и много раз разговаривал со мной, но лишь повторял одни слова — “моя любимая”. Он был на моих руках перед тем, как испустить последний вздох...»

На могиле его, на Волковом кладбище, — мраморная плита. Те же загадочные буквы — N.V.D.C.S.U.

Маргарита де Миклухо-Маклай — так она подписывала официальные бумаги — еще полгода после смерти мужа оставалась в России. Это по ее заказу изготовлено надгробие, и только она знала тайну латинских букв.

В биографии Николая Николаевича, которую она написала, есть глубоко личные строки: «Он был очень преданным мужем и отцом, исключительно привязанным к семейной жизни и нежно любившим свой дом».

А еще в этой биографии есть такие строки: «Будучи много лет разлучен с цивилизованным миром, он проникся необыкновенной симпатией ко всему страдающему человечеству».

Уезжая из Петербурга, Маргарита сожгла большую часть дневников, личных писем Миклухо-Маклая: «Весь день я жгла письма и бумаги, пока моя голова совсем не разорвалась... Никто не должен видеть их. Многие хотят их увидеть. Никогда, никогда».

Такова действительно была воля Николая Николаевича. Он сам уничтожил часть своих дневников, так как очень боялся, что его записи могут невольно облегчить европейским колонизаторам доступ во внутренние части Малаккского полуострова, на острова Океании.

«Я решил... положительно ничем, ни прямо, ни косвенным путем, не способствовать водворению сношений между белыми и папуасами».

Что ж, его опасения были отнюдь не беспочвенны. Агент одной из торговых фирм Германии Отто Финш, высадившийся на Берег Маклая, назвал себя Абадан Маклай — «брат Маклая». Его встречали как друга. А в 1885 году здесь начала хозяйничать германская Новогвинейская компания.

Николай Николаевич служил науке и лучше, чем кто-либо, понимал значение своих дневников. Но в этом случае интересы науки отступали на второй план.

«Единственная цель моей жизни — польза и успех науки и благо человечества», — писал Миклухо-Маклай.

Оценивая значение работ, жизни, деятельности Николая Николаевича, его биографы говорят: «Самое характерное для Миклухо-Маклая — это поразительное сочетание в его лице черт смелого путешественника, неутомимого исследователя-энтузиаста, широко эрудированного ученого, прогрессивного мыслителя-гуманиста, энергичного общественного деятеля, борца за права угнетенных колониальных народов. Подобные качества порознь не составляют особой редкости, но сочетание всех их в одном лице — явление совершенно исключительное».

И все же прав Лев Николаевич Толстой, который в 1886 году писал Николаю Николаевичу: «Не знаю, какой вклад в науку, ту, которой вы служите, составят ваши коллекции и открытия, но ваш опыт общения с дикими составит эпоху в той науке, которой я служу, — в науке о том, как жить людям друг с другом...»

Маргарита де Миклухо-Маклай прожила после смерти мужа еще сорок восемь лет. И она, и дети ее оставались русскими подданными.

Рассказывают, что она, почти не снимая, носила заказанную в Петербурге брошь с переплетенными буквами «М.М.» и браслет с той самой таинственной аббревиатурой: N.V.D.C.S.U.

Один из внуков — Роб Маклай — по приглашению Академии наук СССР неоднократно приезжал в Советский Союз. В 1979 году он организовал и возглавил Австралийское общество Миклухо-Маклая. Одна из задач общества — изучение вклада Николая Николаевича «в познание культурных, интеллектуальных, личностных ценностей всех ветвей человеческой семьи независимо от цвета кожи и расы, государственного и социального статуса или вероисповедания».

Жена Роби Маклая — Алиса Маклай — считает, что она сумела разгадать тайну латинских букв.

None but death can separate us — «Ничто, кроме смерти, не может разлучить нас».

ГЛАВА 9. ПУТИ К ВЕРШИНЕ ПЛАНЕТЫ

Пять раз шел Роберт Пири к вершине планеты и пять раз вынужден был повернуть обратно. То незамерзающая открытая вода, то непроходимые торосы останавливали его.

В промежутках между экспедициями на год-другой он возвращался на родину в США. Возвращался только для того, чтобы подготовить новую экспедицию. В общей сложности полтора десятка лет прожил он среди эскимосов на крайнем севере Гренландии.

Во время одной из экспедиций он отморозил ноги. Восемь пальцев пришлось ампутировать. Но ни этот несчастный случай, ни многочисленные неудачи не смогли сломить упорства путешественника...

Роберт Эдвин Пири родился в штате Пенсильвания 8 мая 1856 года. Отец умер, когда мальчику было два года. Роберт — единственный сын у горячо любящей его матери.

Он окончил школу, колледж. Работал чертежником в Береговой геодезической службе США. Потом перешел в военно-морское ведомство, получил звание лейтенанта, должность инженера. В тропических лесах Никарагуа проводил изыскания трассы канала через перешеек. А в 1886 году взял отпуск, попросил у матери 500 долларов и неожиданно для всех уехал в Гренландию...

Античные географы делили земной шар на пять широтных поясов, лишь два из которых считали «умеренными и обитаемыми». Экваториальный пояс «необитаем вследствие жары», два полярных «также необитаемы вследствие холода».

Проходили века и тысячелетия, а представления о полярных странах по-прежнему были полны нелепостей и суеверий. Там «лежит царство льдов и мрака и находится вязкое, наполненное чудовищами море». Там «раскрытая пасть бездны, куда вливаются все моря и где возникают приливы и отливы».

На глобусе Мартина Бейхейма (1492) Северный полюс окружен морем. На карте Меркатора (1569) в районе полюса находится большой континент, разделенный на части реками. Но все это лишь предположения, досужие вымыслы — никаких достоверных данных нет.

Считалось, вы уже знаете это, что морская вода вообще не может замерзать!

Еще в незапамятные времена русские поморы вышли в Ледовитый океан. На кочах, лодьях дошли до берегов Матки — Новой Земли. Задолго до плавания Баренца в водах Северного Ледовитого океана открыли Грумант (Шпицберген), промышляли зверя — белуху, моржа, медведя, зимовали. В XVII веке прошли на восток, достигли оконечности материка — современного мыса Дежнёва.

Сам Михаил Васильевич Ломоносов со льдами океана был знаком отнюдь не понаслышке — не раз выходил с отцом на промысел. Как же совместить лабораторные опыты и существование реальных льдов?

Надо сказать, что лабораторные наблюдения Ломоносова совершенно справедливы. Морская вода, налитая в стакан, на-

Роберт Эдвин Пири.
Родился 6.05.1856 года,
умер 20.02.1920 года

чинает замерзать при температуре около минус 1,9° и, как писал ученый, образует рыхлый серый лед «в роде сала», непрозрачный и соленый. А чтобы заморозить стакан морской воды окончательно, необходимы очень низкие температуры, около минус 55°.

Но в реальном океане все происходит несколько иначе. Верно, молодой, только что образовавшийся лед содержит внутри себя, как вы знаете, капсулы рассола, что делает его непрозрачным и соленым. Постепенно рассол стекает, лед становится пресным, крепким и прозрачным.

Вот он, парадокс, вот причина заблуждения — из соленой морской воды образуется пресный лед!

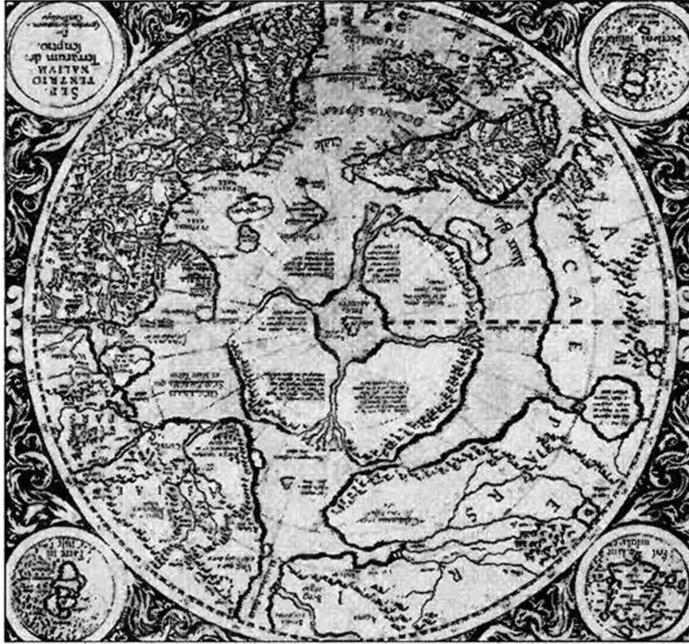
Конечно, Ломоносов не мог предвидеть особенностей льдообразования в реальных морских условиях. А лабораторные опыты приводили к выводу:

«Столь крепкий, прозрачный и пресный лед, каков тот, из которого образуются стамухи, не может сам собою замерзнуть в море».

Тогда совершенно логичен и следующий вывод: «Ледяные поля, или стамухи, берут свое начало в устьях больших рек, вытекающих из России в Ледовитое море». Логично и окончательное заключение: «В отдалении от берегов Сибирских океан в летние месяцы от таких льдов свободен, кое бы препятствовали корабельному ходу и грозили бы опасностью».

Михаил Васильевич Ломоносов предлагает план первой русской высокоширотной экспедиции. В мае 1765 года три корабля выходят из Екатеринославской гавани на Мурмане. «Чичагов», «Панов», «Бабаев» — написано на их бортах. Это названия кораблей и фамилии их командиров.

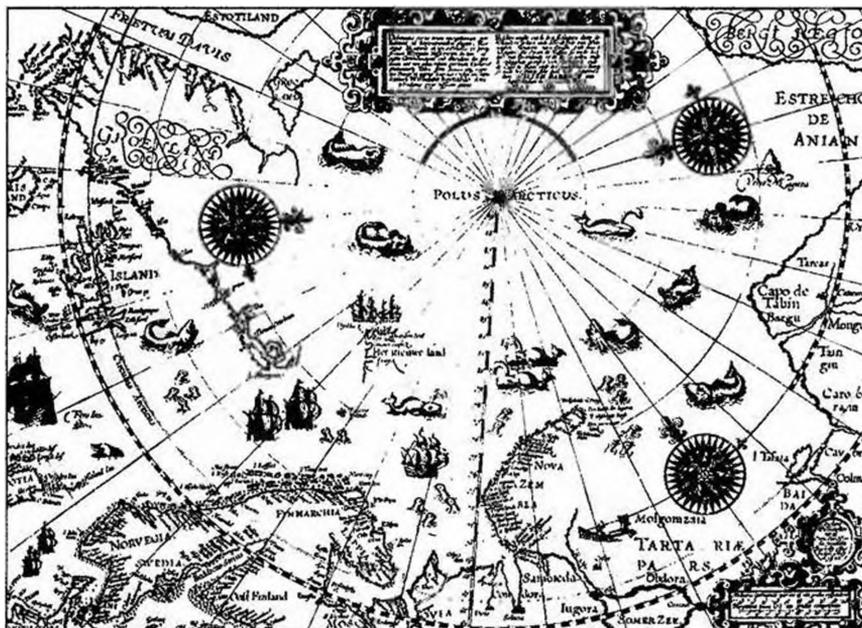
«Для пользы мореплавания и купечества избрали мы учинить поиск морского проходу Северным океаном в Камчатку и далее», — гласит секретный указ Адмиралтейств-коллегии, который вручен начальнику экспедиции капитану первого ранга Василию Яковлевичу Чичагову.

Карта Герарда Меркатора, 1569 год

Намеченный маршрут пролегал между Шпицбергенем и Гренландией. Лавируя среди льдов, русские корабли пробились на север.

«Июнь, 26. Во втором часу пополудни нанесло с моря течением множество густого льда и превеликие льдины, — читаем мы в вахтенном журнале Чичагова. — И для того по крайнему разумению изыскивали способы к сохранению себя от бедствия. И старались оной лед разводить шлюпками. А как оной час от часу умножался и становился гуще, так что не допустить до судов были не в силах, тогда с каждого судна отводили шестами и крючьями. Однако от многих льдин были весьма чувствительные удары. Отчего сделало судам повреждение и во многих местах вторую обшивку проломило. Служители от великих трудов и бессонницы приходили в бессилие».

Карта Баренца, конец XVI века

В борьбе со льдами и непогодой корабли сумели достичь $80^{\circ}26'$ северной широты, но здесь были вынуждены повернуть обратно.

«За неизмеримым количеством льда во все время нашего плавания как вдоль гренландского берега, так и сквозь льды проходу не усмотрено. И по всем видимым нами обстоятельствам северный проход за непреодолимыми препятствиями от льдов невозможен», — писал Чичагов в отчете.

Адмиралтейств-коллегию не удовлетворили результаты плавания. На следующий год русские корабли вновь выходят на штурм льдов. Но, несмотря на все усилия, удается продвигнуться всего на четыре мили дальше к северу — до $80^{\circ}30'$.

Плавания русских мореплавателей в 1765—1766 годах стали по существу первой в мире полярной научно-исследовательской экспедицией. Российские моряки провели обширные научные работы в восточной части Гренландского моря:

метеонаблюдения, измерения глубин, магнитного склонения, испытание морских навигационных и океанографических приборов, сконструированных М.В. Ломоносовым, изучили течения и взяли пробы морской воды.

В 1773 году английская экспедиция Джона Фиппса на кораблях «Рейс-Хорс» и «Каркас» повторила попытку Чичагова. Вновь неудача! Корабли затерло льдами, и англичане даже решили их покинуть, возвращаться на шлюпках. Но, к счастью, благоприятный ветер дал возможность выбраться на открытую воду.

Возможность достижения полюса на корабле казалась все более призрачной.

«Если льды препятствуют свободному плаванию кораблей, то, может быть, прямо по льду можно достичь полюса?» — думал английский полярный исследователь Уильям Парри. В 1827 году судно «Хекла» доставило экспедицию Парри к северо-западному побережью острова Западный Шпицберген (широта $79^{\circ}55'$). Однако путь по льдам оказался отнюдь не легким — восторошенные ледяные поля, трещины, торосы. Использовать, как предполагалось, ездовых оленей в таких условиях не удалось. Англичане вынуждены были сами перетаскивать поставленные на полозья лодки, с трудом прокладывая себе дорогу в нагромождениях льда. Им удалось достичь широты $82^{\circ}45'$. Парри убедился, что все их усилия тщетны: лед, как выяснилось, находился в постоянном движении, дрейфовал. Скорость движения льда превышала четыре мили в сутки. Встречный дрейф настойчиво тянул их к югу и за время необходимых часов отдыха относил назад почти на столько же, на сколько они успевали продвинуться вперед за 11—12 часов работы.

Нам с вами, читатель, известно, что Северный Ледовитый океан несколько не похож на замерзшее озеро, скованное сплошным льдом. Его покров постоянно «разрывается» под влиянием колебаний температуры, под влиянием ветра и течений. Если смотреть сверху — с самолета, из космоса, океан напоминает

огромную мозаичную картину. Кусочки этой мозаики — отдельные маленькие льдины и огромные ледяные поля, площадь которых может достигать десятков квадратных километров. А сама картина меняется как в калейдоскопе — ветер и течения перемешают мозаичные плитки в различных направлениях.

Ледяные поля сталкиваются, наползают друг на друга. Представьте себе, масса каждого из них достигает двух-трех, а то и более миллионов тонн. С грохотом и скрежетом крошатся при столкновении края льдин. Обломки их встают на дыбы, рушатся, вновь громоздятся вверх. Так возникают ледяные горы — торосы. Их высота достигает 10—15 метров!

Лед преграждает кораблям путь к полюсу. Гряды торосов и открытая вода преграждают путь тем, кто идет по льдам.

В 1875 году английская экспедиция Джорджа Нэрса и Альберта Маркхема сумела через Смитов пролив пробиться до широты 82° , но здесь их вновь остановили льды. Во время зимовки отряд Маркхема по льду достиг $83^\circ 20'$. Но жестокие пятидесятиградусные морозы и непроходимые торосы заставили повернуть обратно.

Газеты Европы цитировали тогда слова Нэрса: «Северный полюс недосыгаем!»

Через шесть лет американский лейтенант Джеймс Локвуд, участник экспедиции Грили, продвинулся дальше... на семь километров. Но и он, и еще 18 участников экспедиции погибли при возвращении домой.

Сотнями жизней уже заплатило человечество, прокладывая путь к вершине планеты. А результаты? Достигнута широта $83^\circ 24'$, за 275 лет пройдено 335 километров. Чуть больше километра в год!

В июне 1886 года китобойное суденышко «Игл» («Орел») высадило Роберта Пири в Годхавне.

Кажется, в то время Пири еще не задумывался всерьез о покорении полюса. Планы его были более скромными: пересечение Гренландии от западного берега до восточного.

Страна льдов и мрака, бездна, куда вливаются все моря.
Старинная гравюра

Теперь мы знаем, что территория крупнейшего в мире острова занята огромным покровным ледником. Но в то время внутренняя часть Гренландии оставалась на картах белым пятном. Существовало мнение, что ледники только окаймляют остров, а за ними должны находиться обнаженные скальные участки с более мягким климатом, даже покрытые лесами.

В 1878 году пересечь Гренландию пытался датчанин Йенсен, в 1883 году — швед Норденшельд. Но обе эти попытки окончились неудачей.

Пири также не смог добиться успеха. За 26 дней его отряд сумел продвинуться менее чем на 100 миль в глубь ледяной пустыни — меньше даже, чем отряд Норденшельда. Но важнее другое: гренландская экспедиция составила ему имя, а сам он теперь уже безнадежно «заболел» Севером.

Биограф пишет: «В материковых льдах Гренландии во время разведывательной экспедиции в нем (в Пири. — *Авт.*) впервые проснулся вкус к арктическим путешествиям. Это был путь, суливший ему желанную славу».

Так было и так есть — полюсы планеты всегда манили не только ученых, исследователей, но и людей, далеких от науки, людей честолюбивых. Иные из них думали о славе родины, другие — о личной славе.

Пири не был ученым. «Вы не хуже меня знаете, что все эти разговоры о научных данных, которые хорошо было бы получить, и о том, что сам по себе полюс ничего не значит, — чушь. Вы и я, мы оба уже не маленькие, и мы оба знаем, что никакая так называемая научная информация не может сравниться с достижением полюса», — писал он другу.

Прав биограф, движущей силой его поступков и действий всегда оставались честолюбие, стремление исключительно к личной славе.

«Я должен добиться славы...»

«Мне хотелось бы заработать имя, чтобы чувствовать себя выше всех, с кем доведется встретиться в жизни».

В 1888 году норвежцы во главе с Фритъофом Нансеном предприняли попытку пересечь ледниковый щит Гренландии. Нансен выбрал иной путь, чем Пири. Он решил начать с восточного, совершенно безлюдного побережья, почти постоянно отгороженного от мира поясом льдов. Подойти на судне к берегу не удалось. Норвежцы высадились на дрейфующие льды, и «Язон», доставивший их, ушел.

Именно такое решение и было, по мнению Нансена, залогом успеха. На это и был рассчитан план.

«Когда путешествие уже начнется, позади будут сожжены все корабли, и для сохранения своей жизни и возвращения домой необходимо будет идти до населенных мест на западе во что бы то ни стало; иного выбора не будет, а это всегда сильный стимул в действиях человека».

План Нансена увенчался полным успехом — норвежцам впервые в истории удалось пересечь ледяной щит, доставить науке первые сведения о внутренних частях Гренландии.

Казалось бы, Пири, как никто другой, должен был оценить смелость плана и мужество норвежцев. Но он воспринял ус-

пех Ф. Нансена и его товарищей как личное оскорбление: «Это исполнение задуманного мною предприятия нанесло серьезный удар мне».

Пири в это время продолжал работать в Никарагуа, потом перебрался в Филадельфию. Заручившись поддержкой Американского географического общества и Филадельфийской академии наук, получил денежную субсидию, выхлопотал на службе восемнадцатимесячный отпуск и в 1891 году вновь отправился в Гренландию. Свою цель он сформулировал так: «...достигнуть и определить северную границу Гренландии сухопутно, то есть пересечь внутренний лед».

Первую свою поездку в Гренландию Пири называл разведкой. Но на этот раз он действительно возглавил экспедицию: специальное судно, тридцать человек на борту.

В самом начале, еще на подходах к месту зимовки, огромный кусок льда заклинил руль судна, тяжелый железный румпель резко развернуло. Удар пришелся Пири по ногам.

— Перелом обеих костей над лодыжкой, — констатировал врач экспедиции Фредерик Кук.

Пири в своей книге уделяет этому эпизоду три строчки: «Благодаря профессиональному искусству моего врача Кука и неусыпной и внимательной заботе миссис Пири мое полное выздоровление было быстро достигнуто».

И уже через полтора месяца Пири лично участвует в заброске продовольственных депо, которые должны обеспечить санные путешествия будущего года. Зимой в коротких походах испытывалось снаряжение, люди тренировались в хольбе на лыжах. Эскимосские женщины шили одежду. А весной Пири отправился в поход и прошел по ледниковому щиту более 2000 километров, совершив двойное пересечение Гренландии в самой северной ее части.

В январе 1899 года Пири, готовя бросок к полюсу, в самое темное время полярной ночи решится забросить вспомогательный склад продовольствия. Его отряд будет неделю пробиваться к Форту-Конгер:

«Мы шли в полной темноте, по ледяным нагромождениям, спотыкаясь, падая, снова поднимаясь, и пробивали дорогу дальше и дальше в течение 18 часов».

Когда в Форте-Конгер, в том самом доме, где когда-то зимовала экспедиция Грили, он впервые за неделю сможет раздеться, он увидит, что ноги безнадежно отморожены.

Мет Хенсон, слуга-телохранитель, участник всех экспедиций Пири, расскажет впоследствии.

«Ноги Пири были бескровно белыми до самых колен, и, когда я снял с них меховые носки, мы увидели, что пальцы прилипли к меху и в суставах были страшные глубокие трещины».

Корабельный врач Томас Дедрик ампутировал ему восемь пальцев, и вновь отряд будет пробиваться в ночи — теперь уже назад, к месту стоянки «Виндоурда». Можно себе представить, какую боль в ампутированных ногах должен был испытывать все это время Роберт Пири. Но он в своей книге напишет об этой обратной дороге только две строчки: «Двадцать восьмого мы достигли места стоянки «Виндоурда». Все, за исключением меня, прошли пешком 250 миль за 11 дней...» Его эти 11 дней везли на нартах. А уже через месяц после ампутации он снова отправится к Форту-Конгер... на костылях. Что бы там ни было, весной они должны идти к полюсу!

Пири был неистов в работе, он не щадил ни себя, ни других людей. И не терпел, когда его спутники проявляли самостоятельность, когда имели собственное мнение, отличное от его мнения.

В 1892 году в своем отчете Филадельфийской академии наук Пири характеризовал доктора Кука как «неутомимого исследователя необычного народа, среди которого нам довелось жить». «Кук, — писал Пири, — собрал сведения о племени, до него никем еще не описанном в литературе».

Чуть позже Кук написал статью о своих этнографических исследованиях и попросил у Пири разрешения на ее публикацию, поскольку еще до начала экспедиции был связан определенными договорными обязательствами. Пири отказал.

В той же первой экспедиции произошел трагический инцидент с Джоном М. Вирхофом. Он был юн, как видно, неумел, возможно, не слишком усерден. Обстоятельства этой трагедии ясны не до конца, но, по словам других участников экспедиции, причины ее кроются в нетерпимости, безжалостности Пири.

Один из участников экспедиции вспоминал Вирхофа: «Этот молодой человек... внес 2000 долларов в фонд экспедиции. Он был энтузиастом, который не пожалел ни времени, ни денег, ни самой жизни ради Пири. С ним обращались словно с эскимосской собакой. Когда я видел его в последний раз в лагере, он, весь в слезах, рассказывал о несправедливости Пири. Миссис Пири... тоже сделала многое, чтобы отравить ему жизнь, и об этом Вирхоф только и говорил. В конце беседы он произнес: “Я не хочу возвращаться домой на одном корабле с этим человеком и этой женщиной...” Он так и не поехал домой на корабле Пири. Вместо этого он пошел через ледники, где и остался навек, провалившись в синюю пасть трещины».

Айвинд Аструп дважды участвовал в экспедициях Пири. Во время второй он тяжело отравился лежалым пеммиканом и принял решение самостоятельно возвращаться из Гренландии. Он не считал себя связанным договорными обязательствами, поскольку работал бесплатно, и, вернувшись на год раньше Пири, в 1894 году, опубликовал небольшую статью о своем переходе от места зимовки до обитаемых мест, уточнив карту залива Мелвилла.

Пири был взбешен, он обвинил Аструпа в нарушении «этики», в дезертирстве. А ведь молодой норвежец был искренне предан Пири, можно сказать, боготворил его.

По свидетельству товарища, Аструп, «будучи совсем молодым и еще очень чувствительным человеком, едва не лишился рассудка оттого, что постоянно размышлял о такой несправедливости и неблагодарности... Целыми днями и неделями норвежец не мог говорить ни о чем, кроме как о чудовишно

Фритъоф Нансен
(10.10.1861—13.05.1930)

бесчестных нападках и обвинениях в дезертирстве, которые позволил себе Пири... Потом он неожиданно... вернулся в Норвегию. Вскоре мы узнали о его самоубийстве. Это была прямая жертва фанатичной нетерпимости и грубости Пири».

Нам еще не раз придется говорить о «полярной этике», поскольку сам Пири очень любил повторять эти слова и поскольку его представления о ней были достаточно своеобразны.

Еще в 1888 году Пири считал, что Нансен поступил «неэтично», так сказать, узурпировал его, Пири, «право» на пере-

сечение Гренландии. В дальнейшем он будет доказывать, что обладает некими правами на весь американский Север, на полюс. Кстати сказать, спешка при заброске продовольствия в Форт-Конгер в 1899 году, когда Пири так серьезно обморозился, объясняется именно тем, что американский путешественник стремился опередить норвежца Ото Свердрупа...

Конечно, нелепые «претензии» Пири ни в коей мере не могли остановить других полярных путешественников.

В 1892 году Фритъоф Нансен предлагает оригинальный и смелый план.

В 1881 году у Новосибирских островов была раздавлена льдами паровая яхта «Жаннетта», на которой американская экспедиция Джорджа Де-Лонга пыталась пробиться к полюсу со стороны Берингова пролива. «Жаннетта» затонула, а через три года ее обломки, некоторые вещи участников были найдены... у юго-западного побережья Гренландии!

Нансен предположил, что существует некий постоянный дрейф льдов от берегов Сибири до Гренландии. Его план — вморозить судно в лед где-нибудь к северу от Новосибирских островов и... отдаться на волю стихий: «Если попытаться работать заодно с силами природы, а не против них, то мы найдем вернейший и легчайший способ достичь полюса».

Сотни судов погибли в борьбе со льдами, а вот теперь Нансен предлагает «по доброй воле» отдать судно во власть льдов!

«Безумный способ самоубийства доктора Нансена... Было бы преступлением оказать поддержку самоубийце», — писали газеты.

После пересечения Гренландии Нансен стал в Норвегии воистину национальным героем. Тогда, в 1888 году, правительство отказало ему в скромной денежной субсидии — всего-то 5 тысяч крон. Теперь Нансен просит и немедленно получает 300 тысяч крон.

Впрочем, только на родине верят ему. Зарубежные полярные авторитеты относятся к плану молодого норвежца весьма скептически.

Во-первых, никто не знает, что там, вблизи полюса. На картах по-прежнему белое пятно. Одни считают, что Нансен найдет здесь открытую воду или лед, другие — что полюс окружен сушей.

Во-вторых, сами находки кажутся весьма сомнительными. Конечно, какие-то вещи действительно были найдены, с этим нельзя не согласиться, но, возможно, они принадлежат команде «Протея», погибшего в проливе Смита, то есть там же, у берегов Гренландии.

Проверить первоначальные сообщения, к сожалению, нельзя: все найденные вещи то ли где-то затерялись, то ли попросту уничтожены.

В-третьих, пусть даже постоянный дрейф существует, льды все равно неминуемо раздавят судно.

Однако Нансен доказывал, что специально построенный «Фрам» обладает повышенной прочностью, так как подвод-

ная часть судна имела обводы (нечто вроде яйца) наподобие обводов корпуса знаменитого коча русских поморов. Поэтому предполагалось, что при напоре льдов «Фрам», так же как и коч, будет «выскальзывать» из ледовых объятий.

Но полярные авторитеты не могли в это поверить: «Форма его не имеет никакого значения. Оно неподвижно заключено в окружающую ледяную глыбу и составляет нераздельную ее часть. Фактически формой судна станет тогда форма той льдины, в которую она вмерзнет».

Не верили ни в гипотезу Нансена, ни в его судно, ни в силы участников экспедиции.

«Не говоря уже о возможности цинги, против которой еще нет верных профилактических средств, нужно еще учесть, что на моральном состоянии экипажа скажется угнетающее влияние таких факторов, как продолжительное пребывание в тесных помещениях в течение многих месяцев полярной ночи, жестокий холод, бездействие, скука, постоянные опасности и полная неуверенность в будущем».

Несмотря на все мрачные пророчества, в середине июля 1893 года «Фрам» вышел в море. На борту только норвежцы — 13 человек. Нансен не хочет считаться ни с авторитетами, ни с морскими суевериями. И, словно доброе предзнаменование, 13 декабря единственная «женщина» в своре ездовых собак родила щенят. Ровно 13 штук — по одному на брата...

Всё складывалось удачно. «Фрам» вмерз в лед, начал дрейф и вполне успешно сопротивлялся сжатиям. Пошла одна зима, другая. К этому времени уже осталась позади восемьдесят четвертая параллель. Теория Нансена блестяще подтверждалась, но стало ясно, что судно пронесет дрейфом вдали от вершины планеты.

Нансен — ученый, еще перед гренландским путешествием он защитил докторскую диссертацию. Достижение полюса никогда не было для него самоцелью. «Мы отправляемся не для того, чтобы отыскать математическую точку, составляющую северный конец земной оси, — писал он перед отправ-

лением экспедиции, — достижение этой точки само по себе малоценно, — но чтобы произвести наблюдения в обширной неисследованной части земного шара, окружающей полюс».

Однако теперь, когда полюс был уже близок, Нансен не смог противиться искушению. Вдвоем с Фредериком Ялмаром Иохансеном на трех собачьих упряжках он уходит к полюсу...

Норвежцы достигли рекордной широты — $86^{\circ}14'$. До полюса оставалось 226 миль. Но к этому времени продовольствие уже кончалось, и они вынуждены были повернуть на юг, к Земле Франца-Иосифа. Здесь пришлось зазимовать в «берлоге», которую они сложили из камней и покрыли шкурами моржей. Питались почти одним только медвежьим мясом, большую часть суток спали. Весной 1896 года они вновь пошли на юг, к мысу Флора, где можно было надеяться встретить людей. И действительно, тут зимовала английская экспедиция Джексона. 13 августа корабль доставил норвежцев на родину, а через неделю в Норвегию вернулся и «Фрам», благополучно вынесенный дрейфом в Атлантический океан.

Нансену удалось осуществить свой «безумный» план. Однако дело не в том, что он достиг рекордной широты; значительно важнее то, что за два с половиной года дрейфа участники экспедиции собрали уникальные научные данные. Знания о полярном бассейне неизмеримо расширились...

На грани столетий борьба за полюс, кажется, достигла апогея. Кроме Норвегии и США, Германия, Швеция, Англия, Дания, Италия организуют все новые и новые экспедиции.

Кто водрузит на вершине планеты флаг своей страны?

В это время появлялись самые удивительные, самые нелепые проекты. Один «изобретатель», например, предлагал установить на берегу Ледовитого океана «центральную станцию по изготовлению супа». По его идее, надо льдом следовало протянуть шланги, чтобы полюсная экспедиция могла непрерывно получать горячую пищу. Второй рекомендовал постро-

Соломон Август Андр .
Родился 18 октября 1854 года,
погиб в конце 1897 года

ить на берегу лесопилку и настелить деревянный тротуар до полюса.

Конечно, подобные проекты можно воспринимать только как курьез. Но бывало и так, что замысел лишь на первый взгляд казался фантастическим, сумасшедшим — только потому, что он опережал время.

Швед Соломон Андр  твердо верил: «Мы будем летать как орлы, и ничто не сломит наших крыльев».

Не было еще крыльев, еще не поднялся в небо первый аэроплан. В 1897 году Соломон Андр  и два его товарища стартуют к полюсу... на воздушном шаре, Андр  назвал его «Орлом».

Воздушный шар неуправляем, он движется в том же направлении и с той же скоростью, что и окружающий его воздух. Согласитесь, трудно рассчитывать, что ветер сам доставит вас на полюс.

Но Соломон Андр  был инженером, профессором физики, руководил Стокгольмским бюро патентов. Он выдвинул действительно остроумную идею: предложил поставить на воздушный шар... парус! Конечно, парус может помочь только в том случае, если скорость шара будет меньше скорости воздушного потока. И Андр  предложил искусственно тормозить полет воздушного шара.

По его замыслу полет должен проходить на высоте около 150 метров. Длинные каналы (гайдропы, их общая длина достаточно велика, около 1000 метров, а вес — 850 килограммов) должны волочиться по льду (или по земле), замедляя движе-

ние. Тогда парус будет работать! Кроме того, гайдропы обеспечат автоматическую регулировку высоты. Чем выше, тем длиннее висящая в воздухе часть гайдропов, тем тяжелей становится воздушный шар, и потому он неминуемо снижается.

В пробных полетах Андрэ, используя гайдропы и паруса, действительно удавалось лавировать и даже добиться отклонения шара на 30—40° от направления ветра.

На случай вынужденной посадки и возвращения по дрейфующим льдам они взяли с собой запас продовольствия на три с половиной месяца, лодку, сани. Радио еще не было изобретено, и возвестить о покорении полюса, о судьбе экспедиции должны были... почтовые голуби, которые тоже отправлялись в путешествие на воздушном шаре. Кроме того, Андрэ взял с собой несколько буйков, которые предполагалось сбрасывать во время полета, вкладывая в них записки...

Через четыре дня после того, как «Орел» при попутном южном ветре взлетел со Шпицбергена, шкипер Уле Хансен заметил какую-то странную птицу, за которой гнались две полярные чайки. Птица села на гафель судна, и шкипер (он посчитал, что это куропатка) застрелил ее. Птица упала за борт, и все решили, что не стоит спускать лодку только для того, чтобы подобрать ее. В тот же день, несколько часов спустя, Хансен встретил другую промысловую шхуну и узнал о полете Андрэ, о голубях-почтальонах.

Искать в океане крохотный комочек перьев — занятие совершенно безнадежное, но Хансен лег на обратный курс и, пройдя нужное количество миль, приказал спустить две шлюпки. Команда роптала, но благодаря истинно скандинавской настойчивости шкипера через несколько часов «куропатку» удалось разыскать. Под одним из перьев хвоста в крохотной гильзе, залитой парафином, лежала записка:

«От полярной экспедиции Андрэ... 13 июля. 12.30 пополудни. Широта 82°2'. Долгота 15°5' остовой. Хороший ход на восток, 10° к югу. На борту все благополучно. Это третья голубиная почта. Андрэ».

Как стало ясно, за двое суток воздушный шар пролетел всего около 250 километров...

Голубь, подстреленный Хансеном, оказался единственным, который сумел доставить почту.

Проходили дни, недели, месяцы.

Только через два года до мира вновь дошли известия от шведских воздухоплавателей. На северном побережье Исландии был найден буюк Андрэ с запиской. В 1900 году еще один. Но оба были выброшены еще в день старта: «...парим сейчас на высоте 600 метров. Превосходно! Андрэ, Стриндберг, Френкель», «...полет протекает приблизительно на высоте 250 метров... Отправлены четыре почтовых голубя... Прекрасная погода. Состояние духа превосходное. Андрэ, Стриндберг, Френкель...»

Тайна гибели отважных воздухоплавателей прояснилась только в 1930 году, когда норвежская шхуна «Братвог» обнаружила последний лагерь Андрэ на острове Белом, у восточного побережья Шпицбергена. То лето было необыкновенно теплым в Арктике, и ледник, который укрывает остров, временно отступил, приоткрыв ледяную могилу.

Андрэ и Френкеля смерть, по-видимому, застигла почти одновременно. Их останки найдены в разорванной временем палатке. Между ними — спальный мешок, рядом примус, который и через тридцать три года был готов к действию. Стриндберг умер раньше, его тело захоронено в груде камней метрах в тридцати от лагеря.

На теле Андрэ лежал дневник, который, хотя не полностью, удалось прочитать. Более того, удалось проявить и отпечатать фотопленки, пролежавшие подо льдом треть века!

Теперь мы знаем, как проходил полет. Видимо, Андрэ все-таки не удалось добиться непроницаемости оболочки шара. К тому же она пропитывается влагой, туман, морось оседают на канатах в виде инея. Отяжелевший воздушный шар опускается все ниже. Никакие попытки облегчить его, чтобы вновь подняться, не приносят успеха.

Гондола бьется о торосистый лед. 12 июля Андрэ записывает в дневнике: «Хоть бы поесть спокойно... задеваем землю и “штемпелюем” приблизительно через каждые 50 метров... отовсюду каплет, и шар сильно отяжелел...»

13 июля удары о лед становятся настолько частыми, что это вызывает морскую болезнь у Стриндберга. Андрэ сильно ударяется обо что-то головой.

В 20 часов они выбрасывают из гондолы все, что можно, в том числе 200 килограммов продуктов. Но это помогает ненадолго. Туман сгущается, и около 22 часов 30 минут гондола снова начинает биться о лед.

В ночь на 14 июля «Орел» закончил свой путь приблизительно в 300 километрах от Шпицбергена и в 350 километрах от Земли Франца-Иосифа. Шведы решили идти по льдам к Земле Франца-Иосифа: там еще до начала экспедиции на случай вынужденной посадки был устроен вспомогательный склад продовольствия. Но встречный дрейф оказался непреодолимым, они повернули к Шпицбергену, а с наступлением зимы построили снежную хижину на дрейфующем льду.

В дневниковых записях нет и ноты отчаяния, нет и намек на какие-либо разногласия среди участников экспедиции.

В конце сентября льдину, на которой они жили, поднесло к острову Белый, она раскололась. Пришлось перебраться на берег.

Последняя запись в дневнике датирована 3 октября: «Хижина и льдина не могли больше служить для нас приютом... Имуущество наше разбросано по разным льдинам, а льдины уплывали и туда и сюда, так что надо было поторапливаться... По счастью, погода была хорошая и работа спорилась. С такими товарищами можно выпутаться из каких угодно обстоятельств...»

На этом дневник Андрэ обрывается. А в книжке-календаре Стриндберга на листках за октябрь записи еще некоторое время продолжают. Но они предельно лаконичны и ничего не объясняют:

«2 — Ночью наша льдина раскололась у самой хижины. 3—4 — Положение напряженное. 5 — Перебрались на берег. 6 — Метель, разведка. 7 — Переезд. 17 — Домой 7,5 утра».

Более поздних записей в дневниках нет. Мы не знаем, что стало причиной смерти Андрэ и его товарищей. В лагере найдено достаточно мяса и консервов, боеприпасов для ружей, спичек и топлива, так что людям вряд ли могла угрожать смерть от голода и холода.

Вероятно, Нильс Стриндберг погиб раньше, возможно, произошел какой-то несчастный случай — он мог провалиться в воду, переохладиться...

Соломон Андрэ и Кнут Френкель в момент смерти мирно лежали в палатке. Что могло случиться с ними?

Высказывалось предположение, что они погибли во сне в результате отравления угарным газом работающего примуса. Палатка аэронавтов, сделанная из материала оболочки шара, была достаточно газонепроницаемой, а окись углерода, как известно, не имеет запаха. Было и другое предположение: на лагерь ночью сошла лавина. И наконец, третье: причиной смерти стало сырое мелвежье мясо, аэронавты погибли от трихинеллёза. Возбудители этой болезни — личинки трихинеллы, — попадая в желудок человека, разносятся током крови по всему организму и внедряются в мышечные ткани. Они могут внедриться и в сердечную мышцу, что иногда приводит к внезапному инфаркту.

Насколько можно судить по дневникам, болезненные симптомы, появившиеся у Андрэ и его товарищей еще во время похода по дрейфующим льдам, в целом соответствуют клинической картине трихинеллёза. Более того, в остатках мяса, найденных в лагере, действительно были обнаружены личинки трихинеллы.

И все-таки вряд ли мы когда-нибудь установим точно причины смерти первых полярных аэронавтов. Да так ли уж это важно? Пожалуй, и при самом удачном стечении обстоятельств они были обречены. И прекрасно понимали это.

Мужественно и гордо звучит запись в дневнике Андрэ: «Довольно-таки странное чувство — парить вот так над Полярным морем. Первыми пролететь здесь на воздушном шаре. Скоро ли появятся у нас последователи? Сочтут ли нас сумасшедшими или последуют нашему примеру? Не стану отрицать, что все трое мы испытываем горделивое чувство. Мы считали, что спокойно можем принять смерть, сделав то, что мы сделали...»

Задумайтесь, читатель: «...то, что мы сделали!» Или все-таки то, чего мы добились? Что важно — победа или путь к ней?

Всю свою жизнь Роберт Пири подчинил исполнению мечты о покорении полюса. «Не раз я возвращался из великой замерзшей пустыни побежденный, измученный и обессиленный, иногда изувеченный, убежденный, что это — моя последняя попытка... Но не проходило года, как меня снова обуревало хорошо знакомое мне ощущение беспокойства... Меня невыразимо тянуло туда, к безграничным ледяным просторам, я жаждал борьбы с застывшей стихией».

Пири уже за пятьдесят, но он не хочет мириться с неудачами.

Возраст совсем не важен, он верил всегда — важнее опыт, воля. «Я не занимался систематической физической тренировкой, так как не вижу в ней особенной пользы. До сих пор мое тело всегда подчинялось воле, каковы бы ни были предъявляемые к нему требования», — писал Пири.

С годами у него появилось чувство, что покорение вершины планеты предназначено ему судьбой. «Я долгие годы верил, что достичь полюса написано мне на роду».

Состоится ли новая, решающая попытка? Если кто и сомневается, то только не Роберт Пири!

Деньги на новую экспедицию дают богатые меценаты из Арктического клуба Пири. Сам президент Теодор Рузвельт, обнимая его на прощание, называет Пири национальной надеждой.

Фредерик Альберт Кук
(10.06.1865—5.08.1940)

С годами планы покорения полюса несколько менялись. «Только очень маленькие партии годны для действительной работы в полярных областях», — писал когда-то Пири. Теперь он считает, что «вспомогательные партии необходимы». Они прокладывают дорогу в торосах, строят иглу (ледяную хижину) для ночевки, они должны забросить как можно севернее запасы продовольствия и, наконец, сохранить силы основного отряда для решающего броска к полюсу.

В конце февраля огромный караван уходит с мыса Колумбия: 19 нартов, 133 собаки, 24 человека. 1 марта в арьергарде стартует сам Роберт Пири...

Радиосвязь в то время еще не вошла в обиход полярных экспедиций, и о судьбе Пири мир ничего не знал до осени 1909 года.

Только 7 сентября в Европу пришла победная телеграмма: «Звезды и полосы вбиты в полюс!»

Как вы понимаете, «звезды и полосы» — это американский флаг, который Пири, по его словам, водрузил на полюсе 6 апреля 1909 года.

В тот самый день, когда телеграмма Пири достигла Европы, в Копенгагене уже чествовали покорителя Северного полюса... доктора Фредерика Кука! Он утверждал, что достиг вершины планеты 21 апреля 1908 года.

Наверное, ни один романист не смог бы так закрутить «полярный сюжет»!

Три столетия стремились люди к вершине планеты. И вот почти одновременно сразу двое сообщили о покорении полюса.

Доктор Кук узнал об успехе Пири на банкете, устроенном в его честь:

«Мертвая тишина наступила в комнате... Казалось, воздух наэлектризован. Услышав новость, я не почувствовал... ни зависти, ни досады. Я думал лишь о Пири, о долгих и тяжелых годах, и я был рад за него. У меня не было ощущения соперничества. Я верил, что Пири решил в своем походе кроме тщеславной и большие научные задачи. Возможно, ему удалось открыть новые земли и нанести на карту новые пространства».

Выступая в тот день перед журналистами, Кук будет сдержан: «Мы оба — американцы, и, следовательно, не может возникнуть никакого международного конфликта из-за этого чудесного открытия, так давно и так горячо желанного».

Казалось, Кук и Пири с полным основанием поделят между собой честь и славу первооткрывателей. Но Пири не мог смириться с тем, что он «только второй». Он слишком привык считать полюс своей собственностью. Уже одна из первых телеграмм Пири была объявлением войны: «Примите к сведению, что Кук просто надул публику. Он не был на полюсе ни 21 апреля 1908 года, ни в какое другое время...»

И разразился скандал — беспрецедентный в истории географических открытий. Скандал, который с удовольствием раздувала падкая до сенсаций пресса. Много раз вопрос о приоритете открытия полюса разбирался на заседаниях специальной комиссии и даже в самом конгрессе США. Все было — ложь и клевета, подкуп и подлоги. В общем-то ни один из соперников не выбирал выражений и не брезговал никакими методами.

Пири: «Я положил всю жизнь, чтобы совершить то, что казалось мне стоящим, ибо задача была ясной и многообещающей... И когда наконец я добился цели, какой-то поганый трусливый самозванец все испакостил и испортил».

Кук в письме к президенту: «Если вы подпишете указ о Пири, то тем самым вы окажете честь человеку с греховными руками... В данное время на безотрадном Севере есть по крайней мере двое детей, которые кричат о хлебе, молоке и своем отце. Они являются живыми свидетелями пакостей Пири, который покрыт паршой невыразимого порока».

А ведь Кук, вы помните, был участником экспедиции Пири в 1891—1892 годах. Молодой Фредерик Кук тогда смотрел на своего начальника как на божество, а Пири после окончания экспедиции писал: «Доктору Куку мы обязаны тем, что среди членов нашей экспедиции почти не было заболеваний. Я не могу не отдать должное его профессиональному умению, неизменному терпению и хладнокровию в критические моменты. Занимаясь этнографией, он собрал огромный материал о практически еще не изученном племени гренландских эскимосов. Он всегда был полезным и неутомимым работником».

После той экспедиции и истории с публикацией этнографической статьи Кука, на которую Пири так и не дал разрешения, пути американских путешественников надолго разошлись.

Кук совершил две кратковременные экскурсионные экспедиции к берегам Гренландии. Потом в 1897—1899 годах участвовал в бельгийской морской экспедиции в высокие южные широты. Их судно накрепко зажало льдами, увлекло в дрейф, который продолжался долгих тринадцать месяцев; это была первая в истории зимовка в Антарктиде. Экспедиция не была готова к зимовке (по крайней мере морально) и вскоре оказалась на краю гибели.

В экспедиции кроме доктора Кука участвовал молодой норвежский штурман Руал Амундсен, в будущем прославленный полярный путешественник. Только он да доктор Кук сохраняли и силы, и волю к жизни. Они охотились на пингвинов, тюленей, ели свежее мясо. К несчастью, начальник экспедиции не только отказывался сам с отвращением от непривычной пищи, но и запретил команде есть пингвинов и тюле-

ней. В результате все заболели цингой. Двое сошли с ума, один из них вскоре умер. Начальник экспедиции и капитан болели так тяжело, что оба слегли и написали завещания.

Тогда руководство экспедицией перешло к Амундсену, и они с доктором Куком чуть ли не силой оружия заставили наиболее здоровых подняться и всех — ежедневно есть свежее мясо.

В течение первой недели люди начали заметно поправляться.

Позднее Руал Амундсен напишет: «Вспоминая свое знакомство с доктором Куком в тяжелые два года антарктической экспедиции на “Бельжике”, не могу не отметить, как я был ему благодарен за доброе отношение ко мне, тогда еще молодому полярнику. Ему и его опыту я был обязан жизнью». И еще: «Он был единственным из всех нас, никогда не терявшим мужества, всегда бодрым, полным надежды, он всегда имел доброе слово для каждого. Болел ли кто — он сидел у постели и утешал больного; падал ли кто духом — он подбодрял его и внушал уверенность в избавлении. Мало того что никогда не угасала в нем вера, но изобретательность и предприимчивость его не имели границ».

Когда весной неподалеку от судна появилась полынья, именно доктор Кук предложил начать работы по освобождению судна. Никто не верил в эту затею, но убежденность Кука одержала верх. С помощью обычных двуручных пил и взрывчатки они проложили девятисотметровый канал, и через тринадцать месяцев судно вышло на открытую воду.

По окончании экспедиции Кук, единственный из участников небельгийского происхождения, был награжден бельгийским орденом Леопольда.

Перенесенные лишения не уменьшили интереса Кука к полярным странам. В 1906 году он впервые в истории совершил восхождение на самую высокую вершину Северной Америки — гору Мак-Кинли в центре Аляски.

Кук, судя по всему, был совершенно другим человеком, нежели Пири. и жизненное кредо его было иным.

«Истинное удовлетворение дает не само достижение цели, а продолжение препятствий на пути к ней.

Я не домогался почестей у государства, не требовал ни орденов, ни денег... Единственное удовлетворение — ощущение торжества человеческого ума, сил человека над считавшимися до сих пор неодолимыми силами природы».

Полюсная экспедиция доктора Кука родилась без какой-либо шумихи. Некий богатый спортсмен Джон Р. Брэдли просто-напросто хотел поохотиться на Севере. Имя Кука было хорошо известно, он был президентом Клуба исследователей. Брэдли дал денег, а Кук организовал эту охотничью экспедицию, никак не афишируя своих дальнейших намерений. Он остался в эскимосском селении на крайнем севере Гренландии, а 16 марта 1908 года вышел к полюсу с двумя эскимосами. Двое нартов, двадцать шесть собак...

Позднее Пири будет утверждать, что с такими малыми силами, как у Кука, достичь полюса было просто невозможно. Сравните: у Пири — 24 человека, 133 собаки, 19 нартов. Но вспомните, сам Пири когда-то утверждал, что именно маленький отряд наиболее дееспособен. Кук пишет совершенно справедливо: «Возможности любой экспедиции находятся в прямой зависимости от возможностей ее слабейшего участника».

Экспедиция Кука была организована ничуть не хуже, чем экспедиция Пири, может быть, даже более продуманно.

Нарты Кука, например, были на 50 фунтов (20 килограммов) легче, чем нарты Пири. А это лишние 50 фунтов полезного груза.

Кук в отличие от Пири взял с собой складную парусиновую лодку. Благодаря этому его маленький отряд не должен был останавливаться у разводий, выжидать, когда замерзнет полынья.

Конструкция лодки была продумана до мелочей. Шпангоуты, распорки и днищевой настил были использованы в ка-

честве деталей нарт. Парусиновая обшивка служила подстилкой для спальных мешков. Вообще каждый предмет снаряжения был изготовлен по возможности так, чтобы нести двойную службу.

Полюсный план доктора Кука был рассчитан на полную мобилизацию человеческих ресурсов. Работа на грани человеческих возможностей! Никаких излишеств, продовольствия ровно столько, сколько необходимо, чтобы выжить. Победить и выжить!

В экспедиции Пири стандартный дневной паек состоял из 500 граммов пеммикана, 500 граммов сухарей, 115 граммов сгущенного молока, 15 граммов чая. Итого 1130 граммов продуктов плюс 170 граммов топлива в день на человека.

В экспедиции Кука дневной паек состоял из 400 граммов пеммикана, 100 граммов галет, 70 граммов сгущенного молока, 40 граммов сахара. Итого 610 граммов продуктов плюс 70 граммов топлива в день.

Еще на подходах к полюсу один из эскимосов Кука свалился без сил: «Лучше умереть. Дальше идти невозможно».

На обратном пути они буквально умирали от голода, шли в забытьи, в беспомощности. Кук измерил температуру тела — 35,7°. У эскимосов — на две-три десятых градуса выше.

Достигнув земли, они вынуждены были зазимовать в снежной хижине у мыса Спарбо. Оставалось всего четыре патрона, поэтому охотились с помощью лука, копий, рогатин. Мускусных быков ловили, накидывая петлю из ремней.

Только в апреле 1909 года они сумели вернуться в эскимосское поселение Эта, к людям. Еще 700 миль Кук прошел по Гренландии — от Эты до Упернавика. Отсюда в конце июня он отплыл на датском судне в Европу.

Вот так и случилось, что вести о Куке и Пири достигли цивилизованного мира почти одновременно.

В разгоревшемся споре о приоритете в достижении полюса шансы Пири и Кука с самого начала были отнюдь не равными.

Кук — исследователь-одиночка. Единственный, кто оказал ему поддержку, — Джон Р. Брэдли, владелец клуба и казино во Флориде.

Кук был безродным немцем-эмигрантом, подлинная его фамилия Кох. Он чуть ли не с пяти лет начал зарабатывать себе на жизнь торговлей фруктами на рынке. На собственные гроши (отец рано умер) он закончил школу, медицинский факультет Нью-Йоркского университета. Но так и не нажил состояния, не обзавелся влиятельными друзьями.

На стороне Пири стоял Арктический клуб, созданный самим Пири еще в 1898 году и носивший его имя. В состав клуба входили состоятельные и весьма влиятельные люди: президент Американского естественно-исторического музея, президент крупнейшего банка Америки, железнодорожный магнат, владелец газет и многие другие. В течение десяти лет они субсидировали все экспедиции Роберта Пири. Можно сказать, что они сделали ставку на него. Его успех был одновременно их успехом, его лавры — отчасти и их лаврами. Но что такое эфемерные лавры! Его успех сулил им вполне реальные дивиденды.

Вполне очевидно, что Арктический клуб безоговорочно встал на сторону Пири, мало того, поставил на сторону Пири и свое влияние, и свои деньги, и большую часть американской прессы.

Заявление Кука о достижении полюса было сразу же взято под сомнение. Пресса неистовствовала. В печати утверждалось, например, что эскимосы, товарищи Кука, якобы заявили, что они отошли от берега всего километров на двадцать, и здесь Кук сделал свои «полюсные» фотографии. Более того, в развернувшейся кампании травли под сомнение были поставлены и все прежние заслуги доктора Кука. Один из участников восхождения на Мак-Кинли заявил: «Нога Кука не ступала на вершину Мак-Кинли». И далее совсем уж бездоказательно: «Кук никогда не видел Северного полюса — это так же верно, как то, что я живу на свете».

Стоит, правда, отметить, что впоследствии этот «свидетель» был вполне готов изменить свои «показания»... за 5000 долларов.

В организованной атмосфере травли имя Кука было безнадежно запятнано, он предпочел уклониться от дальнейшей борьбы за свой приоритет и надолго уехал из Америки. Не явился он даже и на заседание конгресса, где слушалось его «дело». Этим Кук окончательно восстановил против себя и прессу, и «общественность». Позднее доктора обвинили в спекуляции «дугтыми» акциями (он организовал в Техасе нефтяную компанию) и приговорили к 14 годам каторжных работ. Ирония судьбы — нефтяные участки компании дали впоследствии новым владельцам миллион долларов прибыли, акции Кука не были «дугтыми»!

Руал Амундсен, приехав в Америку, посетил доктора Кука в тюрьме: «Я не мог поступить иначе — это значило бы отплатить ему подлой неблагодарностью». Тогда же в одном из интервью американским газетам Амундсен сказал: «Независимо от того, виноват ли он (Кук) в этом деле или нет, он заслуживает уважения американцев за мужество, проявленное им в экспедициях. Доктор Кук, равно как и капитан Пири, возможно, не открыл Северный полюс, но и тот и другой имеют одинаковые основания для доверия».

Теперь, когда прошло уже почти восемь десятков лет, мы можем более объективно и беспристрастно анализировать свидетельства американских путешественников. Надо сразу сказать — исчерпывающих доказательств достижения полюса не смогли представить ни Кук, ни Пири.

Такими доказательствами могли бы стать прежде всего глубины океана, измеренные в районе полюса (их можно было бы проверить впоследствии), либо многократные повторные астрономические определения, проведенные на дрейфующем льду независимо друг от друга несколькими участниками экспедиции и желательными несколькими инструментами.

Однако ни Кук, ни Пири не смогли измерить глубину океана в районе полюса и провести полноценные астрономические определения.

Кука сопровождали два эскимоса, но они, естественно, не умели пользоваться секстантом.

Многие участники экспедиции Пири были достаточно опытными штурманами, но ни один из них не достиг полюса. Точнее, ни одного из них Пири не взял к полюсу.

Капитана Бартлетта, начальника передового отряда, он отослал назад с широты $87^{\circ}47'$, когда до полюса оставалось всего 133 мили.

В книге «Северный полюс» Роберт Пири напишет: «Я долго глядел вслед могучей фигуре капитана. Она становилась все меньше и меньше и наконец исчезла за белоснежными сверкающими торосами. Мне было невыразимо грустно, что пришлось расставаться с лучшим товарищем и бесценным спутником, всегда жизнерадостным, спокойным и мудрым, на долю которого выпала самая тяжелая работа по проложению пути для наших партий».

Один из историков-географов, цитируя эти слова, заметил совершенно справедливо: «Можно лишь удивляться лицемерию Пири».

И действительно, Пири всегда стремился, чтобы ни один «белый» не мог претендовать на его славу. На пути к полюсу его сопровождали четыре эскимоса и слуга-телохранитель мулат Мет Хенсон.

Позднее на заседании комиссии конгресса он заявит совершенно откровенно: «Полюс — цель моей жизни. И поэтому я не считал, что достижение этой цели я должен делить с человеком, может быть, способным и достойным, но еще молодым и посвятившим этому всего несколько лет жизни. Честно говоря, мне кажется, он не имеет тех же прав, что я».

Капитан Бартлетт, взяв высоты солнца на полюсе, мог бы существенно подкрепить позицию Пири, но...

Кук провел дополнительно суточную серию остроумных измерений длины тени. Давно известно, что на полюсе — и только на полюсе! — солнце в течение дня остается на одной и той же высоте. Его измерения показали, что длина тени

оставалась постоянной! Конечно, это было дополнительным доказательством. Но разве тогда, в пылу спора, кто-нибудь прислушивался к доказательствам?

Теперь, восстанавливая истину, мы должны остановиться главным образом на общих описаниях их путешествий. Книжки Пири и Кука изданы, их можно анализировать.

Надо отметить, что Кук исключительно точно охарактеризовал распределение и особенности льдов на своем маршруте к полюсу и обратно. Он, например, отмечает, что между 83 и 84-м градусами северной широты его отряд встретил огромное пространство открытой воды. Действительно, по современным данным, именно здесь над материковым склоном располагается почти не замерзающая полынья. Тогда этого еще никто не знал.

Кука в свое время обвиняли в неумении определяться астрономически на том основании, что на обратном пути он вышел к земле значительно западнее, чем рассчитывал. Но он из-за постоянных туманов тогда и не мог определиться по солнцу, шел, как говорят моряки, «по счислению». Тогда считалось, что льды у северного побережья Гренландии, у северного побережья Земли Элсмита дрейфуют с запада на восток. Утверждали, что отряд могло отнести только к востоку, но не к западу, и обвиняли Кука в полной вымысленности его записей. Но теперь мы знаем, что в этом районе дрейф льдов как раз и направлен с востока на запад! Придумать, предугадать такое невозможно!

Но, пожалуй, одним из самых сильных аргументов, свидетельствующих о достоверности данных, приведенных в книге Кука, служат строки, где доктор описывает некий «затопленный остров»: «От 87 до 88-й параллели мы сделали два перехода по старому льду без следов сжатий или торосов... Было совершенно невозможно установить, находились ли мы на морском или на материковом льду... Лед имел... волнистую поверхность материкового льда с эпизодическими поверхностными трещинами... Я склонен думать, что это был лед, лежавший на низкой или даже погруженной суше».

Волнистая поверхность без каких-либо торосов характерна для ледяных островов — огромных осколков ледников Земли Элсмира. В 1908 году о существовании ледяных островов никто и не догадывался; они были открыты значительно позже, фактически уже в наше время. Как и описывает Кук, размеры их достигают десятков и даже сотен километров. Советский летчик Илья Павлович Мазурук открыл, например, в 1948 году ледяной остров площадью 28×32 квадратных километра.

Таким образом, то, что раньше в описаниях Кука вызывало недоверие, заставляло усомниться в достоверности его рассказа, теперь безоговорочно свидетельствует в пользу Кука.

Академик А.Ф. Трешников, бывший президент Географического общества СССР, писал: «Его “ошибки” в описаниях природы Центральной Арктики, за которые его жестоко критиковали противники, объявляя лжецом и обманщиком, с точки зрения современных знаний говорят о том, что Фредерик Кук был где-то в районе Северного полюса... Невозможно представить, чтобы человек мог выдумать многие явления природы Центральной Арктики».

Правда, одна ошибка в его описаниях все же есть: Кук «открыл» Землю Брэдли, существование которой впоследствии не подтвердилось. Но это не дает оснований обвинять Кука в лживости: сам он на обратном пути хотел пройти по Земле Брэдли, но уже не смог ее обнаружить. Возможно, он видел издали еще один ледяной остров, возможно, стал жертвой столь частого в Арктике оптического обмана. Кстати, и Пири «открыл» в районе 83-го градуса Землю Крокера, существование которой тоже не подтвердилось. Когда-то на картах Арктики были и Земля Джиллиса, и Земля Санникова, и Земля Петермана — земли, которые «видели». Все это не мистификации, а невольные ошибки.

Анализируя записи Фредерика Кука, приходишь к однозначному выводу: в апреле 1908 года он был если не на самом полюсе, то в непосредственной близости от него.

А вот записи Роберта Пири вызывали и вызывают множество вопросов. Во-первых, было установлено, что «полюсные» фотографии, представленные Пири как доказательство его победы, сделаны не на полюсе. Во-вторых, не может не вызвать удивления скорость его передвижения по дрейфующим льдам.

Многие полярные путешественники — и до Пири, и после Пири — шли к полюсу на собачьих упряжках. Фритъоф Нансен в среднем проходил за сутки около 10 километров, Умберто Каньи — 12. В наше время: Бьери Стайб — 10 километров, Уолли Херберт — от 16 до 19, Наоми Уэмура — 14 километров.

Конечно, величина суточного перехода зависит от множества различных обстоятельств, в первую очередь от продолжительности самих переходов и от состояния льда.

Роберт Пири в 1906 году смог достичь скорости 25,9 километра в сутки, Фредерик Кук на своем пути к полюсу проходил в среднем за сутки 27,6 километра, капитан Бартлетт, налегке возвращаясь к мысу Колумбия, — 28,9 километра.

Несложный расчет показывает — чтобы успеть за восемнадцать дней достичь полюса и вернуться к мысу Колумбия, Пири после расставания со вспомогательным отрядом должен был проходить в 1909 году по 50 (!) километров в сутки. Такая скорость кажется совершенно невероятной.

Сам Пири объяснял свою феноменальную скорость тем, что на обратном пути его отряд шел по тому же самому следу, по которому двигался к полюсу. Однако подобное «объяснение» сразу же вызывает новые вопросы.

Льды, теперь мы знаем это совершенно определенно, постоянно дрейфовали поперек пути Пири. Скорость их дрейфа обычно составляет 7—10, а иногда и более километров в сутки. Если Пири возвращался по своему следу, то он должен был прийти не к мысу Колумбия, с которого вышел, а совсем в другую точку — на многие десятки миль восточнее. Собственно говоря, сама сохранность следа даже в течение нескольких суток представляется достаточно невероятной. Вы помните,

взаимное расположение дрейфующих льдин меняется как в калейдоскопе.

Пири поясняет это удивительное обстоятельство весьма кратко: «На этот раз не было бокового смещения льда — ни восточного, ни западного. Это необычайное природное явление было счастливой отличительной особенностью обратного пути, оно избавило нас от многих трудностей».

Во времена Пири знания о природе и законах дрейфа льда были довольно скудными, и поэтому тогда его «пояснение» могло казаться и казалось правдоподобным. Однако теперь мы можем говорить вполне определенно: «необычайное природное явление» представляется просто невозможным.

В наши дни американец Теон Райт провел обстоятельный анализ документов и материалов, относящихся к истории спора между Пири и Куком. Его книга «Большой гвоздь» издана и в нашей стране. Теона Райта не могли не смутить несообразности в описаниях Пири, и он, изучив все и вся, приходит к заключению: «Все вместе показывает, что возможен только один вывод: Пири не был на полюсе, а его сообщения о последнем походе — сплошная мистификация».

Объективности ради надо добавить, что далеко не все принимают точку зрения Райта. Споры между сторонниками Пири и Кука не утихают и до сих пор. И решить этот спор окончательно могут, наверное, только американские исследователи — они имеют доступ к материалам и документам своих соотечественников.

На наш взгляд, выводы Теона Райта вполне обоснованны. Итогом драматической борьбы за полюс стала подлинная человеческая трагедия. Проявив несомненное мужество, величайшую настойчивость в достижении цели, Пири не захотел, не смог признать свое поражение. Показательно, что, вернувшись на судно, он даже не оповестил участников экспедиции о достижении полюса. Видимо, план фальсификации записей возник лишь тогда, когда Пири узнал от эскимосов об успехе Кука. До этого он еще мог надеяться честно повторить попыт-

ку — например, на следующий год. Но весть о достижении соперника стала для Пири крушением всего, чему он посвятил жизнь. И тогда в нем победило честолюбие...

В 1911 году после долгих дебатов нижняя палата конгресса США приняла резолюцию, которую вскоре подписал президент. Пири присваивалось звание контр-адмирала и от имени конгресса объявлялась благодарность «за его арктические исследования, завершившиеся достижением Северного полюса».

Характерно, что Кук, узнав о дебатах, направил в конгресс специальное письмо:

«Из различных источников мне стало известно, что мое заявление об открытии полюса, сделанное раньше, чем аналогичное заявление Пири, каким-то образом мешает последнему получить признание. Цель моего письма к вам — расчистить дорогу для г-на Пири. Мои притязания на открытие Северного полюса — это мое личное дело. Я не был на государственной службе, и ни правительство, ни какое-либо частное общество никоим образом не помогали мне добиться цели...»

Роберту Пири еще при жизни были оказаны многие почести. Фредерик Кук умер в 1940 году униженным и ошельмованным. Ему довелось пройти и через тюрьму, и через сумасшедший дом. Только в 1965 году портрет Кука вновь повесили в американском Клубе исследователей, почетным президентом которого он когда-то был. Но и до сих пор по традиции первооткрывателем Северного полюса неизменно считают Роберта Пири.

А имя Фредерика Кука до сих пор остается в тени.

ГЛАВА 10. ЮЖНЫЙ ПОЛЮС, НАЧАЛО XX ВЕКА

Стефан Цвейг пишет о нем несколько иронически: «Некто Скотт — капитан английского флота...»

Писатель словно подчеркивает заурядность своего героя: «некто Скотт» — один из многих...

«...Его биография совпадает с послужным списком... Его лицо, судя по фотографиям, ничем не отличается от тысячи, от десятка тысяч английских лиц... Серые глаза, плотно сжатые губы. Ни одной романтической черты, ни проблеска юмора в этом лице, только железная воля и практический здравый смысл. Почерк — обыкновенный английский почерк, без оттенков и без завитушек, быстрый, уверенный. Его слог ясный и точный, выразительный в описании фактов и все же сухой и деловитый, словно язык рапорта...»

Что ж, во многом, наверное, прав Стефан Цвейг.

Остается только понять: почему и сейчас, многие десятки лет спустя, сухие, похожие на рапорт дневники Роберта Скотта так волнуют каждого, кто открывает их? Почему именно он, «некто Скотт», стал одним из героев Стефана Цвейга? И почему рассказ о Роберте Скотте Цвейг включил в цикл, который назвал совсем незаурядно — «Звездные часы человечества»?

Роберт Фолкон Скотт родился 6 июня 1868 года. По-русски мы привыкли называть его Робертом Скоттом, но «главным» его именем было второе: Фолкон. Друзья звали его Коном.

Прав Цвейг, начало его биографии почти полностью совпадает с послужным списком: в тринадцать лет — кадет на

учебном корабле «Британия», в пятнадцать — мидшипмен на «Боадише», потом на «Монархе», потом на «Ровере», в двадцать — младший лейтенант на «Амфионе».

В двадцать три Роберт Скотт поступил в минно-торпедное училище. В двадцать пять, окончив его, стал лейтенантом, минным офицером на «Вулкане».

В 1894 году семья Кона лишилась всего своего состояния. Через три года умер его отец, через год — брат. В тридцать лет лейтенант Роберт Фолкон Скотт остался единственной опорой для матери и четырех своих сестер.

Сводить концы с концами на скромное лейтенантское жалование и одному-то было нелегко, а теперь пришлось ограничивать себя во всем.

Он был на хорошем счету у начальства — волевой, целеустремленный морской офицер. Но действительно один из многих. Будущее не сулило Роберту Скотту радужных перспектив. Только через десять лет после производства в лейтенанты он должен был получить следующий чин — капитана 2-го ранга. Рассчитывать на протекцию не приходилось.

Вряд ли мы когда-нибудь узнали бы о Роберте Скотте, если бы не случай. В 1898 году в Лондоне была издана тоненькая брошюрка. Она называлась «Исследование Антарктики. Призыв к посылке национальной экспедиции».

Важна, впрочем, не сама брошюрка. Важно, что в июне 1899 года лейтенант Скотт случайно встретил на улице автора

Роберт Фолкон Скотт.
Родился 6 июня 1868 года,
погиб в конце марта 1912 года

брошюры — Клементса Маркхема, президента Королевского географического общества.

28 января 1820 года таинственный Южный материк впервые открылся взорам людей. К берегам шестого континента подошли русские шлюпы «Восток» и «Мирный» под командованием Фаддея Фаддеевича Беллинсгаузена и Михаила Петровича Лазарева.

«16-го генваря достигли мы широты $69^{\circ} 23'$, где встретили матерый лед чрезвычайной высоты, и в прекрасный тогда вечер, смотря с салинга, простирался оный так далеко, как могло только достигать зрение», — писал Лазарев.

Что там, за горизонтом?

Беллинсгаузен был уверен — ледовый материк, материк льда...

Пройдут годы, десятилетия. На картах в районе Южного полярного круга появятся пунктирные очертания берегов: Земля Эндерби, Земля Грейама, Земля Кемпа, Земля Сабрина — земли, которые видели с кораблей.

В 1840 году французскому мореплавателю Дюмону-Дюрвиллю откроется Земля Адели. В 1841 году английский мореплаватель Джеймс Кларк Росс подойдет к гористой Земле Виктории, увидит среди вечных льдов огнедышащие вулканы Эребус и Террор. Год спустя его корабли достигнут рекордной широты $78^{\circ} 10'$, но здесь неодолимой преградой встанет на их пути Ледовый барьер Росса — отвесная ледяная стена, достигающая высоты 40—60 метров.

Что там, за ледяной стеной?

Только через 75 лет после открытия, 24 января 1895 года, норвежцы Карстен Борхгревинк и Ларе Кристенсен впервые высадились на берег Южного континента.

«Мы провели там несколько часов, — писал Борхгревинк. — Для научных изысканий времени не было, но я все же успел собрать некоторые образцы, установить наличие на почве растительности, а в прибрежной океанской воде — животной жизни: на глубине примерно одной сажени я обнару-

жил медузу. По моем возвращении... этот факт время от времени подвергался сомнению».

В том же 1895 году VI Международный географический конгресс примет резолюцию: «Изучение антарктических районов является важнейшей, но еще не выполненной географической задачей». А один из географов скажет: «Мы знаем больше о планете Марс, нежели об обширном районе нашей собственной планеты».

Роберт Скотт не проявлял никакого интереса к полярным странам. И в тот день, встретив на улице Клементса Маркхема, впервые услышал, что готовится экспедиция в Антарктику. Два дня спустя... он подал рапорт о своем желании возглавить ее. Год спустя он был досрочно произведен в капитаны 2-го ранга, стал начальником экспедиции.

Почему именно он?

Маркхем впервые заметил Скотта еще в 1887 году. Тогда шлюпка мидшипмена Роберта Скотта выиграла учебную гонку — миля под парусами, миля на веслах, и «молодой джентльмен» был приглашен на обед к командиру эскадры.

«Ему было тогда восемнадцать лет, и на меня произвели большое впечатление его ум, познания и обаяние» — вспоминал позднее Маркхем.

Согласитесь, ни это случайное знакомство, ни короткая встреча, которая произошла девять лет спустя, отнюдь не объясняют, почему именно Роберт Скотт стал в глазах сэра Маркхема наиболее подходящей кандидатурой на пост начальника экспедиции.

Скотт действительно не имел ни малейшего полярного опыта. Но он был настойчив, целеустремлен, честолюбив, умел командовать людьми и умел подчиняться. Не вызывало сомнений — для успеха экспедиции он сделает все, что в его силах, в силах человека вообще.

Вот они на двух чашах весов: плюсы и минусы. Какая из чаш перевесит? Задним числом судить легко. Добилась экс-

педиция успеха — значит, выбор был правильным, начальник хорош. Потерпела поражение — плох начальник.

Что ж, можно сказать, Роберт Скотт оказался хорошим начальником. Проведя в Антарктике две зимы, английская экспедиция вернулась на родину с триумфом. Двенадцать объемистых томов стали ее итогом — метеорологические, гидрологические, биологические, магнитные наблюдения, работы по физической географии, геологии Антарктиды. Англичане исследовали шельфовый ледник Росса, внутренние части Земли Виктории.

Скотт как начальник экспедиции заслужил общее уважение за решительность — когда необыкновенно рьяно пробивался на судне к берегу Антарктиды, за мягкость — во время зимовки и, наконец, за личное мужество.

Один из участников экспедиции писал: «Он далек от всякой формалистики и всегда стремится рассмотреть тот или иной вопрос со всех сторон. Никогда он не поступает несправедливо. Одно из самых больших его достоинств состоит в том, что он любит во всем определенность. Никаких нечетких и двусмысленных решений! Во всяком споре, он сразу находит главное и всегда знает, чего хочет... Он внимателен ко всем и заботится о каждом, не упуская мелочей. Всегда готов выслушать другого... Я преклоняюсь перед ним...»

Когда «Дискавери» только подошел к берегам Антарктиды и участники экспедиции высадились на островке у подножия вулкана Террор, Скотт с двумя товарищами, карабкаясь по обледенелым скалам, взшел на вершину самого высокого из ближайших вулканических конусов лишь для того, чтобы отсюда, с высоты 1350 футов, окинуть взором поверхность шельфового ледника Росса. Чуть позже, когда «Дискавери» достиг крайней южной точки, Скотт лично поднялся на привязном аэростате. Шельфовый ледник интересовал его как возможная дорога к полюсу. И тогда, весной 1902 года он сам возглавил санную партию.

После окончания экспедиции, оценивая личные заслуги Скотта, газета «Таймс» писала:

«Как моряк он вел «Дискавери» с величайшим умением и мужеством в самых трудных условиях; как исследователь он временами покидал судно и совершал походы, проявляя блистательную предприимчивость, терпение и выдержку, идя на риск, но без малейшей бесшабашности».

Но — газеты не писали об этом, писал сам Скотт — обнаружилась и полная несостоятельность предварительной подготовки экспедиции, в особенности снаряжения и оборудования санных партий.

«Мы были ужасающе невежественны: не знали, сколько брать с собой продовольствия и какое именно, как готовить на наших печах, как разбивать палатки и даже как одеваться. Снаряжение наше совершенно не было испытано, и в условиях всеобщего невежества особенно чувствовалось отсутствие системы во всем».

Вот где сказалось отсутствие полярного опыта у начальника экспедиции.

Еще перед началом экспедиции, в 1990 году, Скотт специально ездил в Норвегию, где консультировался с Фритьюфом Нансеном. Потом посетил Германию, ознакомился с подготовкой антарктической экспедиции Эриха Дригальского.

Впрочем, могли ли помочь такие кратковременные консультации?

В полярной литературе Скотт, по его собственным словам, был «горестно несведущ». Конечно, он читал кое-что, но всерьез изучать опыт, накопленный в десятках полярных экспедиций, считал излишним.

«Для офицера королевского флота нет невозможного!» — вот то жизненное кредо, которое воспитывалось в нем с тринадцати лет.

Специально созданный для подготовки экспедиции комитет состоял из 16 членов Королевского Географического общества и 16 членов Королевской академии наук. Каждый из

них имел по любому вопросу собственное мнение и разделять чье-то чужое считал излишним.

Фактически подбором участников экспедиции, подготовкой снаряжения, оборудования, провианта руководил Клементс Маркхем. Пятьдесят лет тому назад он участвовал в полярной экспедиции Горацио Остина, посланной на поиски пропавшей без вести экспедиции Джона Франклина. Но этим его собственный полярный опыт и ограничивался. Как пишет английский автор, мнения «сэра Клементса... были продуктом теории и эмоций».

В результате в дневнике Скотта и появилась запись: «Провиант, одежда и все прочее оказались никуда не годны».

Несколько участников экспедиции заболели цингой. Как писал один из них, Скотт «слишком доверял нашим мясным консервам... он чувствовал сентиментальное отвращение к забою тюленей».

Маркхем резко возражал против использования ездовых собак в полярных экспедициях, даже выступил по этому поводу на VII Международном географическом конгрессе в августе 1899 года.

«С использованием собак не сделано еще ничего, что могло бы сравниться с достижениями людей, не пользовавшихся собачьим транспортом. И действительно, с помощью собак до сих пор осуществлено лишь единственное продолжительное путешествие — пересечение Гренландии Робертом Пири. Однако... все его собаки, кроме одной, погибли от сверхтяжелой работы или были убиты, чтобы накормить других. Это очень жестокая система»,

Кажется, что это говорит не организатор полярной экспедиции, а некая дама из Общества христианской любви к животным.

Так же на конгрессе Нансен спокойно и убедительно ответил Маркхему:

«Я пробовал ходить и с собаками, и без собак. В Гренландии у меня не было собак, но в Центральной Арктике я ис-

пользовал собак. Я нахожу, что использование собак облегчает путешествие... Я согласен, что это жестокая система, но не менее жестоко перегружать работой людей. И еще. Жестоко убивать собак, но и дома мы убиваем животных...»

Возражения Нансена, других опытных полярников не убедили Маркхема. «Собаки полезны для гренландских эскимосов и для жителей Сибири», — говорил он. Подразумевалось, что полярное путешествие кроме всего прочего еще и своеобразный «полигон» для демонстрации силы английского духа.

Перед началом экспедиции Скотт все же закупил в России два десятка ездовых собак. Но первая же попытка использовать их совершенно разочаровала его.

Судя по всему, собачьей вины тут не было, сказалось полное отсутствие опыта у англичан.

Из прицепленных друг за другом нарт были составлены два санных поезда по пять «вагонов». На нартах разложен груз — по 200 фунтов на человека (93 кг) и по 100 фунтов на собаку (46 кг). Общий вес каждого «поезда» превышал тонну. Люди и собаки вместе впряглись в лямки — по 6 человек и 9 собак на «поезд». В результате получилось нечто вроде крыловского «квартета». Люди и собаки шагали не в ногу, тянули вразнобой, и «виноваты» в этом оказались, конечно, собаки. За три дня удалось пройти всего девять миль.

По официальным документам, экспедиция не ставила своей целью достижение Южного полюса. Но об этом не думали и Маркхем, и Скотт. Когда кончилась полярная ночь, когда наступило лето, попытка была предпринята.

Три человека — Роберт Скотт, Эдуард Уилсон, Эрнст Шеклтон составляли полюсный отряд. Их сопровождала вспомогательная партия из 12 человек. На нартах вспомогательной партии развевался флаг с надписью: «В услугах собак не нуждаемся». Но полюсный отряд все же рассчитывал на собак — другого транспорта не было. И собаки, кажется, превзошли себя: за несколько часов упряжка сумела догнать вспомогательную партию, которая вышла на три дня раньше.

Скотт торжествовал: «С верой в себя, в наше снаряжение и в нашу собачью упряжку мы радостно смотрим вперед».

Но когда, достигнув 79-й параллели, вспомогательная партия повернула обратно, собаки отказались везти груз. «Поезд», составленный из пяти нарт, был излишне перегружен. Пришлось разделить поклажу на две части, а потом и на три и, соответственно, каждую милю проходить дважды или трижды.

Зимой собаки питались специальными сухарями из пеммикана (изготовленным для собак лучшими фирмами Англии), но в санном путешествии по совету какого-то «знатока» их перевели на «диету» из мороженой рыбы. В тропиках рыба оттаяла, в Антарктиде вновь замерзла и за восемнадцать месяцев успела-таки основательно подпортиться. У собак, говоря по-научному, начался острый гастроэнтерит, а попросту — расстройство желудка. Они работали через силу, слабели с каждым днем. Через пять недель умерла первая, потом вторая, третья...

Вконец ослабевших собак вопреки гуманным декларациям пришлось убивать. «Эту ужасную обязанность исполнял Уилсон... Я очутился в незавидном положении человека, который позволяет другому выполнять за него грязную работу», — писал Скотт.

Мясо погибших или убитых собак уже не могло поддерживать силы живых. По утрам, впрягая в нарты, их зачастую приходилось поддерживать — от слабости у собак подкашивались ноги. За день удавалось пройти четыре, потом только две мили.

Паек людей сократился до полутора фунтов в день, и чувство голода не покидало их. Все страдали от снежной слепоты, Уилсон, придерживаясь за нарты, временами брел с завязанными глазами. У Шеклтона появились первые признаки цинги.

1 января, достигнув широты $82^{\circ}17'$, они повернули обратно. Ветер стал попутным, и они поставили импровизированный парус. Но скорость резко возросла только тогда, когда путешественники окончательно отказались от помощи собак.

«Не нужно кричать и орать, распутывать спутавшуюся упряжь. Не приходится больше прибегать к хлысту, чтобы стронуть собак с места. Весь день мы неуклонно продвигались вперед с единственной целью — пройти побольше миль... Право же, десять таких дней лучше одного из тех, когда приходилось подгонять упряжку измученных собак».

За этот день они прошли десять миль. Оставшиеся еще в живых собаки трусили рядом. Но собачий корм на нартах был лишним грузом, и 13 января убили последних.

«Это было необычайно тягостно; мы все едва не зарыдали... Мне трудно писать об этом».

Шеклтон слабел, он кашлял, отхаркивался кровью. Теперь он уже не помогал тянуть сани, не участвовал в лагерных работах. Иногда его даже усаживали или укладывали на сани. У Скотта и Уилсона тоже была явная цинга. Все они тащились из последних сил...

Уже на «Дискавери» Скотт записывал в дневник: «Я, казалось, стал неспособен ни к чему, кроме еды, сна и отдыха, разваливаясь в кресле... Прошло много дней, прежде чем я смог стряхнуть с себя это ленивое оцепенение, и много недель, прежде чем ко мне вернулась прежняя энергия».

В тот год высвободить судно из ледового плена не удалось, пришлось остаться на повторную зимовку. И весной Скотт возглавил новое санное путешествие — в глубь Земли Виктории. На этот раз без собак. И на этот раз, впрягшись в лямки, они прошли за 59 дней 725 миль. Почти по тринадцать миль в сутки, а бывало и по тридцать! Как писал Скотт — на этот раз юмор не покидал его, — они «развили скорость настолько близкую к скорости полета, насколько это возможно для санной партии».

Скотт за эти два года многому научился, не мог не научиться. Но одним из уроков — лично для него — стал вывод: собачья упряжка в условиях Антарктиды неприменима. Вывод ошибочный! Вину за свои промахи Скотт возложил на ни в чем не повинных собак!

В Англии экспедицию встречали восторженно. Скотт получил золотые медали от географических обществ Англии, Америки, Дании, Швеции. Географическое общество России избрало его своим почетным членом. Скотт был произведен в капитаны 1-го ранга. Английский король пригласил его погостить несколько дней в своей резиденции и вручил ему орден Виктории.

К чести Скотта, все похвалы в свой адрес он относил на счет экспедиции в целом.

«Антарктическая экспедиция — это не спектакль одного, двух или даже десяти актеров. Она требует активного участия всех... мне представляется, что нет причины особо выделять мою персону».

Когда Скотт читал первую публичную лекцию в Альберт-холле, здесь собралось около семи тысяч членов и гостей Королевской академии, Королевского географического обще-

Кетлин Скотт, Питер Скотт. За день до рождения сына Роберт Скотт обнародовал свой план достижения полюса

ства. А на украшенной флагами трибуне разместилась вся команда «Дискавери»!

Газета писала: «Скромное и бесстрастное поведение капитана создает представление, будто величайшие его подвиги были совсем простым делом, а многочисленные замечания юмористического характера только усиливают это впечатление».

Скромность его была не показной. Единственное, что он позволил себе, — сшил новый костюм. Первый костюм у хорошего портного. Капитанское жалованье, материальное положение семьи не позволяли ему излишних трат. И, отправляясь в очередное лекционное турне, он неизменно брал билет в вагон третьего класса, чем немало поражал встречавших его представителей городских властей.

Ханна Скотт писала сыну: «Ты несешь на себе бремя главы семьи с 1894 года. Пора тебе подумать теперь о себе самом и своем будущем».

Что ж, о своем будущем Скотт, конечно, раздумывал постоянно. Но представлял его не совсем так, как хотелось матери.

Он получил звание капитана 1-го ранга, служил некоторое время помощником начальника военно-морской разведки, командовал линкорами «Викториэс», «Альбемерлен» и... думал о будущем.

Ему было тридцать семь, когда он познакомился с молодой художницей, скульптором Кетлин Брюс и полюбил ее. Через два года решил просить ее руки.

По словам биографа, «Кетлин обладала ясным логическим умом, открытым и искренним характером, была совершенно свободна от претенциозности и чрезмерных потребностей: не выносила косметики, драгоценностей и дорогих туалетов».

2 сентября 1908 года они обвенчались, а 14 сентября 1909 года у них родился сын. Его назвали Питером в честь Питера Пэна, героя книжки Дж. Барри — друга Скотта.

Было у мальчика, как это принято у англичан, и второе имя — Маркхем. Питер Маркхем Скотт. Второе имя, как понимает читатель, было дано в честь сэра Клементса.

Свое будущее Скотт теперь уже навсегда связал с Антарктидой. Как раз накануне рождения сына, 13 сентября 1909 года, он объявил об организации новой антарктической экспедиции.

«Главной целью, — сказал Скотт, — является достижение Южного полюса, с тем чтобы честь этого свершения досталась Британской империи».

Мир, казалось, сошел с ума. Слово «полюс» не сходило со страниц газет.

В сентябре 1909 года Фредерик Кук и Роберт Пири почти одновременно заявили, что Северный полюс покорен.

Вы помните, разразился совершенно беспрецедентный скандал.

Кук или Пири? Пири или Кук?

Один из них? Или оба? Или никто?

Но оставался еще другой полюс — Южный.

Летом того же 1909 года из Антарктиды возвратился Эрнст Генри Шеклтон, бывший спутник Скотта. Его попытка достичь полюса закончилась неудачей.

Погибли маньчжурские лошадки, которых Шеклтон предполагал использовать в качестве тягловой силы, и людям пришлось самим впрягаться в сани. Они жестоко страдали от холода (морозы достигали 50—55°) и голода. При тяжелой физической работе рационы были явно недостаточны.

«За нами по пятам идет смерть», — писал в дневнике Шеклтон.

Но так или иначе они достигли рекордной широты — 88°23'. До полюса — 179 километров! Кто следующий?

К тому времени, когда Скотт объявил о своих планах, в Антарктиде уже работала французская экспедиция Жана Батиста Шарко. В Антарктиду собирались немецкая экспедиция

Вильгельма Фильхнера, шотландская экспедиция Уильяма Брюса, австралийская экспедиция Дугласа Моусона, японская экспедиция лейтенанта Тиоку Ширазе.

В октябре, уже начав сбор средств на организацию экспедиции, Роберт Скотт выступал в резиденции лондонского лорд-мэра. В общем-то весь этот ажиотаж был ему на руку. Газета «Таймс» сообщила: «Вопрос был поставлен так: желают ли наши соотечественники, чтобы британский подданный первым достиг Южного полюса?»

После доклада Скотта выступали и другие. Судя по газетному отчету, недостатка в патриотических призывах не было.

«Сэр Конан Дойл, говоривший от имени «человека с улицы», заявил, что, подобно этой скромной личности, он весьма заинтересован в деле Скотта. Он полагает, что остался всего один полюс, который должен стать нашим полюсом (смех). И если Южного полюса вообще можно достичь, то, по его мнению, капитан Скотт как раз тот, кто способен на это (приветственные возгласы)».

В ноябре о своем намерении покорить Южный полюс заявляет Роберт Пири. Он готовится к борьбе: «Начнутся самые волнующие и головокружительные гонки, какие видывал свет».

«Англия против Америки!» — кричат заголовки газет.

Руал Амундсен.
Родился 16 июля 1872 года.
Во время полета для спасения
У. Нобиле пропал без вести
18 июня 1928 года

Участники экспедиции лейтенанта Ширазе, словно в плохом романе, подписывают обязательство собственной кровью: первым на полюсе должен быть японец!

...Уже по дороге, в Мельбурне, Скотт получил телеграмму норвежца Руала Амундсена: «Имею честь уведомить Вас от правляюся Антарктику...»

Годы спустя Фритъоф Нансен скажет о своем младшем товарище: «В нем жила какая-то взрывчатая сила. Амундсен не был ученым, да и не хотел им быть. Его влекли подвиги».

Сам Амундсен рассказывал, что стать полярным путешественником он решил в пятнадцать лет, когда прочитал книгу Джона Франклина. Этот англичанин в 1819—1822 годах пытался отыскать Северо-Западный проход — путь из Атлантического океана в Тихий вокруг северных берегов Северной Америки. Участникам его экспедиции пришлось голодать, питаться лишайниками, собственной кожей обуви.

«Удивительно, — вспоминал Амундсен, — что... больше всего приковало мое внимание именно описание этих лишений, испытанных Франклином и его спутниками. Во мне загорелось странное стремление претерпеть когда-нибудь такие же страдания».

В детстве он был болезненным и слабым мальчиком. Готовя себя к будущим испытаниям, он стал ежедневно тренироваться, зимой совершать длительные лыжные переходы. К ужасу матери, открыв окна в своей комнате, спал на коврике возле кровати, укрывшись одним пальто, а то и просто газетами. И когда пришло время отбывать воинскую повинность, старый армейский врач вызвал из соседней комнаты офицеров:

— Молодой человек, каким образом удалось вам развить такие мускулы?

Жизнь сложилась так, что только в двадцать два года Амундсен впервые ступил на борт судна. В двадцать два он был юнгой, в двадцать четыре — штурманом, в двадцать шесть впервые зимовал в высоких широтах.

Вы помните, Руал Амундсен и Фредерик Кук были участниками бельгийской антарктической экспедиции. Вынужденная, неподготовленная зимовка продолжалась 13 месяцев. Почти все болели цингой. Двое сошли с ума, один умер. И причиной всех бед экспедиции было отсутствие опыта. Амундсен на всю жизнь запомнил этот урок.

Он перечитал всю полярную литературу, стремясь изучить достоинства и недостатки различных рационов, различных видов одежды, снаряжения.

Вернувшись в 1899 году в Европу, он сдал экзамен на капитана, затем заручился поддержкой Нансена, купил небольшую яхту «Йоа» (всего-то 47 тонн) и приступил к подготовке собственной экспедиции.

«Любой человек не так уж много умеет, — говорил Амундсен, — и каждое новое умение может ему пригодиться».

Он изучал метеорологию и океанологию, научился проводить магнитные наблюдения. Он прекрасно ходил на лыжах и управлял собачьей упряжкой. Характерно: уже позже, в сорок два года, он научился летать — стал первым гражданским летчиком Норвегии.

Он хотел осуществить то, что не удалось Франклину, что не удавалось до сих пор никому, — пройти Северо-Западным проходом. И три года тщательно готовился к этому путешествию.

«Ничто так не оправдывает себя, как затраты времени на подбор участников полярной экспедиции», — любил повторять Амундсен. Он не приглашал в свои путешествия людей моложе тридцати лет, и каждый из тех, кто шел с ним, знал и умел многое.

На «Йоа» их было семеро, и в 1903—1906 годах они осуществили за три года то, о чем человечество мечтало в течение трех столетий.

Следующей своей задачей Амундсен считал покорение Северного полюса. Он хотел войти в Северный Ледовитый океан через Берингов пролив и повторить, только в более высо-

ких широтах, знаменитый дрейф «Фрама». Нансен одолжил ему свое судно, но деньги приходилось собирать по крохам.

Пока шла подготовка экспедиции, Кук и Пири объявили, что Северный полюс уже покорен...

Руал Амундсен: «Чтобы поддержать мой престиж полярного исследователя, мне необходимо было как можно скорее достигнуть какого-либо другого сенсационного успеха. Я решился на рискованный шаг... Наш путь из Норвегии в Берингов пролив шел мимо мыса Горн, но прежде мы должны были зайти на остров Мадейру. Здесь я сообщил моим товарищам, что так как Северный полюс открыт, то я решил идти на Южный. Все с восторгом согласились».

Скотт знал, Пири так и не смог собрать денег на организацию экспедиции. И теперь Амундсен становился главным конкурентом. Но реакция Скотта на короткое «уведомление» Амундсена была воистину джентльменской:

«Как только узнаю, где он находится, тотчас же пошлю ему телеграмму с пожеланием успеха».

Уже в Антарктиде выяснилось, что Амундсен устроил свою базу на шельфовом леднике Росса, всего в нескольких сотнях километров от мыса Эванс, места зимовки англичан. Скотт записывает в дневнике: «...всего разумнее и корректнее будет и далее поступать так, как намечено мною... идти своим путем и трудиться по мере сил, не высказывая ни страха, ни смущения. Не подлежит сомнению, что план Амундсена является серьезной угрозой нашему. Амундсен находится на 60 миль ближе к полюсу, чем мы. Никогда я не думал, чтоб он мог благополучно доставить на Барьер столько собак».

У Амундсена — 120 собак. У Скотта — три мототягача, 19 низкорослых, но выносливых маньчжурских лошадок и 35 ездовых собак. Но один тягач затонул при разгрузке, а осенью и зимой погибли по разным причинам девять лошадей и десяток собак. Впрочем, всем этим «видам транспорта» Скотт отводил только вспомогательную роль. Главная «тягловая сила» — люди.

В общих чертах план полюсного похода сложился давно. Собственно говоря, Шеклтон уже проложил путь к полюсу, Скотт идет по его следам.

Вначале — шельфовый ледник Росса, 700 километров. Затем между широтами $83,5^\circ$ и $85,5^\circ$ предстоит трудный подъем на высоту более трех тысяч метров по рассеченному трещинами леднику Бирдмора. А дальше, вероятно до самого полюса, высокогорное ледяное плато. Еще полтысячи километров.

Весь путь до полюса и обратно составлял около трех тысяч километров. Скотт рассчитывал затратить на него около 145 суток.

Окончательный план похода Скотт разработал во время зимовки. Мототягачи должны были доставить грузы для склада на широте $80^\circ 30'$. Предполагалось, что лошади и собаки смогут довести большую часть необходимых грузов по крайней мере до ледника Бирдмора. Но здесь у Скотта не было полной ясности, поэтому даже окончательный план содержал в себе многочисленные «если»:

- если моторы сломаются, не дойдя...
- если удастся сохранить силы лошадей...
- если снег не будет слишком глубоким для собак...

Правду сказать, все эти «если» делали план настолько запутанным, что сам Скотт с тревогой писал: «Я убеждаюсь, что, несмотря на всю заботливость, с которой я старался возможно яснее изложить подробности моего плана, только на одного Боуэрсера могу положиться, он все исполнит без ошибки, не путаясь в бесчисленных цифрах».

Чтобы опередить Амундсена (Скотт не мог не думать об этом), надо было выходить с мыса Эванс как можно раньше. Но опыт осеннего похода, когда на широте $79^\circ 29'$ был заложен склад «одной тонны», совершенно ясно показывал, что лошади, несмотря на всю их выносливость, плохо переносят антарктические морозы.

Приходилось ждаться.

24 октября на двух тягачах вышла первая, моторная партия: 4 человека. 1 ноября в поход выступают основные силы экспедиции — отряд Скотта: 10 человек, 10 лошадей.

«Дальнейший план кампании вполне разработан, — пишет Скотт. — Лошадей мы разделили на три группы — ленивых, идущих со средней скоростью и резвых. Спэтчер (кличка лошади. — *Авт.*) выступит последним и, вероятно, обгонит передовых. Все это требует немалого расчета... Это мне напоминает речную гонку или довольно беспорядочный флот из разнокалиберных судов весьма приличной скорости».

Так и повелось: кто-то выходит в 7—8 часов утра, кто-то — в 10, кто-то — в 11, а то и в 12 часов. Растягиваясь и сжимаясь, ташится тяжело нагруженный обоз по шельфовому леднику Росса.

4 ноября они проходят мимо одного брошенного тягача, 5 ноября — мимо второго. «Тем и кончилась мечта о великой пользе моторов!.. Большое разочарование!» — записывает Скотт.

Сработало первое «если»: моторная партия, переложив на легкие сани 800 фунтов грузов (по 200 на человека), продолжает путь пешком.

7 ноября отряд Скотта догоняют собачьи упряжки — третья партия.

Пожалуй, уже здесь обнаруживается некоторое несовершенство такого, казалось бы, тщательно разработанного плана.

Вспомните Кука: «Возможности любой экспедиции находятся в прямой зависимости от возможностей ее слабейшего участника».

Капитану Скотту нелегко управлять своим «беспорядочным флотом». Сильные лошади работают с неполной отдачей, на несколько часов меньше, чем слабые. Собачьи упряжки за пару часов легко пробегают те 10 миль, которые лошади преодолевают за день. Бывшая моторная партия, доташив свой груз до указанной в инструкции широты 80°30', шесть дней

вынуждена бездельничать, ожидая подхода основной группы и новых указаний.

Невосполнимая потеря времени!

21 ноября все три группы наконец соединились. Теперь из очередного лагеря вначале уходят те, кто тащит грузы на себе, затем через два-три часа поодиночке, группами трогаются погонщики с лошадьми. Затем — собачьи упряжки.

24 ноября пристрелили первую лошадь. Она совсем ослабела, и прикончить ее, как пишет Скотт, «нало было в сущности из милосердия». В этот же день два человека ушли назад.

27 ноября отряд достигает широты 82° . Скотт записывает в дневнике: «Наличность фуража такова, что мы во что бы то ни стало должны делать 13 географических миль в день».

До сих пор им в общем-то везло с погодой. В Антарктиде лето. Конечно, ветер, пурга, но все, так сказать, в пределах нормы. Температура в основном минус 10 — минус 15 градусов и лишь изредка опускается до минус 25. Но 28 ноября погода явно начинает портиться — сильный встречный ветер, пурга. «Снег стоит перед нами стеной», — записывает Скотт. Все же и в этот, и в последующие дни отряд продолжает движение, отмеряя плановые мили.

2 декабря осталась позади восемьдесят третья параллель. До глетчера каких-нибудь сорок миль. 4 декабря прояснилось, открылся глетчер, открылась гора Надежды. «Завтра должны дойти до нее без труда: всего 12 миль».

Но назавтра — бешеная пурга. День за днем, четыре дня. «Скверно, невыразимо скверно... стоим лагерем в “Бездне уныния”».

9 декабря удалось продвинуться почти до глетчера. Вечером всех лошадей пришлось пристрелить. Фураж кончился.

11 декабря собачьи упряжки, оставив грузы в нижней части глетчера, уходят назад. Теперь все 12 человек впряглись в сани. Груз — 220 фунтов (100 кг) на человека. Впереди сотня миль непрерывного подъема. К тому же снег такой рыхлый,

что люди проваливаются в него по колено, а то и по пояс. Лыжи, к сожалению, есть только у нескольких человек.

В первые два дня они проходили не больше 4 миль, на третий день — 8, потом — опять 4.

«Работа была адской. Пот градом лил с нас, и мы задыхались. Сани то и дело попадали одним полозом на более твердый снег, накренились набок, и никакими усилиями нельзя было их сдвинуть».

За первые пять дней они набрали около 600 метров высоты. Снега стало поменьше, начали попадаться «легкие» участки голубого глетчерного льда. Одиннадцать миль, десять, девять...

Теперь лед покрыт сетью трещин. Вначале небольших — проваливается только нога. Потом трещины становятся все шире и шире. Здесь тоже могли бы помочь лыжи, но...

19 декабря: «В две трещины я провалился и сильно расшиб себе колено и ляжку».

21 декабря: «Эванс и Аткинсон сегодня проваливались на всю длину своей сбри, наполовину же мы проваливались все... Эванс получил порядочную-таки встряску».

22 декабря в верхней части глетчера, на высоте 7700 футов, заложен еще один склад. Широта $85^{\circ} 07'$. Четверо возвращаются обратно. Восемь человек с двумя санями продолжают путь. Груз — 190 фунтов на человека.

На следующий день Скотт записывает в дневнике: «Сегодня мне все как-то представляется в розовом свете. Мы прошли 15 географических миль и поднялись почти на 800 футов... Это доказывает, что мы устранили из нашей компании слабых».

Действительно, теперь они проходят за день по 13—15 миль. День за днем. Монотонная, напряженная работа. Только двумя словами отмечено в дневнике Рождество: «Лукулловский ужин».

1 января 1912 года. Новый год: «Всем выдано по палочке шоколада... До цели осталось всего 170 миль и провианта вдоволь».

3 января на широте 87°30' Скотт объявляет свое решение. Трое завтра возвращаются. К полюсу пойдут пятеро: бакалавр медицины, врач Эдвард Уилсон, квартирмейстер Эдгар Эванс, капитан драгунского полка Лоуренс Отс, лейтенант корпуса морской пехоты Генри Боуэрс и сам Скотт.

Решающий бросок к полюсу — награда. Трое возвращающихся ужасно огорчены. «Бедный Крин расплакался», — записывает Скотт.

Четыре дня спустя, когда пурга на сутки задержала полюсный отряд, когда у Скотта появился свободный час времени, он пишет о тех, кто идет к полюсу: «Я не нахваляюсь своими товарищами. Каждый исполняет свой долг по отношению к другим. Уилсон... как врач постоянно настороже, чтобы облегчать и исцелять небольшие недомогания и боли, неизбежные при нашей работе; ...как повар — искусный, заботливый, вечно придумывает что-нибудь, что может скрасить лагерную жизнь, и, наконец, крепкий, как сталь, в работе. Он не слабеет от начала до конца каждого перехода. Э. Эванс — работник-богатырь, одаренный поистине замечательной головой. Теперь только я уясняю себе, как много мы обязаны ему... Каждые сани и каждое к ним приспособление, палатки, спальные мешки, сбруя — все это дело его рук. И когда при этом нельзя припомнить ни единого слова, выдающего неудовольствие или нетерпение, то станет ясно, какой он ценный помощник... Маленький Боуэрс — чудо природы. Он всегда в хорошем настроении. Всю продовольственную часть я предоставил ему, и он в любую минуту знает в точности, сколько у нас чего... Он ведет обстоятельнейший и добросовестнейший метеорологический журнал... Теперь... еще взял на себя обязанности фотографа и ведение астрономических наблюдений. Ничем он не тяготится, никакой работой. Трудно заманить его в палатку. О холоде он как будто забывает... Каждый в своей области неocenим. Отс был незаменим при лошадях. Теперь он неутомим на ногах, исполняет свою долю лагерной работы и не хуже всех нас переносит труды и лишения. Я не хотел бы остаться

без него. Таким образом, лучшего подбора людей не придумать...»

Первые дни им сильно мешают поперечные заструги. Кажется, вокруг море острых, мерзлых волн. Температура постоянно держится около минус 30°, заструги покрыты щетиной острых ледяных кристаллов, и сани совершенно не скользят по этой ледяной щетине.

«Теперь мы делаем немного больше $1\frac{1}{4}$ мили в час, и это результат больших усилий».

9 января позади рекордная широта Шеклтона. Час за часом, день за днем они налегают на лямки. «Ужасно тяжело идти... как видно, чтобы дойти туда и оттуда, потребуются отчаянное напряжение сил... До полюса около 74 миль. Выдержим ли мы еще семь дней? Изволимся вконец. Из нас никто никогда не испытывал такой каторги».

13 января достигнута широта 89° 9'. До полюса — 51 миля. «Если и не дойдем, то будем чертовски близко от него».

15 января до полюса остается всего три десятка миль. «Дело, можно сказать, верное». До самых последних дней они не были уверены, что хватит сил дойти. Теперь уже ясно — дойдут! И только теперь в дневнике появляется упоминание об Амундсене: «Единственная грозная возможность — это если опередил нас норвежский флаг».

Уже следующий день дает ответ на самый главный для них вопрос — черный флажок, привязанный к полозу от саней, остатки лагера, следы лыж, отпечатки собачьих лап.

«Ужасное разочарование! Мне больно за моих верных товарищей». Нет, они не испытывают радости победы. Только горечь поражения. 17 января. «Полюс!.. Великий Боже! Что это за ужасное место и каково нам понимать, что за все труды мы не вознаграждены даже сознанием того, что пришли сюда первыми!»

В тот самый день, когда Скотт писал эти строки, Амундсен уже завершал обратный маршрут. Резким контрастом зву-

чит его запись, кажется, речь идет о пикнике, о воскресной прогулке: «17 января мы добрались до продовольственного склада под 82-й параллелью... Шоколадное пирожное, поданное Вистингом, до сих пор свежо в нашей памяти... Я могу привести рецепт...»

Фритьоф Нансен: «Когда приходит настоящий человек, все трудности исчезают, так как каждая в отдельности предусмотрена и умственно пережита заранее. И пусть никто не является с разговорами о счастье, о благоприятных стечениях обстоятельств. Счастье Амундсена — это счастье сильного, счастье мудрой предусмотрительности».

Вы помните, еще до начала «гонок» Амундсен получил преимущество. Он построил свою базу на сотню километров ближе к полюсу, на шельфовом леднике Росса.

Возможность зимовки на леднике всегда и всем казалась еретической — слишком уж велика опасность.

Дело в том, что всякий ледник находится в постоянном движении, ползет, так как лед пластичен. Но нижний конец шельфового ледника выдвинут в море, находится на плаву. Поэтому при сползании ледника огромные куски его обламываются и уплывают в океан.

Кто может поручиться, что это не произойдет во время зимовки?

Читая отчеты антарктических мореплавателей, Амундсен убедился, что в районе Китовой бухты конфигурация ледника за 70 лет со дня ее открытия практически не изменилась. Объяснение этому могло быть только одно: ледник покоится на неподвижном основании какого-то «подледного» острова.

Значит, зимовать можно и на леднике!

Готовя полюсный поход, Амундсен еще осенью заложил несколько продовольственных складов. Он писал: «От этой работы... зависел успех всей нашей битвы за полюс».

Скотт осенью заложил только один склад — «одной тонны» на широте 79° 30'. Амундсен забросил к 80-му градусу более 700 килограммов, к 81-му — 560, к 82-му — 620.

Амундсен использовал эскимосских собак. И не только как тягловую силу. Он был лишен «сентиментальности», да и уместны ли разговоры о ней, когда в борьбе с полярной природой на карту ставится неизмеримо более ценное — жизнь человека.

План его может поразить и холодной жестокостью, и мудрой предусмотрительностью.

«Так как эскимосская собака дает около 25 килограммов съедобного мяса, легко было рассчитать, что каждая собака, взятая нами на Юг, означала уменьшение на 25 килограммов продовольствия как на нартах, так и на складах. В расчете, составленном перед окончательным отправлением на полюс, я точно установил день, когда следует застрелить каждую собаку, т.е. момент, когда она переставала служить нам средством передвижения и начинала служить продовольствием. Этого расчета мы придерживались с точностью приблизительно до одного дня и до одной собаки. Более чем что-либо другое это обстоятельство явилось главным фактором достижения Южного полюса и нашего счастливого возвращения к исходной путевой базе».

Дело, конечно, не только в том, когда и сколько собак будет принесено в жертву. Выбор места зимовки, предварительная заброска складов, использование лыж, более легкое, более надежное, чем у Скотта, снаряжение — все сыграло свою роль в конечном успехе норвежцев.

Сам Амундсен называл свои полярные путешествия «работой». Но годы спустя одна из статей, посвященных его памяти, будет озаглавлена совершенно неожиданно: «Искусство полярных исследований».

Что ж, с этим можно согласиться: красивая работа всегда искусство. Но только с одной оговоркой: полярная работа в отличие от искусства не терпит импровизаций. Когда все до мелочей продумано, неожиданностей не должно возникнуть. Путешествие без приключений — вот высшее проявление полярного профессионализма.

В этом смысле полюсный поход Руала Амундсена — эталон. Приключений не было!

Если угодно, обо всем путешествии можно рассказать в трех фразах.

20 октября 1911 года отряд вышел с четырьмя нартами, с четырьмя упряжками по 13 собак. 16 декабря достиг полюса с двумя нартами и 17 собаками. 26 января 1912 года с 11 собаками возвратился на базу.

Все по плану, даже с некоторым опережением плана: 3000 километров за 99 дней.

Остается только назвать имена первооткрывателей Южного полюса: Оскар Вистинг, Хелмер Хансен, Сверре Хассель, Олаф Бьяланд, Руал Амундсен.

Семьдесят восемь дней шагали англичане, налегая на постромки тяжело нагруженных нартов. Они сделали все, что могли. Но на полюсе уже развеялся флаг Норвегии.

«Ужасное разочарование!.. Наш бедный обиженный английский флаг.. Прощайте, золотые грезы!»

Короткое грустное торжество на полюсе: «К нашему обычному меню мы прибавили по палочке шоколада и по папиросе».

Впереди обратный путь, полторы тысячи километров.

«Борьба будет отчаянная. Спрашивается, удастся ли победить?» — записывает Скотт.

С первых же дней в его дневнике появляются тревожные нотки. У Отса постоянно зябнут ноги. Уилсон мучается с глазами — снежная слепота. Эванс еще по дороге к полюсу сильно порезал руку при переделке саней, вдобавок у него обморожены пальцы рук и нос.

Теперь на санях совсем немного груза. С попутным ветром, поставив самодельный парус, они идут быстро, почти бегут. 16, 17, 19 миль в день. Значительно больше, чем на пути к полюсу, значительно больше, чем предполагалось по плану. Но общий тон записей остается тревожным: «Счастливы мы будем, если выберемся без серьезных бед».

**В палатке (слева направо) Эдгар Эванс, Роберт Скотт,
Генри Боуэрс, Эдвард Уилсон**

30 января Уилсон растянул сухожилие, нога распухла. Обмороженные руки Эванса выглядят ужасно.

4 февраля новая беда. Скотт и Эванс провалились в трещину. Кажется, ничего серьезного, только ушибы. И в этот день, несмотря ни на что, прошли 18 полновесных миль. Но вечером Скотт записывает: «Мы становимся все голоднее... Наше физическое состояние не улучшается. Особенное опасение вызывает состояние Эванса. Он как-то тупеет и вследствие сотрясения, полученного утром при падении, ни к чему не способен».

Эдгар Эванс — самый рослый, самый сильный в отряде, «работник-богатырь». И вот теперь Эдгар Эванс с каждым днем слабеет. То ли ему, самому рослому, более чем другим, не хватает скудного рациона, то ли падение в трещину (сотрясение мозга?) тому причиной. Теперь квартирмейстер Эванс безвольно бредет за санями.

Они не могут позволить себе ни дня отдыха — только шагать и шагать. Девять, десять, двенадцать часов в день. Запаса продуктов на очередном складе хватает лишь на то, чтобы дойти до следующего. День-другой задержки, и весь отряд окажется на грани гибели...

11 февраля на спуске по леднику Бирдмора они заблудились. Дымка, туман. «То нам казалось, что мы взяли слишком вправо, то... слишком влево». Кругом трещины. «Были минуты, когда казалось, что найти выход из этого хаоса почти невозможно... Лыжи мешали. Пришлось их снять. После этого мы ежеминутно стали попадать в трещины. Великое счастье, что все обошлось без беды».

Вечером, после 12-часового перехода, 12-часового блуждания, впервые пришлось уменьшить рационы. Утром обнаружили старый след и... опять сбились с пути. Угодили в настоящий лабиринт трещин. Вновь полуголодная ночевка. Провизии осталось всего на один раз. Где склад, неясно. «Во что бы то ни стало завтра должны туда дойти. Пока же мы бодримся через силу. Ясно одно — попали в тиски».

На следующий день, когда склад был уже найден (пищи здесь всего на три с половиной дня), когда они почти сытые сидели в палатке, Скотт записывал: «Вчера мы пережили самое тяжелое испытание, какое приходилось испытывать за все путешествие. Оно оставило в нас жуткое ощущение угрожающей опасности. Опасность теперь миновала, но ясно одно — нужно спешить. Впредь провизию следует распределять таким образом, чтобы в случае непогоды мы не оставались без нее. Нельзя так рисковать».

Теперь в дневнике почти постоянно: до склада столько-то миль, продуктов на столько-то дней. «Ташимся через силу, подстрекаемые страхом голода».

Они сократили рационы, сократили время на сон. Шагать и шагать.

Эвансу с каждым днем все хуже. 16 февраля в дневнике Скотта запись:

«Эванс, кажется, помрачился в уме». Нет возможности ни подкормить его, ни положить на сани. Он бредет по санному следу, падая, поднимаясь, снова падая и снова поднимаясь.

Днем 17 февраля, когда сделали привал, Эванс далеко отстал. Как обычно. Никого это не встревожило. Заварили чай, позавтракали. Фигура Эванса все еще виднелась далеко позади.

Скотт: «Я первый подошел к нему. Вид бедняги меня немало испугал. Эванс стоял на коленях. Одежда его была в беспорядке, руки обнажены и обморожены, глаза дикие. На вопрос, что с ним, Эванс ответил, запинаясь, что не знает, но думает, что был обморок. Мы подняли его на ноги. Через каждые два-три шага он снова падал. Все признаки полного изнеможения...»

Теперь четверо бредут по бесконечной белой пустыне — Эванс скончался, не приходя в сознание. Теперь можно немного увеличить ежедневные рационы, но спешить надо по-прежнему.

Новая беда — топливо. Банки с керосином, которые лежат на складах, почему-то оказываются полупустыми. Топлива едва хватает на приготовление пищи. Нельзя подогреть даже лишнюю кружку воды, и зачастую они грызут мерзлый пеммикан. Обувь не просыхает, безнадежно смерзается за ночь. По утрам они с трудом натягивают ее на ноги, полтора-два часа уходит только на то, чтобы обуться. Теперь даже днем на ходу они мерзнут. Ветер, кажется, пронизывает насквозь.

Кончилось антарктическое лето. Надвигается зима. Уже сейчас минус 30 — минус 40°. Поверхность ледника покрыта тонким слоем шершавых кристаллов. Ветер попутный, сильный, но они порой даже не в состоянии сдвинуть сани. При низких температурах снег, как песок... Двенадцать миль в день, одиннадцать, шесть, пять с половиной. «Положение наше очень опасное. Не подлежит сомнению, что, так нестерпимо страдая от холода, мы не в состоянии совершать дополнительные переходы».

2 марта Скотт записывает в дневнике: «Отс показал свои ноги. Пальцы его в плачевном состоянии, очевидно, обморожены во время последних ужасных холодов».

6 марта: «Бедный Отс не в состоянии тащить... Он не жалуется... удивительно терпелив: я думаю, ноги причиняют ему адскую боль».

И в тот же день: «Будь мы все в нормальном состоянии, я все же надеялся бы выпутаться. Нас страшно связывает бедный Отс».

В эти дни каждая запись в дневнике Скотта настолько значительна, что хочется цитировать его целиком. Комментарии тут излишни.

«Четверг, 8 марта... Хуже и хуже. Левая нога бедного Отса никоим образом не дотянет... У Уилсона с ногами теперь тоже нехорошо... Сегодня утром мы сделали $4\frac{1}{2}$ мили, до склада осталось $8\frac{1}{2}$ мили. Смешно задумываться над таким расстоянием, но мы знаем, что при такой дороге мы не можем рассчитывать и на половину наших прежних переходов, да и на эту половину мы тратим энергии почти вдвое. Главный вопрос: что найдем мы в складе?... Если... там опять мало топлива. Бог да помилует нас!»

«Суббота, 10 марта... Вчера мы достигли склада у горы Хупер. Хорошего мало. Нехватка во всем. Не знаю, виноват ли тут кто... Катимся неудержимо под гору. У Отса с ногами хуже... Сегодня утром он спросил Уилсона, есть ли у него какие-нибудь шансы. Уилсон, понятно, должен был сказать, что не знает. На самом деле их нет. Я сомневаюсь, что и без него мы могли бы пробиться. Погода создает нам губительные условия. Наши вещи все больше леденеют, ими все труднее и труднее пользоваться. Но, конечно, самой большой обузой является бедный Титус...»

«Воскресенье, 11 марта. Ясно, что Титус близок к концу. Что делать — нам или ему — одному Богу ведомо. После завтрака мы обсуждали этот вопрос. Отс, благородный мужественный человек, понимает свое положение, а все же он в сущно-

сти просил совета. Можно было только уговаривать его идти, пока хватит сил. Наше совещание имело один удовлетворительный результат: я просто приказал Уилсону вручить нам средство покончить с нашими страданиями. Уилсону оставалось повиноваться, иначе мы взломали бы аптечку. У нас у каждого по 30 таблеток опиума, а ему оставили трубочку с морфием...»

«Пятница, 16 марта, или суббота, 17. Потерял счет числам... Жизнь наша — чистая трагедия. Третьего дня за завтраком бедный Отс объявил, что дальше идти не может, и предложил нам оставить его, уложив в спальный мешок. Этого мы сделать не могли и уговорили его пойти с нами после завтрака. Несмотря на невыносимую боль, он крепился, мы сделали еще несколько миль. К ночи ему стало хуже. Мы знали, что это — конец... Конец же был вот какой: Отс проспал предыдущую ночь, надеясь не проснуться, однако утром проснулся. Это было вчера. Была пурга. Он сказал: “Пойду пройду. Может быть, не скоро, вернусь”. Он вышел в метель, и мы его больше не видели... Мы знали, что бедный Отс идет на смерть, и отговаривали» его, но в то же время сознавали, что он поступает как благородный человек и английский джентльмен. Мы все надеемся так же встретить конец, а до конца, несомненно, недалеко...»

К вечеру 19 марта до большого, заложенного еще осенью склада «одной тонны» оставалось всего 11 миль — два десятка километров. У всех обморожены ноги, сам Скотт записывает в дневнике: «Лучшее, на что я теперь могу надеяться, это ампутация ноги; но не распространится ли гангрена — вот вопрос».

И все же они по-прежнему готовы к борьбе. Если бы не шторм... День за днем, десять дней подряд.

За эти дни всего три лаконичные записи:

«Среда, 21 марта. Вчера весь день пролежал из-за свирепой пурги. Последняя надежда: Уилсон и Боуэрс сегодня пойдут в склад за топливом».

«Четверг, 22 марта. Метель не унимается. Уилсон и Боуэрс не могли идти. Завтра остается последняя возможность. Топлива нет, пищи осталось на раз или на два. Должно быть, конец близок. Решили дожидаться естественного конца. Пойдем с вещами или без них и умрем в дороге».

«Четверг, 29 марта. С 21-го числа свирепствовал непрерывный шторм. Каждый день мы были готовы идти (до склада всего 11 миль), но нет возможности выйти из палатки, так несет и крутит снег. Не думаю, чтобы мы теперь могли еще на что-то налегаться. Выдержим до конца. Мы, понятно, все слабеем, и конец не может быть далек.

Жаль, но не думаю, чтобы я был в состоянии еще писать».

Ниже — подпись, почерк, кажется, совсем не изменился: «Р. Скотт»...

Восемь месяцев спустя спасательная партия обнаружила палатку, почти занесенную снегом. Доктор Уилсон и лейтенант Боуэрс лежали в спальнях мешках. Скотт, видимо, умер позднее — спальный мешок распахнут, рука откинута поперек тела Уилсона.

Три записные книжки лежали у него под плечами.

Пройдут годы, теперь уже три четверти столетия. Но вновь и вновь будет задаваться вопрос: почему они погибли?

Стефан Цвейг считал, что причины трагедии чисто психологические: «...стальная пружина воли ослабла. В походе к полюсу их окрыляла великая надежда осуществить заветную мечту мира; сознание бессмертного подвига придавало им нечеловеческие силы. Теперь же они борются только за спасение собственной жизни, за свое брренное существование, за бесславное возвращение, которого они в глубине души, быть может, скорее страшатся, чем желают».

Думается, в таком объяснении — принижение мужества англичан. Более того, оно несправедливо, бездоказательно.

Было действительно «ужасное разочарование». Страхавращения не было. Они торопились: первое время, пока мог-

ли, почти бежали, впрягшись в сани. Их суточные переходы достигали тридцати пяти и более километров. Амундсен — на собаках! — проходил в среднем за сутки чуть более тридцати километров.

Амундсен позднее скажет: «Никто лучше меня не может воздать должное героической отваге наших мужественных английских соперников, так как мы лучше всех способны оценить грозные опасности этого предприятия... Мужества, твердости, силы им было не занимать».

Вслед за Цвейгом многие авторы утверждали, что Амундсен — пусть невольный — виновник гибели англичан. Он, мол, нарушил «полярную этику».

На это обвинение еще при жизни истинно по-джентльменски ответил сам Роберт Скотт: «Нарушением этики может считаться только намерение какой-либо экспедиции отправиться в пункт, который уже был публично объявлен базой другой экспедиции».

Амундсен, как известно, устроил свою базу в сотнях километров от базы Скотта. Он шел своим, неизведанным маршрутом, их пути пересеклись только у полюса.

Мало кто знает, что уже в Антарктиде Амундсен, столь же по-джентльменски, предложил передать Скотту половину своих собак. Англичане отказались.

Собственно говоря, даже и своих собак Скотт фактически так и не использовал. Только на вспомогательных работах. Причин этому много, но главная из них — свособразный снобизм...

Здесь уместно, пожалуй, сделать небольшое отступление.

Годы спустя Кетлин расскажет о своем знакомстве с Робертом Скоттом, случайном, в гостях. Кетлин торопилась на поезд, ушла пораньше: «Он ушел через две минуты после меня, рассчитывая догнать, но, увидев, что я несу довольно большой чемодан, не смог нарушить правило этикета, согласно которому “английскому джентльмену не полагается носить по улице громоздкие предметы”, и не стал догонять меня...»

Кажется, в этом эпизоде весь Скотт, «Некто Скотт» — английский джентльмен. «Не принято» означает «нельзя». Это он впитал с молоком матери. Корни его снобизма не в повышенном самомнении — в нелепой покорности традициям.

«Не принято», чтобы английский джентльмен нес по улице чемодан, «не принято», чтобы ходил на лыжах, «не принято», чтобы использовал собачью упряжку...

О Маркхеме сказано, что его мнения «были продуктом теории и эмоций». Но эти же слова вполне относятся и к Роберту Скотту.

Он, например, послал человека в Маньчжурию, чтобы отобрать лошадей — обязательно белой масти! Дело в том, что у Шеклтона белые лошади вроде бы слыхли позже, чем остальные. На этом основании Скотт сделал вывод, что именно белые лошади наиболее приспособлены к белым снегам Антарктиды!

Вот уж действительно «продукт теории и эмоций»!

К несчастью, белые лошади в Маньчжурии — редкость. И, руководствуясь указанием Скотта, пришлось брать всех подряд — и сильных, и слабых. (Вы помните, «довольно беспорядочный флот из разнокалиберных судов».) Вдобавок с некоторыми из них пришлось впоследствии немало помучиться. Некий Кристофер, например, имел вполне несносный характер. Три-четыре человека должны были зачастую предварительно уложить его, а уж потом запрячь. Уже во время похода к полюсу Скотт пишет о проделках Кристофера почти ежедневно. И не только Кристофера! Это была постоянная трепка нервов и, естественно, губительная потеря времени: на упряжку лошадей нередко уходили часы!

В вопросе об использовании собак Скотт, к несчастью, полностью разделял мнение Маркхема. «С моей точки зрения, — писал он, — ни одно путешествие на собаках не может принести таких результатов, как поход, участники которого преодолевают трудности, опасности и лишения, полагаясь —

лишь на собственные силы, проводят в тяжелом физическом труде дни и недели... Несомненно, что в последнем случае победа достигается более благородным способом, становится более блистательной».

Уже во время похода Скотт вполне оценил достоинства собак, но так и не использовал их по-настоящему. Прав, наверное, английский биограф: «Скотт рассматривал полюс как плацдарм для демонстрации героизма ради героизма».

Пожалуй, и все другие участники экспедиции были в этом отношении полностью солидарны с Робертом Скоттом. Некоторые из них, в частности Отс, оплатили свое участие в экспедиции крупным денежным пожертвованием. Все без исключения были готовы работать бесплатно.

Что ж, Скотт действительно отобрал лучших. Семь тысяч человек (!) изъявили желание участвовать в экспедиции. На борт «Терра Новы» взошли 65. На зимовку остались 33 человека.

«Не знаешь, кого хвалить, так неумоимо все работают для общего блага. Каждый в своем роде — клад», — записывал в дневнике Скотт.

Большинство из них военные моряки. И на судне, и на зимовке Скотт всегда сохранял привычные порядки: «Дисциплина в обычном смысле этого слова отсутствовала, ибо мы в точности следовали букве устава».

Возможно, уставные порядки не лучший стиль руководства в полярных экспедициях. Но и весной, уже после окончания зимовки, Скотт с удовлетворением писал: «С самого начала не было ни одной размолвки между кем-либо из двух членов нашей компании».

Всех их — офицеров, ученых, рядовых объединял горячий энтузиазм. Бывалый моряк, знающий ученый, хороший кочегар, опытный врач, храбрый кавалерийский офицер... Наверное, каждый из них готов был пожертвовать жизнью во имя успеха экспедиции. Но в полюсном походе одной готовности пожертвовать собой мало. Нужен еще и опыт — экспедиционный, полярный.

Скотт отобрал лучших: самых знающих, самых мужественных. Но... Но только один из них умел по-настоящему ходить на лыжах, только один разбирался в моторах, только двое понимали в лошадях и понимали лошадей, только трое могли управиться с собачьей упряжкой и в лучшем случае только несколько человек имели некоторый полярный опыт.

Во время зимовки начальник экспедиции сумел сплотить людей: веселая газета, общие праздники, футбол на снегу, два раза в неделю интересные познавательные лекции. Но полевого полярного опыта за зиму никто не приобрел. Зачем они, полярные навыки? Главное — сила духа! Для англичанина нет невозможного! К лыжам все они по-прежнему относились с иронией, к лошади — с опаской, к тягачам и собакам — с недоверием.

Когда начался полюсный поход, физик, морской офицер и врач должны были управляться с лошадьми, старшина кочегаров — с тягачом.

24 октября, в день отправления моторной партии, Скотт записывает в дневнике: «Лэшли еще не совсем освоился с тонкостями управления рычагами, но я надеюсь, что в день или два он напрактикуется».

А позже, когда люди, увязая по колено, будут тащить сани по рыхлому снегу, он запишет: «Одно средство — лыжи, а мои упрямые соотечественники питают против них такое предубеждение, что не запаслись ими»...

В своей предсмертной записке «Послание обществу» Роберт Скотт говорит: «Причины катастрофы не вызваны недостатками организации, но невезением в тех рискованных предприятиях, которые пришлось предпринимать».

Фактически он называет единственную причину — катастрофическую непогоду. Но в действительности «непогода» — достаточно обычная антарктическая погода: рыхлый снег, пурги, морозы до минус 40°. На последнем участке пути, в марте, всего этого можно было ожидать. Во время похода Шеклтона уже 21 февраля — летом! — было минус 55°!

Нет, невезение тут ни при чем!

Успех или поражение любой экспедиции, а полярной в особенности складывается из сотен и тысяч мелочей. Впрочем, нет, «мелочей» в экспедиции не бывает!

Важно все: застежка на анорাকে, форма шипов на ботинке, прокладка в канистре... Мелочи раздражают, мешают жить, воруют время. То самое время, которое определяет — со щитом или на щите...

Амундсен предвидел: на обратном пути в тумане, во время пурги разыскивать склады продовольствия будет, наверное, нелегко. Можно потерять время.

У каждого склада поперек пути он выставил по два десятка шестов через 900 метров — восемнадцатикилометровый ряд. Каждый шест маркировали так, что легко было определить, с какой стороны и как далеко находится склад. Мало того, вдоль всего пути к полюсу норвежцы через каждые девять километров (пять минут широты) строили двухметровые снежные башни. Нелегкая работа вырезать девять тысяч снежных глыб, сложить сто пятьдесят башен. Нелегкая, но необходимая.

Амундсену пришлось-таки тратить время на поиск складов. На обратном пути он не раз записывал: «Мы глядели, глядели и ничего не узнавали...», «Да, освещение производит громадные изменения, это мы теперь поняли...», «Я мог бы поклясться, что в глаза не видал этой местности...»

Но благодаря своей предусмотрительности Амундсен в худшем случае тратил на поиски складов десятки минут, англичане — часы и дни.

Здесь действительно важен психологический мотив. Поиск складов стал для англичан проклятием, боязнь не найти очередной — дамкловым мечом, призраком голодной смерти.

А сколько других подобных «мелочей», сколько потерянных часов, дней!

Несколько раз, например, Скотт отмечает в дневнике: «...мы долго провозились с обуванием», «обувание по утрам

отбирает все больше и больше времени», «сколько уходит утром времени на обувание — ужас!» Все верно, в холодной палатке влажная обувь за ночь неминуемо смерзается. Надевать ее — мучение, на это тратятся не минуты — часы. Кроме того, не до конца оттаявшая обувь — почти неизбежная причина обморожений. (Как это, наверное, и было у англичан.) Можно избежать бессмысленной потери времени, достаточно на ночь положить обувь в спальный мешок. Простой и надежный способ. Противно? Может быть. Но зато целесообразно.

Еще пример. Англичане раз за разом с удивлением и ужасом убеждались, что канистры с бензином, которые на пути к полюсу они оставляли в хранилищах, на обратном пути оказывались полупустыми.

«Как жаль, что у нас мало топлива», — записывал в дневнике Скотт. «Исчезновение топлива по-прежнему причиняет беспокойство», «топлива безумно мало», «положение критическое». Англичане страдали от недостатка воды, возможно, даже от обезвоживания организма.

«Мы все-таки справились бы, несмотря на непогоду, — писал Скотт в «Послании обществу», — если бы не болезнь второго нашего сотоварища... и не нехватка горючего на наших складах, причину которой я не могу понять».

Беда Скотта — в незнании полярной литературы. И Амундсен, и другие полярные путешественники еще раньше сталкивались с этим «непонятным» явлением. Дело в прокладках (не будем вдаваться в объяснения). Так или иначе, Амундсен постарался сделать все, чтобы предотвратить утечку. Одна из его канистр была найдена у 86-го градуса через полсотни лет. Ее содержимое полностью сохранилось!

Можно привести еще десятки примеров. Можно сопоставлять подготовленность людей, норвежцев и англичан, к полюсному маршруту, сравнивать продуманность планов, качество снаряжения...

И всегда такие сравнения будут не в пользу английской экспедиции.

Думается, ни при чем несвезение, непогода... Причина трагедии в слепом повиновении традициям, в незнании полярной литературы. А в целом — в отсутствии полярного опыта.

Прав Амундсен: «Мужества, твердости, силы им было не занимать. Немного больше опыта — и их предприятие увенчалось бы успехом».

Прав и Роберт Скотт: «Я не оказался великим исследователем, но мы совершили величайший поход, когда-либо совершенный...»

Герои арктических рассказов Джека Лондона с детства входят в нашу жизнь. Но все они, красивые, мужественные, удачливые, только вымысел. А как много героических страниц в подлинных дневниках полярных путешественников!

Дневник Скотта не блещет изяществом стиля, да он и не предназначался для публики. Но в дневнике есть то, что важнее литературных красот, — правда жизни. И еще — величие человека.

Когда умирал Эдгар Эванс, когда умирал Лоуренс Отс, никто не предложил использовать шанс простой и бесчестный: оставить больных, чтобы попытаться выжить.

«Некто Скотт» мог по праву гордиться: «Мы выполнили свое задание, достигнув полюса, и сделали все возможное вплоть до самопожертвования, чтобы спасти больных товарищей».

Перед смертью, уже потеряв надежду, трое еще остававшихся в живых писали письма родным, близким.

Уилсон жене: «Мы боролись до конца, и нам не о чем жалеть. Все хорошо». Боуэрс матери: «Замечательно умереть с такими товарищами, как у меня... и ты должна знать, что конец был спокойным, все равно как сон на морозе».

Скотт жене: «Я полагаю, что шансов на спасение нет. Мы решили не убивать себя, но бороться до конца, пробиваясь к этому складу, но в борьбе этой наступил безболезненный конец... Заинтересуй мальчика естественной историей, если смо-

жешь; это лучше, чем игры... Больше всего он должен остерегаться лени, и ты должна охранять его от нее. Сделай из него человека деятельного... Как много я мог бы рассказать тебе об этом путешествии! Насколько оно было лучше спокойного сидения дома в условиях всяческого комфорта! Сколько у тебя было бы рассказов для мальчика! Но какую приходится платить за это цену!.. Скажи сэру Маркхему, что я часто его вспоминал и ни разу не пожалел о том, что назначил он меня командовать "Дискавери"...»

Скотт соотечественникам: «Если бы мы остались в живых, то какую бы я поведал повесть о твердости, выносливости и отваге своих товарищей!

Мои неровные строки и наши мертвые тела должны повесть эту повесть...»

Восемь месяцев спустя специальная спасательная партия нашла полузасыпанную снегом палатку, нашла их тела.

«Мы отыскали все их снаряжение, — писал доктор Аткинсон, — и откопали из-под снега сани с поклажей. Среди вещей было 35 фунтов очень ценных геологических образцов, собранных на моренах ледника Бирдмора. По просьбе доктора Уилсона они не расставались с этой коллекцией до самого конца, даже когда гибель смотрела им в глаза, хотя знали, что эти образцы сильно увеличивают вес того груза, который им приходилось тащить за собой.

Когда все было собрано, мы покрыли тела наружным полотнищем палатки и прочли похоронную службу. Потом вплоть до следующего дня занимались постройкой над ними огромного гурия. Этот гурий был закончен на следующее утро, и на нем поставлен грубый крест, сделанный из двух лыж...

Одинокие в своем величии, они будут лежать, не подвергаясь телесному разложению, в самой подходящей для себя могиле на свете».

Теперь, конечно, и гурий, и крест давно уже ушли под снег. Их тела лежат в толще ледника Антарктиды.

А на мысе Хижины, на вершине Наблюдательного холма, установлен девятифутовый крест из австралийского красного дерева. На нем — пять фамилий, ниже как эпитафия — строка английского поэта. По-русски она звучит так: «Бороться и искать, найти и не сдаваться».

Теперь, десятилетия спустя, кажется надуманным ажиотаж гонок к полюсу. Не так уж важно, кто был первым. И норвежцы, и англичане одержали победу, только англичане заплатили за нее жизнью. И как признание их общей победы научно-исследовательская станция на Южном полюсе носит название «Амундсен — Скотт».

Десятки стран сотрудничают сегодня в исследовании Антарктиды — континента без государственных границ.

ГЛАВА 11. КАПИТАН «ГЕРКУЛЕСА»

«Капитан стал у штурвала...»

Такой фразой можно было бы начать увлекательный морской роман, а у нас документальный рассказ. Место и время действия определены: Екатерининская гавань, Александровск, 1912 год, 26 июня по старому стилю, 9 часов вечера.

Но единственное сохранившееся описание отплытия «Геркулеса» действительно начинается именно так: «Капитан стал у штурвала...»

Был теплый летний вечер. Полный штиль. Незакатное солнце висело над горизонтом, словно прочерченным по линейке.

Никто не знал, что им не суждено вернуться.

«Прощайте! Счастливо!» — неслось со всех сторон. «Вперед!» — скомандовал капитан...

Имя капитана — Александр Степанович Кучин. Родился в 1888 году, скончался в 1913 (?). Знак вопроса необходим — точная дата, место и обстоятельства гибели все еще не известны.

**Александр Степанович Кучин.
Родился 28 сентября 1888 года,
пропал без вести в сентябре
1912 года**

В 1912 году, когда ему еще не исполнилось двадцати четырех, стал Александр Кучин капитаном «Геркулеса». Много ли можно успеть к этому возрасту? Оказывается, многое!

Два острова в Арктике названы именем Кучина, в Антарктиде — ледник и пик. Имя его носит учебное судно Архангельского мореходного училища.

В Онеге, маленьком городке на берегу Белого моря, совсем недавно были еще живы старики-поморы, которые помнили его. Один из них, рассказывая о Кучине, вздохнул: «Если б не погиб, вторым Ломоносовым мог бы стать».

Может быть, излишне пристрастен старый помор?

В 1910 году, когда экспедиция Руала Амундсена готовилась отплыть на «Фраме», газета «Моргенбладет» писала: «В числе национальной норвежской экспедиции... среди других ее участников состоит уроженец Архангельской губернии А.С. Кучин... Кучин включен в состав экспедиции вопреки постановлению стортинга, который высказался за то, чтобы она носила исключительно норвежский национальный характер... Такое нарушение организатором экспедиции пожелания стортинга было сделано ввиду исключительных способностей и таланта А.С. Кучина в области океанографии».

К сожалению, за всю свою недолгую жизнь капитан Кучин не успел опубликовать ни одной статьи. Дневники, которые он вел в экспедиции Амундсена, были украдены в Буэнос-Айресе. Сохранилась только небольшая их часть — за август—декабрь 1910 года.

По письмам, немногим документам, воспоминаниям друзей, по рассказам его сестер удастся в какой-то мере восстановить жизнь и облик Александра Степановича Кучина...

«Море нас поит, кормит, море и погребает», — говаривали в старину поморы.

Суденышко деда, беспалубную шняку, настиг жестокий шторм у берегов Мурмана, и отец Александра рос сиротой. Когда исполнилось ему девять лет — рано взростеют поморы, — подался он туда же, на рыбные промыслы.

Зуй, зюёк (была тогда такая «специальность») — это мальчик на подхвате. Но главная его особенность — насаживать мелкую рыбешку на крючки многокилометрового яруса. Искотлые пальцы коченели в холодной воде, от качки, от усталости ныло все тело... Хорошую морскую школу прошел Степан Григорьевич — зюёк, матрос, шкипер, капитан. И сына своего он с детства повел по ступеням этой же суровой школы. К шестнадцати годам Александр побывал уже на Мурмане, на Новой Земле, на Шпицбергене, плывал в Белом, в Баренцевом, в Карском, в Норвежском морях.

«Норвега — та же Онега, только речь другая», — говорили в те времена. Контакты между норвежскими рыбаками и поморами были тогда самыми тесными. Кучин работал и на русских, и на норвежских промысловых судах. После окончания Онежского городского училища даже учился один год в норвежской школе. И в 1906-м — было ему всего восемнадцать — составил «Малый русско-норвежский словарь», вскоре опубликованный издательством «Помор».

Сохранилась фотография, относящаяся приблизительно к этому времени, — совсем еще детский овал лица, по-детски припухлые губы, но на плечах уже форменные погоны с якорьком. Александр Кучин поступил на мореходное отделение Архангельского торгово-мореходного училища.

Одноклассник его, известный впоследствии гидрограф П.И. Башмаков, многие годы спустя вспоминал: «Ученье давалось ему легко. По своим успехам он неизменно шел впереди всех товарищей по классу, а училищное начальство и преподаватели, видя его способности, относились к нему хорошо и доброжелательно. Характер Александр Степанович имел скромный, отзывчивый, и поэтому неудивительно, что отношения его с товарищами по классу были самыми дружескими. В общем, это была тесная семья юных моряков».

Закончив училище с золотой медалью, Кучин мог поступить в одну из пароходных компаний. Мог стать штурманом, позже — капитаном, ходить на промысел зверя, ловить рыбу

или возить богомольцев на Соловецкие острова. Но это не удовлетворяло его. Он выбрал свое будущее: изучение моря, а точнее полярного бассейна. Без знания течений, ледовых условий нельзя было надеяться проложить морской путь к устьям великих сибирских рек.

Фактически наука об океане тогда только зарождалась. В Бергене при Институте геофизики были созданы первые в мире курсы океанологов. А крупнейшим специалистом по полярному бассейну был, несомненно, Фритъоф Нансен. И вполне естественно, что по окончании училища Кучин в августе 1909 года сразу же уезжает в Норвегию.

Сохранилось несколько его писем, адресованных товарищу по Архангельской мореходке Константину Алексеевичу Белову. Их сумел разыскать в семейных архивах дальний родственник Белова А.М. Ухловский.

«Как ты знаешь, был я в Тромсё, — пишет Кучин 8 октября. — Тут я думал поступить на пароход норвежской экспедиции “Michael-Sars”. Капитан порта сказал кой-что о здешних курсах изучения моря. Со 100 кронами в кармане (их дал мне отец)... приехал в Берген. Курсы, о которых он говорил, близки были к концу, да для меня и невозможны, потому что читаются на немецком языке. Курсисты — уже окончившие университеты. Так, например, из Одессы преподаватель гимназии. Познакомился... с профессорами курсов. Затем занялся океанографией под руководством одного известного ученого — Helland-Hansen'a. Литература на немецком и английском языках, почему старательно занимаюсь этими языками. По-английски читаю без словаря громадные сочинения... Производил много анализов воды, а на следующей неделе с профессором [идем] на моторе на исследования. Будем определять течения, брать пробы воды, определять соленость, температуру и по ним вычислять течения. Только через два месяца придет капут моим деньгам. Тогда на рыбные промыслы... Со мной вместе работают австрийский герцог и норвежский лейтенант... Профессор — редкостный человек. Вчера он читал

лекцию в здании метеорологической обсерватории и зашел ко мне, чтобы взять с собою... В одной из здешних газет, "Afonse — Tiden" предлагают сотрудничать. Займусь и этим».

По-видимому, Хелланд-Хансен отлично понимал материальные затруднения своего русского ученика, и уже в декабре Кучин пишет: «Теперь я ассистент биологической станции и зарабатываю деньги. В марте поеду в Англию на траулере. В русскую экспедицию писал о своих занятиях здесь, и, кажется, рады будут иметь меня там, так как со мной связано имя профессора Helland-Hansen'a».

Кучин немало поработал на промысловых судах, он знал, каким трудом достается «рыбка». Теперь океанология становилась наукой, которая могла покончить с дедовскими приемами слепого, интуитивного поиска рыбы в океане. И Кучин мечтал применить свои знания на практике: купить для начала бот (если удастся, взять кредит) и вместе с Беловым заняться изучением гидрологии и гидробиологии Баренцева моря — тем, что мы сейчас называем перспективной промысловой разведкой.

В феврале 1910 года Кучин пишет: «Дорогой Костюшко! Давным-давно получил твое письмо, но все не мог собраться написать тебе. Жизнь немного разрушает мечты, и, кажется, в мае—июне мне не придется еще быть в России... Что предприму на лето — не знаю. Или буду ассистентом на "Michael-Sars" — пароходе норвежской научно-промысловой экспедиции, или поеду в Англию работать на траулерах. Хорошо и то и другое... Осенью буду на биологической станции в Александровске и попытаюсь уговорить заведующего за их счет приобрести научные приборы, с тем чтобы я мог пользоваться ими. Вот поэтому-то хорошо было бы, если бы ты остался на 3—4 месяца в Англии и научился основательно работать тралом. Нам придется работать много этим орудием... Мурманская экспедиция окончила свои дни, что, может быть, к лучшему. Если удастся нам приобрести бот с двигателем, то никто не будет мешать».

Жизнь, однако, совершенно изменила планы. Всего через несколько дней после того, как было послано это письмо, Кучин неожиданно получил лестное предложение принять участие в экспедиции Амундсена на «Фраме». Видимо, выбор Амундсена определила рекомендация Хелланд-Хансена — во всяком случае на контракте, заключенном 14 марта 1910 года, норвежский профессор поставил свою подпись как поручитель молодого русского ассистента.

В Онеге у родственников сохранилось письмо, посланное Кучиным вскоре после заключения контракта:

«Давно не писал, потому что перед отъездом накопилось много работы и хочется окончить все. Затем в последнее время меня интервьюировали и написали кой-что о моих работах на станции... Кажется, мне удалось пробить себе дорогу даже в России. О нашей экспедиции уже знают, знают и о том, что я еду с ней. Буду стараться работать так, чтобы Амундсен не раскаивался в том, что взял с собой иностранца, да еще русского. Во всяком случае здесь, в Бергене, моя работа была важна и полезна. И среди ученых в музее я пользуюсь почетом и уважением. Только бы достало энергии на дела».

Предполагалось, что экспедиция продлится около пяти лет. «Фрам», войдя в полярный бассейн через Берингов пролив, должен был повторить исторический дрейф Нансена. В контракте, подписанном Кучиным, было оговорено совершенно четко: «Согласно решению начальника экспедиции, ее ближайшей целью является исследование до сих пор не известных районов вокруг Северного полюса». Это было как раз то, о чем он мечтал! Но...

9 сентября 1910 года. Остров Малейра, на рейде Фуншала. Дневник Кучина:

«В 6 часов вечера начали готовиться к подъему якоря. Когда все было готово, начальник экспедиции позвал всех участников на палубу... Этот всегда удивительно спокойный человек теперь заметно волновался.

— Господа, я позвал вас сюда, чтобы сообщить вам весьма важную новость, — сказал он. — План экспедиции существенно изменен. Сказать этого раньше я не мог, имея на то важные основания. С тех пор как американцы побывали на Северном полюсе и стортинг отказал нам в ассигновке, поездка к Северному полюсу утеряла несколько свой интерес. Теперь мы идем к Южному полюсу. Другая экспедиция, именно английская экспедиция “Терра Нова” под начальством капитана Скотта, имеет ту же цель и уже находится в пути. Именно это заставляло нас держать наши планы в секрете. Чтобы быть уверенным в вас, я позволю себе сделать опрос. Кто желает идти к Южному полюсу?

Все отвечали “да”. Мне он сказал, что придется остаться на судне, так как летом, т.е. в ноябре-декабре 1911 года, “Фрамом” будут сделаны океанографические исследования в южной части Атлантического океана...

Это известие поразило всех. Никто не подозревал... Но уныние скоро прошло. Наступило какое-то опьянение. Новые мысли, новые планы так же далеки от старых, как Южный полюс от Северного».

Чуть позже Кучин запишет: «Все больше и больше хочется попасть в береговую партию, но, вероятно, не удастся. Плохо быть океанографом в подобных случаях». Однако уже через несколько дней он полностью поглощен планированием предстоящих морских работ:

«Когда “Фрам” вернется от Земли Южная Виктория в Буэнос-Айрес, будет сделана океанографическая поездка. Впервые, Буэнос-Айрес — острова Зеленого Мыса (думаю продолжить до берегов Африки), на юг по Гвинейскому течению до встречи с холодным течением, идущим на север от Игольного мыса, затем прямо на запад, к берегам Южной Америки. Такого рода исследований еще не было сделано в этих местах, и это будет иметь громадное значение. Вся работа будет лежать на мне, и надеюсь ее успешно выполнить. Только бы побольше свободы в действиях...»

14 января 1911 года «Фрам» подошел к берегам Антарктиды. Амундсен и восемь его товарищей остались на зимовку в Китовой бухте, на шельфовом леднике Росса. В октябре—декабре пятеро из них совершили триумфальный поход к Южному полюсу. А «Фрам» под командой капитана Т. Нильсена продолжал кругосветное циркумантарктическое плавание.

В дневнике Т. Нильсена есть запись: «Ертсен и Кучин все время собирали планктон. Счастливая улыбка озаряла лицо последнего, когда ему удалось поймать в сетку одно или два “морских чуда”».

А.С. Кучин и штурман Х. Ертсен выполнили ценнейшие океанографические работы: 60 глубоководных станций, 190 сборов планктона, 891 проба воды. А когда океанологические работы были закончены, Кучин из Буэнос-Айреса отплыл на пассажирском пароходе в Европу. Он вез в Норвегию пробы воды и весь собранный за время плавания научный материал.

Корреспондент газеты «Русское слово», встретившийся с Кучиным в Осло, писал:

«Еще совсем молодой — ему всего 23 года, с открытым добрым лицом, немного мешковатый и застенчивый, он похож скорее на только что кончившего семинарию народного учителя, чем на отважного мореплавателя...

— Какие у вас планы на будущее?

— Я послезавтра еду в Берген к Хелланд-Хансену для исследования привезенного мною научного материала... А к Рождеству думаю быть обратно в России, надеюсь пристроиться к какой-нибудь русской научной экспедиции.

— А как вы думаете, — спросил он меня вдруг, указав на лежавший на столе билет, — я вот приглашен сегодня в географическое общество. Говорят, там будет король со свитой. Полагается, вероятно, черный фрак? Это ничего, что я в матросской куртке? У меня нет другого платья».

В тот вечер застенчивый русский моряк был окружен всеобщим вниманием на заседании Норвежского географичес-

кого общества. Он был представлен королю, а позже норвежское правительство наградило А.С. Кучина денежной премией — 3000 крон.

Вернуться к Рождеству домой не удалось: два месяца потребовалось на обработку материалов. В контракте, который Кучин заключил в свое время с Амундсеном, было оговорено особым пунктом: «Все результаты работы являются собственностью экспедиции. Все наблюдения, предпринятые каждым отдельным участником экспедиции, должны находиться в ее распоряжении, так же как и вообще все записи в дневниках, касающиеся самой экспедиции... Участники экспедиции не могут без согласия ее руководителя опубликовать что-либо ранее трех лет после возвращения в Норвегию». Вот так и получилось, что Кучин не успел, не смог ничего опубликовать. А результаты были интереснейшие! Фритьоф Нансен позднее писал: «...моряки “Фрама” изучали океан между Южной Америкой и Африкой. Они первыми пересекли дважды эту малоизвестную часть океана, дополнили человеческие знания новыми сведениями о неизвестных морских глубинах, завоевав для науки новые области морского дна... Два океанографических разреза, выполненных “Фрамом”, являются наиболее полными и длинными, которые были известны в какой-либо из частей Мирового океана».

В конце января 1912 года Кучин вернулся домой, в Онегу. Вернулся совсем ненадолго. В феврале неожиданно пришла телеграмма из Орла от Владимира Александровича Русанова: не согласится ли он, Кучин, принять участие в Шпицбергенской экспедиции?

Трудно сказать, были ли они раньше знакомы. Но, конечно, Кучин знал о смелых Новоземельских экспедициях Русанова, читал, вероятно, его статьи о необходимости освоения Северного морского пути.

Экспедиция 1912 года официально была организована только для геологического обследования Шпицбергена, для разведки угольных месторождений. Но совершенно ясно, что

**Владимир Александрович
Русанов. Родился 15 ноября
1875 года, пропал без вести в
сентябре 1912 года**

уже тогда, в феврале—марте, Кучин прекрасно знал, что планы Русанова отнюдь не ограничиваются Шпицбергенем.

Еще в предварительном проекте экспедиции Русанов, высказав свое мнение о необходимости особо тщательного выбора судна, специально подчеркивал: «В заключение нахожу необходимым открыто заявить, что, имея в руках судно выше намеченного типа, я бы смотрел на обследование Шпицбергена как на небольшую первую пробу. С таким судном можно будет широко осветить, быстро двинуть вперед вопрос о Великом Северном морском пути в Си-

бирь и пройти Сибирским морем из Атлантического в Тихий океан».

Русанов страстно ратовал за экономическое освоение Северного морского пути. В одной из своих статей, опубликованной в журнале «Известия Архангельского общества изучения Русского Севера» (членом этого общества был и Кучин), Русанов писал: «Перед Россией сейчас встала беспрецедентно великая историческая задача. Если эта задача будет решена, если мы найдем выход сотням миллионов пудов сибирских товаров самым дешевым Северным морским путем, то мы тем самым завоюем мировой рынок. Это бескровное, чисто экономическое завоевание неизмеримо важнее самой блестящей военной победы, так как экономическое господство является самой прочной базой политического могущества. И я считал бы цель достигнутой, если бы в моем призыве к завоеванию льдов послышалось нечто большее: призыв к завоеванию ми-

рового рынка, призыв к могуществу, к величию и к славе России».

Призыв Русанова не мог оставить Кучина равнодушным.

В начале мая 1912 года Русанов и Кучин выехали из Петербурга в Норвегию, чтобы подыскать и купить судно для экспедиции.

«В Олезунде судно настолько понравилось, — писал Кучин отцу, — что решили купить его. Лучше, пожалуй, и не найти. Судно называется “Геркулес”. Построено в 1908 году специально для звериных промыслов около Гренландии, а в этом году сменена ледяная обшивка».

По нашим современным представлениям, идти на «Геркулесе» во льды было безумием: 63 тонны водоизмещения, мощность мотора... 14 лошадиных сил. Конечно, современные ледоколы имеют «в запряжке» до 75 тысяч (!) лошадиных сил. Но ведь веками плавали во льды и вовсе без моторов.

Во всяком случае и капитан, и начальник экспедиции были довольны судном. Кажется, только отец капитана Степан Григорьевич Кучин не разделял общих восторгов. Он знал о планах Русанова и не мог не тревожиться о судьбе экспедиции. Позднее он будет вспоминать: «Я писал сыну письмо с Русановым... что не советую пускаться в такое опасное плавание. Я упрашивал даже самого Русанова оставить попытку идти в Карское море и не ходить до поздней осени на таком маленьком суденышке, которому название дано совсем не по величине...»

11(23) мая 1912 года, когда подготовка к экспедиции была в полном разгаре, Кучин писал в Онегу:

«Моя дорогая мама! Если бы ты знала, как я счастлив. Я побывал уже в Бергене два дня, виделся с моей маленькой Аслауг. Какая хорошенькая она! Ты так порадовалась бы на нас вместе. И она, и я целуем тебя... И как счастливы мы. Мама, дорогая, порадуйся вместе со мной. Я так люблю ее. Каждый раз больше, чем чаще вижу ее... Я здоров, весел и счастлив. Где мы будем вдвоем с Аслауг, там я буду счастлив».

Долгие годы мы не знали о ней ничего, кроме имени — Аслауг... И вот найдено новое, не известное ранее письмо. Оно ответило на многие вопросы и одновременно еще больше вопросов поставило. Письмо Кучина, посланное из Бергена 12 декабря 1911 года:

«Дорогой отец!.. Это письмо большой важности, поэтому откладывал его на несколько дней. Еще два года тому назад, когда я работал в Бергене, я познакомился с семьей литературного критика Паульсон. Очень скоро я близко сошелся с этими чудными людьми и был у них как друг, как свой. Особенно близки стали мы, т.е. я и младшая дочь Паульсон — Аслауг, тогда еще гимназистка. Мы вместе гуляли, читали и стали большими друзьями. Я уехал на “Фраме”. Мы переписывались, когда только была возможность. Из ее писем я узнал ее еще ближе. Это чудная девушка. Под влиянием своих родителей она воспиталась так, что совершенно не похожа на других норвежек, даже на свою старшую сестру. Еще во время плавания, даже еще раньше, понял я, что я полюбил эту девушку.

Приехав в Христианию, я еще колебался, ехать ли в Берген или нет. Скрывать мое чувство я не в состоянии более, но вместе с тем я боялся связывать ее. Ведь я никогда не думал оставаться за границей всю мою жизнь, всегда думал жить в России. И мысль, что она не может уехать в Россию, где все для нее чужое, мешала мне решиться. Письмо Нансена помогло. Я поехал в Берген и поселился за городом.

За это время она развилась, похорошела. Мы снова стали часто бывать вместе, и я узнал, что и она любит меня... Больше я не мог бороться с собой. Да и к чему? Лучшей жены, лучшего друга мне не найти. Мы пошли к ее родителям. За последние дни они заметили, что между нами что-то произошло. Так как они меня знали давно и хорошо, то мы получили их согласие.

— Если она хочет ехать в Россию и сделаться русской, то с Богом, — ответили Паульсоны.

И с тех пор мы жених и невеста. Так как мое положение в России еще не выяснено и так как Аслауг еще так молода — ей всего лишь 18 лет, — то я решил, что свадьба будет лишь через два года. За это время я что-нибудь сумею сделать в России...

Теперь самое главное: я прошу тебя и маму благословить нас.

Мне уже 23 года, мне пришлось много думать, жить, и поэтому можешь положиться на мой выбор. Мы любим друг друга. Ее ничто не устроит. Она пойдет за мной хоть на край света. Да это и не нужно. Мы поедем лишь домой, к моим дорогим родителям...

Хотя мы и не хотели, чтобы о нашей помолвке стояло что-нибудь в газетах, однако один из корреспондентов разнюхал и в один день было напечатано чуть ли не во всех газетах Христиании и Бергена. Посылаю одну вырезку...»

Теперь открылись новые возможности для архивного поиска. Судя по письму, Фритьоф Нансен принимал какое-то участие в судьбе Александра Кучина. Может, в его архиве хранятся письма «застенчивого русского моряка»? А может быть, сохранился архив семьи Паульсон? И еще один вопрос — как сложилась судьба голубоглазой фрекен Аслауг?

Племянница Кучина Надежда Павловна Мищенко обнаружила на чердаке старого дома Кучиных несколько писем Аслауг. Они еще расшифровываются. Но три слова понятны и без перевода, они написаны по-русски: «Я люблю тебя...»

Из Норвегии «Геркулес» под командой капитана Кучина пришел в Александровск. Последние приготовления, последние письма, последние встречи с друзьями.

26 июня 1912 года в 9 часов вечера «Геркулес» уходил из Александровска на Мурмане; капитан стал у штурвала!

Выбор был сделан. Все знали, на что они идут.

Накануне и в день отплытия моряки «Геркулеса» писали последние письма.

Матрос Алексей Раввин: «...может быть, не вернемся раньше будущего года; во всяком случае не пиши раньше сентября и если не получишь от меня ответа до 1-го ноября, то считай, что мы зазимовали где-нибудь во льдах... Время нет, торопимся выдти в море; думал строиться этим летом — придется оставить до будущего, если буду жив; если пропаду, ты получишь все, что я имею...»

Матрос Василий Черемхин: «Прошу порато не беспокоится, хотя мы и зазимуемся, но на следующее лето до июля и августа тоже недожидайте потому что нам раньше оттуда выйти не позволят льды... До свидания, родные, может и навсегда, может и последняя строка моего письма дойдет до вас...»

Потом был Шпицберген: разведка угольных месторождений, океанологические работы. Отсюда три человека на туристском пароходе возвратились через Норвегию в Россию.

А о дальнейших планах Русанова и Кучина мы знаем только из короткой записки, которую начальник экспедиции оставил в становище Маточкин Шар на Новой Земле:

«Юг Шпицбергена, остров Надежды окружены льдами. Занимались гидрографией. Штормом отнесены южнее Маточкина Шара. Иду к северо-западной оконечности Новой Земли, оттуда на восток. Если погибнет судно, направлюсь к ближайшим по пути островам: Уединения, Новосибирским, Врангеля. Запасов на год. Все здоровы. Русанов».

Так уж повелось испокон веков: капитаны, опасаясь льдов, боязливо прижимались к берегам. В Карское море корабли пытались проникнуть только южными проливами — Югорским Шаром, Карскими Воротами. Русанов справедливо указывал, что есть еще и Маточкин Шар, и путь вокруг Новой Земли.

«Выбор того или иного пути зависит от момента, от предыдущего положения льдов и направления ветров», — писал он. И еще: «Температурные данные, направление течений и характер ветров позволяют думать, что наиболее свободный от льдов путь... лежит вокруг северных берегов Новой Земли».

Время подтвердило правильность взглядов Русанова. Современные суда специального ледокольного типа осуществляют регулярные грузоперевозки трассами Северного морского пути, и современные капитаны действительно выбирают «пути следования в зависимости от ледовых условий». Нередко путь вокруг мыса Желания оказывается самым благоприятным.

Но только не надо забывать — многие десятки метеостанций обслуживают теперь трассу Северного морского пути. Радио, ледовые авиаразведки, космические снимки — мог ли об этом мечтать капитан «Геркулеса»?

Они, Русанов и Кучин, все те одиннадцать человек, что ушли тогда навстречу льдам, были первыми.

«Хочу служить делу...» — Александр Кучин.

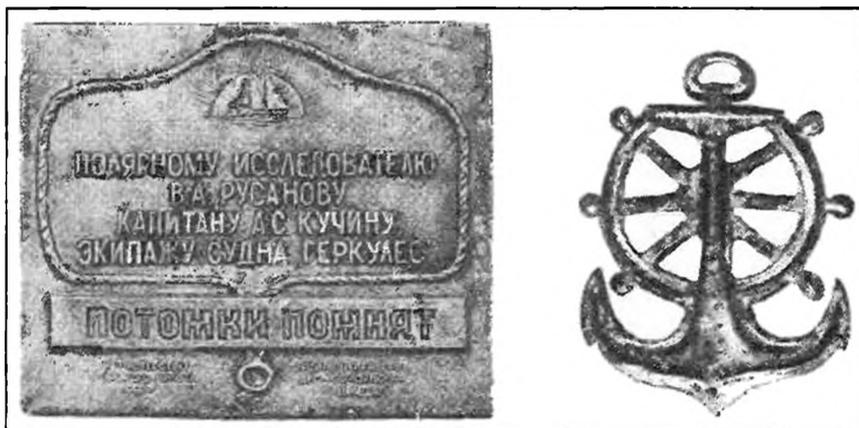
«Я буду работать для России...» — Владимир Русанов.

Три года спустя безрезультатно закончилась последняя спасательная экспедиция. Специальная комиссия, созданная при Архангельском обществе по изучению Русского Севера, официально сообщила: «Надежды никакой иметь уже нельзя». Только дома — в Орле, в Онеге, в маленьких поморских деревнях — их продолжали ждать...

И годы спустя в Россию, в Онегу шли и шли письма из Норвегии: «Я так долго не имею от тебя вестей, но верю в то, что ты жив, что любишь меня. Пусть любовь сохраняет нас, людей...»

**На мысе Русановцев,
на острове Геркулес, на острове
Попова-Чухчина установлены
памятники**

Этот якорек, как и другие вещи, найденные на острове Попова-Чухчина, свидетельствуют, вероятно, о том, что часть экипажа «Геркулеса» сумела перезимовать. И гибель Александра Кучина точнее, видимо, датировать 1913 годом (?)

Вряд ли голубоглазая норвежская фрёкен узнала, что в 1934 году в архипелаге Мона, у западного побережья Таймыра был обнаружен покосившийся столб с надписью: «Геркулесь, 1913 г.». Чуть позже на островке в шхерах Минина были найдены многочисленные вещи участников экспедиции: патроны одиннадцати различных типов, фотоаппарат, буссоль, альтиметр, кружки, ложки, ножи, документы двух матросов — В.Г. Попова и А.С. Чухчина, обрывок рукописи В.А. Русанова «К вопросу о северном пути через Сибирское море» и многое другое. Найдены были и кости — они и сейчас хранятся в Музее Арктики под инвентарным номером 657. Первоначально предполагали, что это человеческие кости. Но когда в 1972 году их передали специалистам на экспертизу, оказалось, что это кости «животных отряда ластоногих» — нерпы или лахтака.

Теперь известны три стоянки участников экспедиции: остров Геркулес в архипелаге Мона, мыс Русановцев к западу от полуострова Михайлова, остров Попова-Чухчина в шхерах Минина. Вещей множество, но нигде не найдены останки

людей, оружие, дневники, записные книжки, документы экспедиции.

Наверное, в 1912 году «Геркулес» зазимовал в районе архипелага Мона. Наверное, в 1913 году (у побережья Таймыра год был аномально ледовитым) судно не смогло высвободиться из ледового плена. Оставив судно, русановцы решили пробиваться на юг, на Пясину, в Енисейский залив, только там можно было надеяться встретить людей.

Кто знает, может когда-нибудь в тундре будет еще найдена их последняя стоянка...

В 1977 году на острове Попова-Чухчина работал отряд экспедиции газеты «Комсомольская правда». Тогда-то и был найден заброшенный галькой, замытый песком якорек. Маленький якорек с погона капитана «Геркулеса» Александра Степановича Кучина.

ГЛАВА 12. ПЛАНЫ ЕГО ВСЕГДА РАССЧИТАНЫ НА ПОДВИГ...

Возможно, подвиг слишком громкое слово. Но была в нем какая-то всепокрушающая внутренняя сила, стремление сделать то, что для других казалось невозможным.

Георгий Седов... Когда-то просто Егорушка, Ёрка, Седый. Сын азовского рыбака с Кривой Косы.

В семье девять детей, мал мала меньше. Отец ушел на заработки и пропал на годы. С семи лет пришлось Ёрке рыбачить, ходить на поденщину в поле, а то и нищенствовать, просить милостыню.

«Как тяжек был этот хлеб, сколько слез, сколько стыда, сколько оскорблений!» — писал Седов в автобиографии годы спустя.

До четырнадцати лет, по его собственным словам, был он вовсе неграмотен, а потом, когда вернулся уже отец, кончил за два года трехклассную церковно-приходскую школу и... убежал из дома. В самом деле убежал, за один день отмахал 75 верст до Таганрога.

«Я в душе твердо решил поступить в мореходные классы... не мог равнодушно смотреть на бегающие под парусами суда».

В двадцать один год получил Седов диплом штурмана дальнего плавания, в двадцать четыре экстерном сдал экзамен и был произведен в поручики по Адмиралтейству, направлен в гидрографическую экспедицию Северного Ледовитого океана.

В экспедиционных плаваниях Седов зарекомендовал себя блестяще. «Всегда, когда надо было найти кого-нибудь для ис-

полнения трудного и ответственного дела, сопряженного иногда с немалой опасностью среди льдов, — писал позднее генерал А.И. Варнек, — мой выбор падал на него, и он исполнял эти поручения с полной энергией, необходимой осторожностью и знанием дела».

Георгий Яковлевич становится помощником начальника экспедиции, но начинается Русско-японская война, и он подает рапорт об откомандировании его на Дальний Восток. Седов командует миноноской № 48, которая несет сторожевую вахту в Амурском заливе. А в 1906 году его назначают помощником лоцмейстера Николаевской-на-Амуре крепости.

По сохранившимся воспоминаниям, Седов представил адмиралу Скрыдлову дерзкий проект: вооружить эскадру шлюпок минами Уайтхэда (минами на шестах) и, прорвавшись на Симоносекский рейд, попытаться уничтожить японские броненосцы.

Конечно, Седов, как и все русские моряки, все русские люди, тяжело переживал поражение России, гибель эскадры в Цусимском проливе. Он уже поработал в Белом, Баренцевом, Карском морях, и ему (да и не только ему) казалось, что катастрофы можно было бы избежать, если бы эскадра адмирала Рождественского пошла не южным путем, а через Ледовитый океан, вдоль северных берегов России.

Георгий Яковлевич Седов.
Родился 3 мая 1877 года,
погиб на пути к полюсу 5 марта
1914 года. Фотография сделана
16 декабря 1909 года
в Петербурге

В газете «Уссурийская жизнь» молодой гидрограф выступает со статьями, в которых подчеркивает «значение Северного океанского пути для России», призывает к его освоению.

«Я думаю и почти уверен, — писал Седов, — что между русскими моряками уже есть такие охотники и они по первому зову правительства: «Вызываем желающих» — бросят все и охотно станут под почетный флаг полярной экспедиции, принесут все свои личные интересы в жертву великому делу своей родины, несмотря ни на какие предстоящие лишения и бедствия. Но эти охотники, к большому сожалению, слишком запуганы, чтобы сами могли открыто и энергично высказать правительству свой взгляд на это дело, ибо уже много было примеров, когда смельчаки обращались по этому вопросу к правительству за содействием, и им всем был один и тот же чиновничий ответ: “Цыц”. После этого, конечно, ничего не остается этим смельчакам делать, как сидеть и ждать, сдерживая свои высокие порывы души быть полезными родине, пока правительство их само не призовет к этому делу. Но правительство остается по-прежнему глухо и немое к этому вопросу, а между тем всевозможные осложнения с великими державами Востока не за горами и громко и прозрачно звучат о новой для нас беде».

В 1908 году, уже в Петербурге, Седов публикует небольшую брошюрку: «Право женщин на море». В ней излагается целая программа привлечения «слабого пола» к морской службе: «Женщина может быть и отличным капитаном». Но не только это! Пафос брошюры — необходимость предоставления русской женщине гражданских прав вообще.

«Хочу сказать лишь только то, что давно надо было сказать и что сказал бы всякий человек, ищущий истину на пользу и благо всего человечества... Я хочу сказать, что... женщина есть тоже человек, одаренный разумом и добрым сердцем, и что ее не любить и не уважать нельзя, и игнорировать ее труд и мысли — большая несправедливость... Мы... не даем им самого простого, самого необходимого для них, — мы не даем

им одинаковых с нами прав гражданства человека и светлой, насыщенной, как пища, свободы... Мы будем справедливы к ним тем, что строго законно удовлетворим их общее право достоинства женщины и гордое высокое самолюбие равного нам человека... Они примут это право, а что с ним делать — разберутся сами».

Пожалуй, все это тоже звучит несколько наивно и высокопарно. Может быть, потому многие и считали его «выскачкой»? Но замечательно то, что Седов умел сохранять «высокопарную» гражданственность и в повседневной жизни; она была его внутренней сутью.

Сохранилась фотография: Георгий Яковлевич и две девушки в форменных платьицах гимназисток. В одной из них нетрудно уловить черты фамильного сходства: это Пина, дочь Евдокии Яковлевны, сестры Седова. А вторая — Таля Безносова.

В Николаевске-на-Амуре Георгий Яковлевич квартировал в семье Безносовых и стал невольным свидетелем жестокого обращения хозяина квартиры с женой и детьми. Седов помог женщине освободиться от домашнего гнета: она вскоре переселилась в Полтаву, где в то время жили родители Георгия Яковлевича. Сын ее при содействии Седова позже поступил в петербургское реальное училище, старшая дочь — в петербургскую гимназию, а младшая, подружка Пины, фактически выросла в семье Седовых. И Таля, и рано осиротевшая Пина стали как бы дочерьми Георгия Яковлевича.

Слова Седова никогда не расходились с делом. И когда в 1912 году, перед началом полярной экспедиции, он напишет: «Русский народ должен принести на это национальное дело небольшие деньги, а я приношу жизнь», — это будут не просто слова, а глубокая внутренняя убежденность.

Полюс стал целью его жизни, и он, как всегда, готов был идти до конца.

Биографы утверждают, что Седов впервые задумался о достижении полюса еще в 1903 году, когда познакомился в Ар-

**Вспоминает Агриппина Герасимовна Седова:
«Мы все трое сфотографировались перед поездкой в театр.
Георгий Яковлевич был заядлый театрал, был лично знаком
со многими артистами Полтавского театра»**

хангельске с участниками американской полярной экспедиции Циглера-Фиала. Это вполне вероятно. Но потом была война, потом Дальний Восток.

В 1908 году Седов работал в Экспедиции Каспийского моря, в 1909 на Колыме проводил обследование устья реки. Потом — Новая Земля, картирование Крестовой Губы, где был заложен Ольгинский поселок.

Мы можем только предполагать, что он мечтал о полюсе еще в 1903 году. Но теперь, в 1910-м, эта мечта не могла не родиться.

Северный полюс, а точнее спор между Куком и Пири, стал к тому времени попросту модой дня. В петербургских ресторанах даже распевали по этому поводу залихватские куплеты.

В научных кругах царил полное недоумение: открыт полюс или еще не открыт? Русское Географическое общество, заслушав на своем заседании доклад «О достижении Робертом Пири Северного полюса», записало в резолюции: «Сообщение принять к сведению, а относительно приветствия Кука или Пири, как достигнувших Северного полюса, повреме-

нить». Затянувшийся спор двух американских путешественников заставил многих усомниться, что они действительно были на полюсе. Если так — полюс еще ждет своего первооткрывателя!

Летом 1910 года, как раз перед экспедицией на Новую Землю, Седов женился. Жену свою Веру Валерьяновну, урожденную Май-Маевскую, он любил безумно. Принято говорить «любить безумно», писать — не принято. В разговорной речи эти слова — некая малозначащая гипербола. Но Георгий Яковлевич действительно любил безумно. Так и письма к Вере Валерьяновне подписывал: «Твой безумный Георгий», «Твой адски любящий Георгий».

«Целую тебя несчетно раз, обнимаю, прижимаю, мое солнышко, моя яркая звездочка, моя льдинка скользкая».

Николай Васильевич Пинегин познакомился и подружился с Седовым в 1910 году, потом стал участником полюсной экспедиции. Позже Пинегин напишет: «Планы его всегда рассчитаны на подвиг». Кажется, все, что делает Седов начиная с 1910 года, он делает «во имя». Во имя Веры Валерьяновны.

По ее воспоминаниям, вернувшись с Новой Земли, Седов начал постоянно говорить о полюсной экспедиции. Но в 1911 году его вновь посылают на Каспий. Только 9(22) марта 1912 года Седов подает докладную записку начальнику Главного гидрографического управления генерал-лейтенанту А.И. Вилькицкому:

«Горячие порывы у русских людей к открытию Северного полюса проявлялись еще во времена Ломоносова и не угасли до сих пор. Амундсен желает во что бы то ни стало оставить честь открытия за Норвегией и Северного полюса. Он хочет идти в 1913 году, а мы пойдем в этом году и докажем всему миру, что и русские способны на этот подвиг...»

Сначала все складывалось удачно. Газеты восторженно приняли замысел Первой русской экспедиции к Северному полюсу. «Известия Архангельского общества изучения Русского Севера» 1 апреля откликнулись передовой статьей: «...уди-

вительно, что до сих пор еще ни одна русская экспедиция не пыталась отправиться туда, куда влечет каждого помора... туда, где сходятся все северные пути — на полюс... Рано или поздно должно было воплотиться это вековое наше стремление на Север, должен был найтись русский человек, решившийся во что бы то ни стало воплотить это стремление в одну идею — к полюсу!»

«Чтобы России и русскому человеку выпала честь открытия Северного полюса, к этой мысли нельзя отнестись равнодушно», — писал вице-президент Русского Географического общества П.П. Семенов-Тянь-Шанский.

Седова поддержали А.И. Вилькицкий, морской министр России И.К. Григорович. Да и сам царь отнесся к плану экспедиции сочувственно. Седову был предоставлен двухлетний отпуск с сохранением содержания, из капитанов по Адмиралтейству он был переведен во флот с чином старшего лейтенанта. «Понижение» здесь только кажущееся. Флотские офицеры всегда считались в России привилегированной кастой. Сменив серебряные погоны гидрографа на золотые, сын азовского рыбака был, можно сказать, введен в высший свет.

Однако вскоре Георгия Яковлевича поджидало горькое разочарование. Специально созданная при Гидрографическом управлении комиссия резко раскритиковала план экспедиции. Надо отметить, что в состав комиссии входили люди весьма авторитетные, немало поработавшие на Севере. Их замечания по плану, предложенному Седовым, были вполне объективны и правомерны. Начать с того, что старт похода к полюсу намечался с Земли Петермана, одной из тех земель-призраков, которых в свое время немало было на карте Северного Ледовитого океана. Землю Петермана якобы видели в 1873 году участники австро-венгерской экспедиции, однако еще в 1900 году было окончательно доказано, что никакой Земли Петермана не существует. Седов, видимо, не был знаком с результатами итальянской экспедиции и, планируя старт с несуществую-

шей земли, сильно преуменьшал расстояние, которое предстояло пройти его отряду.

Комиссия справедливо указала, что ближайшая к полюсу точка Земли Франца-Иосифа лежит на широте $81^{\circ}48'$ и что Седову предстоит пройти в оба конца более 1700 верст.

К 1912 году Георгий Яковлевич много и успешно поработал на Севере, но он не знал зимней Арктики, не имел никакого опыта движения по дрейфующим льдам. Отсюда и происходили все промахи разработанного им плана.

У Каньи, например, была сотня собак и два вспомогательных отряда. У Пири — двести пятьдесят собак и четыре вспомогательных отряда. По плану Седова переход к полюсу должны были осуществлять три человека с тридцатью девятью собаками. Стремясь максимально уменьшить вес поклажи, Седов считал, что человек может обходиться двумя фунтами пищи в день, а собаки одним фунтом пеммикана. Собачий корм Седов предполагал взять только на дорогу «туда», от полюса весь груз должны были тащить сами люди. Но и в этом случае на каждую собаку приходилось чрезмерно много — три с четвертью пуда (более 50 кг) груза, а на обратном пути на каждого человека по восемь с лишним пудов (150 кг). Вы помните, участники экспедиции Скотта с трудом ташили по 90—100 килограммов, хотя на их пути не было торосов.

Весь опыт полярных путешествий показывал, что цифры Седова совершенно нереальны. К тому же, стремясь «опередить» Амундсена, Георгий Яковлевич намечал срок выхода экспедиции на 1 июля. Времени на подготовку было явно недостаточно.

Нет оснований обвинять членов комиссии в некомпетентности или предвзятости — все замечания были вполне обоснованны.

Да и не только комиссия критиковала план. В те дни Владимир Александрович Русанов, уже пять сезонов проработавший в Арктике, писал: «...воспользуется ли экспедиция Седова каким-либо новым, еще не испытанным приемом или сред-

ством передвижения? Будет ли она снаряжена с особенной, исключительной тщательностью? Войдут ли в состав ее лица, закаленные опытом продолжительных арктических путешествий? Кажется, на все эти вопросы придется ответить отрицательно... Нет возможности для капитана Седова с полной тщательностью подготовиться к долгому и трудному путешествию, так как для тщательной подготовки нужны если не долгие годы, то долгие месяцы, а в распоряжении капитана остается всего лишь каких-нибудь два-три месяца. Что касается до продолжительного опыта странствования среди льдов, то таковым, насколько известно, капитан Седов не обладает. В чем же можно видеть залог успеха?.. Много ли при этом у него будет шансов достигнуть Северного полюса? Мне думается — очень и очень немного».

В конце мая Седов подготовил новый, уточненный план экспедиции. Количество собак увеличивалось теперь до шестидесяти, а груз был уменьшен до 2,18 пуда на одну собаку (около 38 килограммов). Но дневной рацион собак пришлось снизить до 0,6 фунта (приблизительно до 250 граммов). Так что и в новом плане были явно нереальные цифры. Весь поход к полюсу и обратно должен был теперь продолжаться 172 дня — без малого шесть месяцев!

Прав Пинегин: планы Седова всегда рассчитаны на подвиг.

Так оно и было, и много раз в жизни Георгий Яковлевич доказывал, что есть у него и силы, и мужество, чтобы начать и довести до конца трудное дело. Весь его жизненный путь можно назвать подвигом. Седов верил в свои силы, в силы русского человека.

«Кому же, как не нам, привыкшим к работе на морозе, заселившим Север, дойти и до полюса? И я говорю: полюс будет завоеван русскими...»

Комиссия отвергла планы Седова. Государь император пожаловал 10 тысяч рублей, но правительство отказалось выделить деньги на экспедицию.

Может быть, объявить подписку? В газетах печатаются объявления. Кто-то жертвует сто рублей, кто-то несколько копеек. Опять милостыня!

Пожалуй, с этого момента и начинается глубокая личная трагедия Г.Я. Седова. Создан комитет по подготовке экспедиции, во главе которого становятся дельцы из газеты «Новое время».

Горячий патриот России, Седов хотел, чтобы экспедиция была национальным предприятием. А его идею поднимают на шит люди, которые выкрикивают ура-патриотические лозунги и поставляют экспедиции негодную одежду и гнилые продукты.

Финансовая деятельность комитета выглядит вполне анекдотически. В 1912 году Седов просил на организацию экспедиции 60—70 тысяч рублей. Газета «Новое время» с благородным негодованием писала тогда, что сумма эта «много меньше той, которая ежедневно пропивается в петербургских ресторанах». Комитет начал всероссийский сбор пожертвований, был организован выпуск открыток, памятных жетонов. Экспедицию отправили, и обошлось это даже дешевле, чем планировал Седов. А через год комитет... сам просил денег у правительства. Уже не 70, а 175 571 рубль 48 копеек.

Бесконечное число самых неожиданных, самых нелепых препятствий пришлось преодолеть Седову во время подготовки экспедиции. Судно «Святой мученик Фока» удалось, например, зафрахтовать только 27 июня (10 июля). Но это только начало.

2(15) августа судовладелец и капитан В.Е. Дикин извещает Седова, что, несмотря на заключенный контракт, выйти в плавание «Фока» не может, так как он заложен. 6(19) августа иск на 1500 рублей предъявляет Дикину некий С.А. Пономарев. На судно наложен арест. Через несколько дней аналогичный иск на сумму 1328 рублей 25 копеек предъявляет «Торговый дом Шмидт и К°», затем архангельский Комитет помощи поморам; ему Дикин задолжал 6000 рублей.

**Начальник экспедиции Г.Я. Седов, механик «Св. Фоки»
И.А. Зандер, геолог М.А. Павлов, капитан Н.П. Захаров (?), врач,
зам. начальника экспедиции П.Г. Кушаков, художник-фотограф
Н.В. Пинегин, географ В.Ю. Визе**

7(20) августа сам Дикин подает прошение начальнику порта. Он утверждает, что судно перегружено и выйти в море не может.

8(21) августа претензии Дикина удовлетворены: откачана часть пресной воды, сгружено около восьми тонн угля, часть других грузов. 11(24) августа благодаря энергичным мерам Седова арест, наложенный на судно, снят. Дикин... окончательно отказывается идти в плавание.

«Судно течет, — заявляет он. — На судне недостаточно... пресной воды».

Капитан Дикин, его помощник, штурман, механик, помощник механика, боцман... чуть ли не вся команда сходит на берег.

Новая команда была набрана за сутки: выбирать не приходилось.

13(26) августа «Святой Фока» переведен из Соломбальской гавани к Соборной пристани Архангельска.

14(27) августа — торжественные проводы, молебен, льется шампанское...

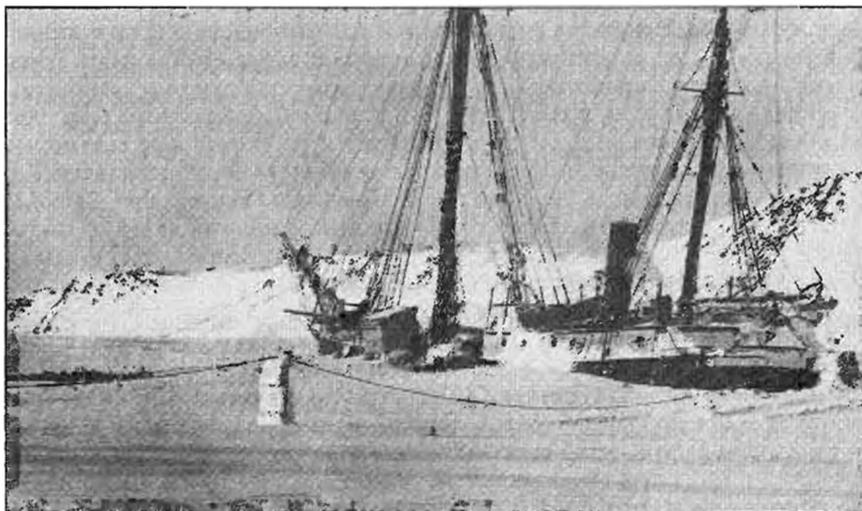
По плану «Фока» должен был доставить отряд Седова на Землю Франца-Иосифа и вернуться в Архангельск. Однако из-за позднего выхода выполнить план не удалось. Судно было затерто льдами у северо-западного побережья Новой Земли.

Нелегкой была эта зимовка: не хватало теплой одежды (ею был обеспечен только полюсный отряд), не хватало многих необходимых «мелочей». Из-за спешки при сборах никто не знал даже, что взято, а что так и не успели получить.

Доктор П.Г. Кушаков, уже в море назначенный завхозом экспедиции, записывал в дневнике: «Искали все время фонарей, ламп и кухни Нансена, но ничего этого не нашли. Не нашли также ни одного чайника, ни одной походной кастрюли. Седов говорит, что все это было заказано, но, по всей вероятности, не выслано. Примусов всего взято два, и притом очень низкого качества».

Выяснилось, что поставщики жестоко обманули Седова. «Вот уже третью бочку вскрываем, — записывал Кушаков, — и солонина оказывается гнилой. Ее нельзя совершенно есть. Когда ее варишь, то в каютах стоит такая вонь, трупный запах, что мы должны все убегать. Эту солонину я не варю, так как ее нельзя есть, но каждый день вскрываю новые бочки и думаю, что у подрядчика хотя немного было совести и он, быть может, по ошибке положил в несколько бочек хорошую солонину, но до сих пор я убеждался в противном. Треска, поставленная им же в количестве 5 больших бочек весом в 130 пудов, оказалась тоже гнилой. Думаю, что из-за такой недобросовестной поставки нам придется сильно страдать».

(Год спустя Г.Я. Седов напишет этому подрядчику, архангельскому купцу Демидову, саркастическое письмо: «Сооб-

«Святой Фока» на зимовке, 1913 год

шаю, что экспедиция пока жива и здорова, питаюсь запасами вашей заготовки...» А два года спустя Демидов будет хлопотать в Петербурге о награждении его медалью за поставки продуктов, в частности для экспедиции Г.Я. Седова.)

Несмотря ни на что, Георгий Яковлевич не терял бодрости духа и даже подумывал идти к полюсу прямо с Новой Земли. Участники экспедиции проводили разнообразные наблюдения и совершили несколько санных походов, существенно уточнив карту Новой Земли. Сам Седов вместе с боцманом А.И. Инютиным прошел со съемкой около семисот километров и впервые закартировал северное побережье архипелага. Это путешествие было очень нелегким — Георгий Яковлевич обморозил несколько пальцев на ногах, похудел на 15 килограммов.

«На обратном пути жизнь наша была трудна, больше — мучительна, ужасна, — писал он жене. — Около одного большого ледника... оторвало сильным ветром лед вплотную и унесло в море. Образовалась полынья шириной сажень 200. Эта полынья благодаря большому морозу покрылась тонким сло-

ем льда ($1\frac{1}{2}$ вершка). Так как нам деваться некуда было — либо идти назад, либо жить по ту сторону полыньи, обойти нельзя, либо переправляться, я решился на последнее. Сам пошел вперед, пробивая палкой лед и тем выбирая себе дорогу, а матросу приказал точно следовать с нартой по моим следам. Я уже благополучно переходил на другую сторону и в душе радовался, что нам удастся переправиться, как вдруг слышу крик. Оглянулся: вижу нарту, собак и человека болтающимися в воле. Я поторопился, как только можно было, на помощь, но, не дойдя до человека шагов 10, сам провалился по грудь. Матрос просит помощи, а я сам в ней нуждаюсь. Наконец я на животе кое-как выполз на лед, но в это время и матрос вылез самостоятельно. Я пополз к нарте, чтобы снять хронометры и документы работы, а также выхватить одно ружье и патроны для жизни, на случай [если] все потонет, но так как я был в полтора раза тяжелее своего прежнего веса, то снова провалился без нарты и ее еще больше погрузил в воду. Матрос хотел подать мне помощь и снова провалился. Картина была потрясающая. Не было никакой надежды на спасение. Лед обламывался, не за что было хвататься. Дул резкий холодный ветер со снегом, морозу — $12\frac{1}{2}^{\circ}$. Члены коченели. Но Господь, по-видимому, был к нам милостив. Мы выползли снова на лед, подобрались с большой осторожностью к собакам, вцепились в постромки обеими руками, и я крикнул на собак изо всей силы, как только мог: «Прррр...» (вперед). Собаки рванулись, и нарта выскочила на лед, а затем с большой осторожностью добрались до берега. Мы имели вид ледяных сосулек. Холодно было страсть как, но надо было работать, иначе пропадешь. Бегом пустились мы в путь и на мысу Медвежьем раскинули лагерь, это 5 верст от места катастрофы, и два дня здесь отогревались и сушились плавником... Я уже прошался с тобой и в последний раз обнимал тебя, моя родная. Я у этого ледника много страдал, но зато оставил много нежных лучших чувств ему, поэтому назвал его ледником “Вера”...».

В начале лета пять человек во главе с капитаном Н.П. Захаровым ушли на юг, чтобы добраться до ближайшего становища, а оттуда в Архангельск. На судне кончался уголь. Седов надеялся, что еще летом 1913 года комитет сумеет обеспечить доставку угля и других припасов на Землю Франца-Иосифа. Тщетные надежды!

Когда «Фока» в 1912 году не вернулся, в России раздавались голоса, призывающие к организации спасательной экспедиции. Ведь на «Фоке» не было радиостанции, и судьба его оставалась неизвестной, предполагали даже, что он погиб. Уголь должны были завезти в любом случае, предварительная договоренность об этом была. Но комитет бездействовал.

Капитан Захаров, вернись он с Новой Земли первым рейсовым пароходом, мог бы «поторопить» комитет. Но капитан... заблудился, «не узнал» Крестовую Губу, куда заходил рейсовый пароход, и добрался до Архангельска только в октябре.

Это неудивительно, если вспомнить, что капитан был нанят за день до отправления экспедиции. Весь предыдущий морской опыт его ограничивался, кажется, только плаваниями по маршруту Архангельск — Соловецкие острова.

В октябре предпринимать что-либо было уже поздно.

Георгий Яковлевич не знал, конечно, о неожиданных «приключениях» капитана Захарова. Он был полон решимости во что бы то ни стало продолжать плавание к берегам Земли Франца-Иосифа и оттуда идти к полюсу. Но промелькнуло лето, а льды все еще держали «Фоку» в плену, точнее уже не «Фоку», а «Михаила Суворина»: во время зимовки он переименовал «Святого Фоку» в честь своего «благодетеля» — редактора газеты «Новое время».

Только третьего сентября судно почувствовало свободу, а шестого подул желанный восточный ветер и судно вместе со льдами отнесло от берега...

Запись в вахтенном журнале: «Офицерский состав экспедиции позволяет себе выразить следующее единогласное мнение: экспедиция в данное время располагает топливом в луч-

шем случае на двое суток хода судна, если будет сожжено все что можно. Офицерский состав экспедиции считает достижение Земли Франца-Иосифа очень мало вероятным. Судно вернее всего будет затерто льдами. Лишь меньшая часть экспедиции снабжена подходящей теплой одеждой... Удачный исход зимовки является очень сомнительным, так как охотой может пропитаться 3 человека, но не 17... Тем паче должна отпасть всякая мысль о прямой цели экспедиции: достижения Северного полюса».

Это был ультиматум, почти бунт на корабле. Офицеры требовали: «Взять курс на зюйд!»

Седов повел судно к норду!

Несколько дней начальник экспедиции практически не сходил с мостика. Лавировали в тяжелых льдах, жгли в топке бревна, доски, старые ящики.

И все-таки они пробились!

Наверное, с полным удовлетворением писал Седов очередной приказ: «Больших трудов стоило старому дряхлому судну добраться до этих широт, тем более что на пути встретилось нам столько льду, сколько ни одна экспедиция, кажется, не встречала (пояс шириной в 3,5°). А если прибавить сюда весьма ограниченный запас топлива и довольно малую скорость судна, то можно сказать смело, что наша экспедиция поистине совершила подвиг. Мы отбросили свои личные интересы и, сплотившись в одно единое целое, на пользу дела экспедиции и на радость Родине добрались сюда. Здесь наш труд, здесь наш и отдых».

На вторую зимовку судно встало в бухте Тихой на острове Гукера. Надвигалась ночь. Условия жизни были на этот раз крайне тяжелыми. Помещения едва отапливались, в каютах лежал лед, и одеяла по утрам нередко примерзали к переборкам. Многие продукты уже кончились.

«Главная наша пища — каша да каша. Самое неподходящее питание для полярных стран», — записывал в дневнике Владимир Юльевич Визе.

Свежего мяса добыть удавалось редко. Пришлось есть и полутухлую солонину, а она, как известно, и в доброкачественном состоянии не может обезопасить от цинги.

В подборе пищевых рационов тоже сказались и спешка при подготовке, и отсутствие опыта у Георгия Яковлевича.

«Перед выходом экспедиции, — пишет В.Ю. Визе, — некоторые участники ее указывали Седову на неуместность включения солонины в список основных пищевых продуктов экспедиции. Но Седов был упрямый человек и от солонины не отказался, сославшись на то, что “в военном флоте и гидрографических экспедициях всегда употребляли солонину”».

Первая зимовка прошла относительно благополучно, но в бухте Тихой болели почти все, только трое оставались здоровыми. Кровоточили десны, многие жаловались на одышку, на странные «ревматические» боли, некоторые едва передвигались на опухших скрюченных ногах. Болен был и Георгий Яковлевич; иногда он целыми днями не выходил из каюты.

«Совсем разбиты ноги ревматизмом, — день за днем читаем мы в его дневнике. — Я по-прежнему слаб, кашляю отчаянно... Испытываю какое-то болезненное состояние... Опять ноги простудил, опять голени болят...»

Седов пишет о болезни сдержанно. Он не хотел даже в дневнике выказывать свою слабость. Записи участников экспедиции более тревожны:

«Сегодня признаки цинги — очень острая боль в ногах, опухоль и краснота — появились у Георгия Яковлевича»... «Георгию Яковлевичу стало хуже. Он очень слаб, бледен, страдает полным отсутствием аппетита, болью в ногах и слабостью десен».

Несмотря на болезнь, несмотря на то что еще первой зимой большинство ездовых собак погибло, Седов продолжал подготовку к полюсному походу. Пожалуй, никто, кроме самого Георгия Яковлевича, не верил, что есть малейшие шансы на успех. Верил ли он?

Н.В. Пинегин в те дни писал: «Для подвига нужны силы, теперь же сам Седов не знает точной меры их. До похода пять дней, а больной то встает, то опять в постели... Но в решение Седова начать борьбу никто не может вмешаться. Существует нечто, организовавшее наше предприятие; это нечто — воля Седова».

Выход был назначен на 2(15) февраля 1914 года. Вместе с Седовым шли два матроса — Григорий Васильевич Линник и Александр Матвеевич Пустошный.

Утром все собрались в кают-компании, дежурный офицер зачитал последний приказ начальника экспедиции: «Итак, сегодняшний день мы выступаем к полюсу; это — событие и для нас, и для нашей Родины. Об этом дне мечтали уже давно великие русские люди — Ломоносов, Менделеев и другие...»

Потом заговорил Седов:

«— Я получил сегодня дружеское письмо. Один из товарищей предупреждает меня относительно моего здоровья. Это правда: я выступаю в путь не таким крепким, как нужно и каким хотелось бы быть в этот важнейший момент... Но я прошу, не беспокойтесь о нашей участи... Даром полярной природе мы не дадимся... Совсем не состояние здоровья беспокоит меня больше всего, а другое: выступление без тех средств, на какие я рассчитывал. Сегодня для нас и для России великий день. Разве с таким снаряжением нужно идти к полюсу? Разве с таким снаряжением рассчитывал я достичь его? Вместо восьмидесяти собак у нас только двадцать, одежда изнасилась, провиант ослаблен работами на Новой Земле, и сами мы не так крепки здоровьем, как нужно. Все это, конечно, не помешает исполнить свой долг. Долг мы исполним. Наша цель — достижение полюса, все возможное для осуществления ее будет сделано...»

Из дневника Седова:

«2 февраля. С утра тихо, пасмурно, температура — 13°. В 12 часов при температуре — 20° под пушечные выстрелы отвалили от судна к полюсу. Провожали нас верст пять вся

здоровая команда и офицеры. Сначала дорога была плохая, но зато собакам помогала команда, а затем дорога улучшилась, а в конце Гукера встретили огромные ропаки, через которые пришлось переправляться благодаря наступившей темноте с большим препятствием: нарты опрокидывались, и люди падали. Я с большими ногами полетел несколько раз...

3 февраля. В 9 снялись с лагеря. Дорога скверная. Выпало много снега, и нарты врезаются в него. Собаки еле тащат. Подвигаемся тихо, тормозом является также третья нарта, которая без человека. Холод собачий, -35° , при этом ветерок прямо в лоб... Ноги мои поправляются, слава богу.

4 февраля. В 9 снялись. В полдень чудная красная желанная заря. Дорога несколько лучше, снег утрамбовало. Собаки идут хорошо, хотя третий день ничего не едят, сало медвежье есть отказались, сегодня дали галет — съели!.. Сегодня было здорово холодно. Я шел в рубашке, сильно продрог. Спасаемся примусом, жжем керосину около двух фунтов в день...

5 февраля....В общем сегодня дорога выпала отвратительная, много рыхлого снега и ропаков. К вечеру... было адски холодно, а я умудрился и сегодня шагать в рубашке, ибо в полушубке тяжело. Продрог снова, в особенности замерзла холка, спина, плечи. Кашляю, тяжело очень при большом морозе дышать на ходу, приходится глубоко втягивать в грудь холодный воздух; боюсь простудить легкие...

6 февраля....У меня по-прежнему болят ноги и усилился бронхит. Идти очень трудно, дышать еще труднее, но тем не менее прошли около пятнадцати верст..

7 февраля....Сегодня термометр минимальный показал -40° . Дорога была ужасно мучительна, ропаки и рыхлый глубокий снег. Страшно тяжело было идти, а в особенности мне, больному. Собаки, бедняжки, не знали, куда свои морды прятать... От двух до четырех была вьюга. Это окончательно нас убило, мы едва продвигались вперед. Я все время оттирал лицо и все-таки не усмотрел, как немного обморозил нос...

8 февраля....Я окончательно простудил себе грудь. Бронхит меня давит, не могу отдышаться. Под вечер страшно лихорадит, едва отогрелся у примуса...

9 февраля....Я до того заболел бронхитом, что не мог идти. Шел впереди Линник, а я сидел на нарте, в которую подпрягли двух лишних собак. Этой же нартой я с трудом управлял. Мне дышать совсем трудно на морозе за работой...

10 февраля. В 9 двинулись дальше. Я до того оказался слаб благодаря бронхиту, что не мог десяти шагов пройти вперед. Сидел опять на нарте. Адски промерз, так как был одет для ходу. Кажется, еще больше усилил простуду, ибо стала болеть грудь и все ниже в правой стороне, страшно лихорадит. Дорога скверная, а я все-таки был вынужден управлять своей нартой, был настоящим мучеником. Сейчас в палатке при огне очень дурно себя чувствую. Ужасно боюсь, чтобы не получить воспаление легких. У Пустошного шла кровь ртом и носом. У Линника сильно мерзли ноги. Сегодня был особенно холодный день.

11 февраля... Я оделся в пимы и полюсный костюм и ехал на нарте, как баба... Собаки с утра все сильно дрожали и везли плохо и только под вечер разошлись. У Линника шла носом кровь, и у Пустошного до того ноги замерзли, что он по дороге вынужден был надеть пимы и в них идти...

12 февраля. Сегодня... холод стоял адский, при -35° ветер 3 балла и метет снег. Это самый холодный день. Пока я еду больным в полюсном костюме, как чучело, и все-таки прозяб. Дорога отвратительная, масса ропаков, приходится проводить по одной нарте, целое мученье, собаки очень мерзнут и плохо везут... Линник подморозил на ногах большие пальцы...

13 февраля. 13-е число неудачное, как вообще. Снялись в 9 и пошли в тумане (идет снег). Дорога тяжелая, собаки еле везут, ничего не видно... В 5 часов остановились ночевать. Вечером пришел медведь к палатке, огромный, собаки его погнажи. Я, несмотря на болезнь, пошел с Линником на со-

бачий лай. Пройдя кое-как около двух верст, мы нашли медведя сидящим в лунке, окруженного собаками. Я несколько раз стрелял в него с аршинного расстояния, но ружье так замерзло, что не дало ни одного выстрела. Когда пошли мы, разочарованные, назад, то я уже двигаться не мог, так плохо себя чувствовал. Пришлось остаться с собаками сторожить медведя, а Линник пошел за нартой. Вскоре медведь выскочил из лунки и побежал... собака за ним. Часа через два меня нашла нарта и привезла, как труп, в палатку. Здоровье свое ухудшил, а тут еще нужно залезать в замерзший обледенелый мешок.

14 февраля. Сегодня в 9 часов потащились дальше. Снег, туман, ничего не видать, собаки не везут — караул. Протащились около трех-четырёх верст и стали лагерем... Здоровье мое очень скверно, вчерашний медведь ухудшил его...

15 февраля....Я ужасно разбит болезнью. Сильнейший бронхит, болит горло и распухли ноги, лежу все время в мешке, настоящий мученик.

16 февраля... Болен я адски и никуда не гожусь. Сегодня опять мне будут растирать ноги спиртом. Питаюсь только одним компотом и водой, другого ничего душа не принимает.

Увидели выше гор впервые милое, родное солнце. Ах, как оно красиво и хорошо! При виде его в нас весь мир перевернулся. Привет тебе, чудеснейшее чудо природы! Посвети близким на родине, как мы ютимся в палатке, больные, удрученные, под 82° северной широты!»

На судне после отъезда Седова все как-то сразу пришло в запустение. В коридорах снег, на полу сор, вода. Цинга свирепствовала — многие не вставали с коек, умер механик Иван Андреевич Зандер. Всех страшила неопределенность.

Утром 6(19) марта кто-то вбежал в кают-компанию.

— Наши идут! Георгий Яковлевич возвращается!

И тут же еще чей-то крик с палубы:

— Только двое идут!

Визе выскочил навстречу первым — одна нарта: впереди Линник, сзади Пустошный.

— Начальника похоронили! — были первые слова Линника...

Вечером все собрались вместе. Читали дневник Седова, потом Линник рассказывал о последних днях Георгия Яковлевича, читал свой дневник.

Из дневника Линника:

«17 февраля. Мороз до 25°. В 8 часов утра двинулись дальше, но, пройдя около 10 верст, начальник, сидевший на нарте, несмотря на то что был одет в меховой одежде, стал жаловаться на невыносимость мороза. Пришлось остановиться, развязать первую нарту и достать спальный мешок, который разложили на нарте. В него влез начальник, спасаясь от холода. Но это помогло мало, так как, пройдя еще около трех верст, пришлось остановиться, разбить палатку и оттирать ноги начальнику спиртом. После чего опять положили на нарту спальный мешок с начальником и двинулись дальше... Пройдя еще... оглянулся назад и увидел, что последняя нарта, на которой лежал начальник, стоит. Сейчас же возвратился обратно, и оказалось, что на повороте мешок с начальником с нарты упал, а тяжело больной начальник даже не чувствовал... Лежа на снегу в мешке, спросил: «Линник, почему нарта стоит на месте, а не двигается вперед?» Тогда я сказал ему: «Вы с нарты упали»...

18 февраля. Мороз до —41°... На дворе снежная буря, двигаться вперед невозможно. К тому же здоровье начальника почти безнадежное, и одного часа за ночь не пришлось уснуть, так как начальник ежеминутно жалуется на ужасный холод в ногах и невозможность и тяжесть дыхания... Я предложил начальнику чего-либо поесть и получил на все отказ. Предложил, наконец, имеющуюся полукоробку осетрины или же коробку Вихоревых консервов, гороху, на что начальник изъявил желание. Тогда я велел Пустошному достать все сказанное, а сам начал варить начальнику шоколад. Но Пус-

тошный достал только осетрину, а гороху достать не мог и так как он работал при бешеной буре с -38° мороза, у него пошла кровь из носа и изо рта, после чего он залез в палатку отогреться. Я же начал отогревать замерзшую баночку осетрины, и, когда еда была готова... я предложил начальнику рюмку коньяку для возбуждения аппетита. Когда начальник выпил, то тут же я испугался до невозможности, так как моментально начальнику стало плохо. К счастью, это скоро прошло. И тогда начальник изъявил желание съесть осетрины. Чайной ложкой я начал кормить начальника, и около половины полукоробки осетрины начальник съел. Затем выпил чашку шоколада и с трудом залез в спальный мешок. Вскоре из мешка начальник вылез и сел около горячего примуса, охая и тяжело дыша. Пульс, он говорит, уже несколько дней бьется от 110 до 120 раз в минуту, и временами уже он теряет сознание...

С 18 на 19 февраля всю ночь о сне никто и не думал, так как ежеминутно начальник терял сознание. Все время горит примус, и мы растираем спиртом ноги и грудь начальника, но облегчения никакого не получается, и, видимо, болезнь принимает опасный оборот. Боюсь, чтобы все не кончилось печально... Я уже второй день пишу дневник над горящим примусом, улавливая, те минуты, когда начальник успокоится и вздремнет у меня на коленях. Что будет дальше, не знаю, а в настоящую минуту все дело очень и очень плохо. Пустошный тоже стал жаловаться на тяжесть дыхания и теперь сидит и стонет. Буря на дворе не перестает. И несчастные собаки мечутся из стороны в сторону, ища спасения от холода.

19 февраля. Вьюга не перестает. Пустошный вылез из палатки кормить собак, и оказывается, что две уже замерзли. И еще некоторых ждет такая же участь, так как отогреть их в палатке теперь невозможно ввиду безнадежного состояния здоровья начальника. Ночь прошла в таком же беспокойстве.

20 февраля. Все время держу на руках голову начальника, который ежеминутно теряет сознание... Пустошный, стоя на коленях, держит примус над грудью начальника, а я поддерживаю на руках голову. К великому нашему горю, это продолжалось недолго. И в 2 часа 40 минут дня начальник последний раз сказал: «Боже мой, боже мой, Линник, поддержи». Голова, находившаяся у меня на руках, склонилась; страх и жалость, в эту минуту мною овладевшие, никогда в жизни не изглядятся в моей памяти... Минут пятнадцать я и Пустошный молча глядели друг на друга, затем я снял шапку, перекрестился и, вынув чистый носовой платок, закрыл глаза своего начальника. Раз в жизни своей в ту минуту я не знал, что предпринять и даже чувствовать, но начал дрожать от необъяснимого страха...»

Матросы похоронили Седова на острове Рудольфа, самом северном острове самого северного нашего архипелага. Вместо гроба — два парусиновых мешка, в изголовье — крест, сделанный из лыж. В могилу положили флаг, который Седов мечтал водрузить на полюсе.

24 февраля (9 марта) Линник и Пустошный двинулись в обратный путь. В упряжке оставалось 14 собак. Керосину — на 5 варок. Экономя горючее, они ели мерзлое сало, вместо чая пили холодную воду, растапливая снег дыханием. Через пять дней керосин кончился.

Прав Визе: «Возможно, было даже еще худшее — что ни один не вернется». Линник и Пустошный с трудом разбирались в карте, да и нельзя было на нее положиться. Вначале они хоть изредка попадали на старый, не занесенный еще пургами след. Потом путались в нагромождениях ропаков, обходили неизвестно откуда взявшиеся трещины.

«Мало видел горя тот, кто не сидел в палатке на льду и в полузамерзшем спальном мешке не дрожал с кружкой холодной воды в руках», — пишет в дневнике Линник.

4(17) марта они поняли, что заблудились. Решили на следующий день повернуть к западу. Температура почти постоянно держалась за тридцать, при отсутствии горячей пищи переносить мороз было очень тяжело. В этот день впервые прямо в меховых костюмах они забрались в спальный мешок.

«Шерсть на моем полюсном костюме почти вся вылезла, и рубашки, которые на мне одеты, все мокры, — записывал в дневнике Пустошный. — Холод ужасный, палец на ноге болит адски, а ноготь уже слез с него, а тело почернело, и весь он загнил, и я боюсь, чтобы у меня не очутился антонов огонь — ну тогда беда».

Случайно они наткнулись на характерный айсберг, похожий на арку, в самом начале путешествия его фотографировал Седов. В этот же день Линник и Пустошный увидели судно...

Имя Георгия Яковлевича Седова необычайно популярно в нашей стране. Именем его названы архипелаг и остров, мыс и пик, пролив, два залива, две бухты... Именем его назван поселок Седово (бывшая Кривая Коса), где он родился. Улица Седова есть и в Москве, и во многих других городах и поселках. Именем Седова называли и называют корабли — вспомните, например, героический, длившийся 812 суток дрейф ледокольного парохода «Георгий Седов», который пересек Северный Ледовитый океан.

Десятки книг и многие сотни статей посвящены жизни и деятельности Георгия Яковлевича Седова. Вполне правомерно и то, что историки вновь и вновь обсуждают мельчайшие детали его последней экспедиции, героической и трагической одновременно.

Так что же все-таки — «подвиг» или «безумная попытка»?

Задним числом, зная уже, чем закончилась экспедиция, трудно отвечать на этот вопрос. Разве не «безумной попыткой» выглядело плавание к Земле Франца-Иосифа с запасом

угля на двое суток? Но они дошли! И с полным основанием писал Седов: «Наша экспедиция совершила подвиг».

Каждый, наверное, человек задумывается над вопросом: что такое подвиг? И каждый, наверное, даст свой ответ. Но можно ответить и так: подвиг — честное исполнение долга, взятых на себя обязательств. Не все и не всегда находят в себе силы на это. Потому и называют подвигом то, что для большинства людей кажется невозможным, а иногда безумным...

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА 1. АДМИРАЛ МОРЯ-ОКЕАНА	5
ГЛАВА 2. ИНДУЛЬГЕНЦИЯ ДЛЯ ЭЛЬ-КАНО	32
ГЛАВА 3. ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ КАПИТАН-КОМАНДОРА.....	50
ГЛАВА 4. ЭТОТ НЕУЖИВЧИВЫЙ АДЬЮНКТ	77
ГЛАВА 5. ДЖЕНТЛЬМЕНОМ НУЖНО РОДИТЬСЯ, БОГОМ МОЖНО СТАТЬ.....	93
ГЛАВА 6. В ПОИСКАХ ЮЖНОГО КОНТИНЕНТА	115
ГЛАВА 7. ГЕНЕРАЛ ОТ ГЕОГРАФИИ	138
ГЛАВА 8. ЧЕЛОВЕК С ЛУНЫ	162
ГЛАВА 9. ПУТИ К ВЕРШИНЕ ПЛАНЕТЫ	194
ГЛАВА 10. ЮЖНЫЙ ПОЛЮС, НАЧАЛО XX ВЕКА	230
ГЛАВА 11. КАПИТАН «ГЕРКУЛЕСА»	271
ГЛАВА 12. ПЛАНЫ ЕГО ВСЕГДА РАССЧИТАНЫ НА ПОДВИГ...	288

Сенкевич Ю.А., Шумилов А.В.

С31 В поисках неведомых земель. Судьбы великих путешественников./Ю.А. Сенкевич, А.В. Шумилов.— М. : Вече, 2005. — 320 с.: ил. (Тайны веков).

ISBN 5-9533-0461-7

В книге приведены рассказы об открытиях и судьбах замечательных географов и путешественников: Колумба и Эль-Кано, Седова и Стеллера, Миклухо-Маклая и Беринга... Двенадцать новелл, двенадцать человеческих судеб.

Книга написана известными путешественниками и исследователями Юрием Сенкевичем и Александром Шумиловым и адресована широкому кругу читателей.

ББК 26.8

Научно-популярное издание

Тайны веков

Сенкевич Юрий Александрович
Шумилов Александр Васильевич

**В ПОИСКАХ НЕВЕДОМЫХ ЗЕМЕЛЬ.
СУДЬБЫ ВЕЛИКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ**

Генеральный директор *Л.Л. Палько*
Ответственный за выпуск *В.П. Еленский*
Главный редактор *С.Н. Дмитриев*
Корректор *С.И. Смирнова*
Верстка *И.М. Сорокина*
Разработка и подготовка к печати
художественного оформления — «Вече-графика»
Д.В. Грушин

ООО «Издательство «Вече 2000»
ЗАО «Издательство «Вече»
ООО «Издательский дом «Вече»
129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24.

Гигиенический сертификат
№ 77.99.02.953.П.001857.12.03 от 08.12.2003 г.

E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 25.03.2005. Формат 60×90¹/₁₆.
Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная. Бумага газетная.
Печ. л. 20 Тираж 7 000 экз. Заказ № 0504130.

Отпечатано в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

КНИГИ ДЛЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

ЭПОХА СТАЛИНА

время подвигов и трагедий
время побед и ошибок
время гордости и позора
время величайших противоречий

**МЫ НЕ ПОНИМАЕМ ЗА СЕНСАЦИЕЙ
МЫ ПРОСТО ОТКРЫВАЕМ ПРАВДУ**

В новой серии «Вече» уже вышли:

- Б. Илизаров
«Тайная жизнь Сталина»
- Р. Баландина, С. Миронов
«Заговоры и борьба за власть»
- В. Лесков
«Сталин и заговор Тухачевского»
- А. Шубин
«Вожди и заговорщики»
- Б. Соколов
«Сталин, Булгаков, Мейерхольд...»
- В. Молодяков
«Несостоявшаяся ось
Берлин—Москва—Токио»
- Р. Баландина, С. Миронов
«Дипломатические поединки Сталина»
- И. Дамаскин
«Сталин и разведка»
- А. Помогайбо
«Оружие Победы и НКВД»

ТАЙНЫ ВЕКОВ

Вплоть до XX в. на нашей планете еще оставались «пятна» — неизведанные загадочные земли, на которые не ступала нога человека. Но шло время, и таких «пятен» становилось все меньше благодаря героическим исследованиям первопроходцев. В книге приведены рассказы об открытиях и судьбах замечательных географов и путешественников: Колумба и Эль-Кано, Седова и Стеллера, Миклухо-Маклая и Беринга, Беллинсгаузена и Лазарева. Двенадцать новелл, двенадцать человеческих судеб.

ISBN 5-9533-0461-7

9 785953 304610

